

LEX RUSSICA

научный юридический журнал

Том 78
№ 8 2025

ISSN 1729-5920 (Print)
ISSN 2686-7869 (Online)

Правовая природа
государственной регистрации
прав на недвижимое
имущество и сделок с ним

Правовые основы налоговых
проверок в Китайской
Республике (Тайвань):
взгляд со стороны

Быть или не быть институту
привлечения в качестве
обвиняемого

Правосубъектность
«дизайнерских детей»
в контексте современной
антропологии права

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РОССИЙСКОГО ПРАВА

- ✓ Свидетельство о регистрации СМИ — ПИ № ФС77-25128 от 7 мая 2014 г., ISSN 1994-1471 (Print), ISSN 2782-1862 (Online);
- ✓ издается с 2004 г., с 2013 г. — ежемесячно;
- ✓ входит в перечень ВАК России;
- ✓ включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ) и Ulrich's Periodicals Directory;
- ✓ каждой статье присваивается индивидуальный международный индекс DOI;
- ✓ отдельные материалы размещаются в СПС «КонсультантПлюс» и «ГАРАНТ», электронной библиотеке «КиберЛенинка».

«Актуальные проблемы российского права» — это научно-практический юридический журнал, посвященный актуальным проблемам теории права, практике его применения, совершенствованию законодательства, а также проблемам юридического образования. Рубрики

журнала охватывают все основные отрасли права, учитывают весь спектр юридической проблематики, в том числе теории и истории государства и права, государственно-правовой, гражданско-правовой, уголовно-правовой, международно-правовой направленности. На страницах журнала размещаются экспертные заключения по знаковым судебным процессам, материалы конференций, рецензии на юридические новинки.

В журнале активно публикуются не только известные ученые и практики, но и молодые, начинающие ученые, студенты юридических вузов. Конечно, размещается большое количество материалов ведущих специалистов Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), в том числе выполненных в рамках НИРов, грантов, активно публикуются победители различных конкурсов.

ВЕСТНИК УНИВЕРСИТЕТА ИМЕНИ О.Е. КУТАФИНА (МГЮА)

- ✓ Свидетельство о регистрации СМИ — ПИ № ФС77-67361 от 5 октября 2016 г., ISSN 2311-5998 (Print), ISSN 2782-6163 (Online);
- ✓ издается с 2014 г. — ежемесячно;
- ✓ входит в перечень ВАК России;
- ✓ включен в Российский индекс цитирования (РИНЦ) и Ulrich's Periodicals Directory;
- ✓ каждой статье присваивается индивидуальный международный индекс DOI;
- ✓ отдельные материалы размещаются в СПС «ГАРАНТ» и в электронной библиотеке «КиберЛенинка».

Отличие «Вестника» от журналов, издаваемых Университетом (Lex russica, «Актуальные проблемы российского права»), и от других российских периодических изданий в том, что каждый его выпуск посвящен отдельной отрасли правовых знаний, например трудовому праву и праву социального обеспечения, международному, финансовому праву и т.д.

Журнал знакомит:

- ✓ с основными направлениями развития юридической науки;
- ✓ с актуальными проблемами теории и истории права и государства;
- ✓ конкретных отраслей права; сравнительного правоведения;
- ✓ методики преподавания правовых и общегуманитарных дисциплин, а также иностранных языков в юридическом вузе;
- ✓ с правоприменительной практикой;
- ✓ с путями совершенствования российского законодательства;
- ✓ с известными российскими и зарубежными учеными, их теоретическим наследием;
- ✓ с материалами конференций и круглых столов, проведенных в Университете или с участием профессорско-преподавательского состава Университета в других российских и зарубежных научных центрах;
- ✓ с новой юридической литературой.

Журнал *Lex russica* — научный юридический журнал, посвященный фундаментальным проблемам теории права, эффективности правоприменения и совершенствованию законодательства. Миссия журнала состоит в создании открытой дискуссионной площадки для обмена актуальной научной информацией, оригинальными результатами фундаментальных и прикладных юридических исследований, подготовленных ведущими российскими и иностранными учеными, специалистами академического и экспертно-аналитического профиля.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ РЕДАКЦИОННОГО СОВЕТА

БЛАЖЕЕВ Виктор Владимирович — ректор Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), профессор, заслуженный юрист РФ, почетный работник высшего профессионального образования РФ, почетный работник науки и техники РФ, г. Москва, Россия

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ РЕДАКЦИОННОГО СОВЕТА

СИНЮКОВ Владимир Николаевич — доктор юридических наук, профессор, проректор по научно-исследовательской деятельности Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), заслуженный деятель науки РФ, почетный сотрудник МВД России, г. Москва, Россия

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

ВАВИЛИН Евгений Валерьевич — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой гражданского права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Москва, Россия

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

ОСМАНОВА Диана Османовна — кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Москва, Россия

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ

СЕВРЮГИНА Ольга Александровна — эксперт отдела научно-издательской политики Научно-исследовательского института Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Москва, Россия

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

АМАТУЧЧИ Карло — доктор юридических наук, профессор коммерческого права Неаполитанского университета имени Федерико II, г. Неаполь, Италия

БЛАНДИНИ Антонио — профессор предпринимательского права Университета Федерико II, г. Неаполь, Италия, и Свободного международного университета социальных наук Гвидо Карли, г. Рим, Италия

БОНДАРЬ Николай Семенович — доктор юридических наук, профессор, судья Конституционного Суда Российской Федерации, г. Санкт-Петербург, Россия

БРИНЧУК Михаил Михайлович — доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник сектора экологического, земельного и аграрного права Института государства и права Российской академии наук, г. Москва, Россия

ВААС Бернд — профессор кафедры трудового и гражданского права в рамках европейского и международного трудового права Института гражданского и коммерческого права факультета права Университета Гёте, г. Франкфурт-на-Майне, Германия

ВАН ЧЖИХУА — доктор юридических наук, профессор Китайского политико-юридического университета, заместитель председателя Научно-исследовательского института российского права при Китайском политико-юридическом университете, заместитель председателя и генеральный секретарь Ассоциации сравнительного правоведения Китая, г. Пекин, КНР

ГРАЧЕВА Елена Юрьевна — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой финансового права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Москва, Россия

ДЕ ЗВААН Яап Виллем — почетный профессор права Европейского Союза Университета Эразмус, г. Роттердам, Нидерланды

ЕРШОВА Инна Владимировна — доктор юридических наук, профессор, первый проректор, заведующий кафедрой предпринимательского и корпоративного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Москва, Россия

ЖАВОРОНКОВА Наталья Григорьевна — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры экологического и природоресурсного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Москва, Россия

ЗОЙЛЬ Отмар — доктор права, почетный доктор права, почетный профессор Университета Paris Nanterre, г. Нантер, Франция

КАШКИН Сергей Юрьевич — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой интеграционного и европейского права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Москва, Россия

КОЛЮШИН Евгений Иванович — доктор юридических наук, профессор, член Центральной избирательной комиссии Российской Федерации, г. Москва, Россия

КОМОРИДА Акио — профессор Университета Канагава, г. Иокогама, Япония

МАЛИНОВСКИЙ Владимир Владимирович — кандидат юридических наук, заместитель Генерального прокурора РФ, государственный советник юстиции 1 класса, г. Москва, Россия

МАНТРОВ Вадим Евгеньевич — доктор юридических наук, доцент, директор Института юридических наук юридического факультета Латвийского университета, г. Рига, Латвия

НОГО Срето — профессор Университета Джона Нейсбита, доктор юридических наук, президент Сербской королевской академии, генеральный секретарь Ассоциации международного уголовного права, вице-президент Всемирного форума по борьбе с организованной преступностью в эпоху глобализации (штаб-квартира в Пекине), г. Белград, Сербия

ПАН ДУНМЭЙ — доктор юридических наук, профессор Хэнаньского университета, почетный ученый «Хуанхэ», г. Кайфэн, КНР

ПЕТРОВА Татьяна Владиславовна — доктор юридических наук, профессор кафедры экологического и земельного права юридического факультета Московского государственного университета имени М.В.Ломоносова, г. Москва, Россия

РАРОГ Алексей Иванович — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права Мо-

сковского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Москва, Россия

РАССОЛОВ Илья Михайлович — доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры информационного права и цифровых технологий Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Москва, Россия

СПИРИДОНОВ Андрей Алексеевич — доктор юридических наук, академик РАЕН, доцент, заместитель директора департамента обеспечения регуляторной политики Правительства Российской Федерации, почетный работник Аппарата Правительства Российской Федерации, действительный государственный советник Российской Федерации 2 класса, г. Москва, Россия

СТАРОСТИН Сергей Алексеевич — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры административного права и процесса Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Москва, Россия

тер ХААР Берил — профессор и директор Центра изучения международного и европейского трудового права (CIELLS), Варшавский университет; именной профессор Европейского и сравнительного права, Гронингский университет

ТУМАНОВА Лидия Владимировна — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой судебной власти и правоохранительной деятельности юридического факультета Тверского государственного университета, г. Тверь, Россия

ХЕЛЛЬМАНН Уве — хабилитированный доктор права, профессор, заведующий кафедрой уголовного и экономического уголовного права юридического факультета Потсдамского университета, г. Потсдам, Германия

ШЕВЕЛОВА Наталья Александровна — доктор юридических наук, профессор, и. о. заведующего кафедрой административного и финансового права юридического факультета Санкт-Петербургского государственного университета, г. Санкт-Петербург, Россия

Издается
с 1948 года

LEX RUSSICA

Научный юридический журнал

Том 78
№ 8 (225)
август 2025

В журнале публикуются статьи по научным специальностям группы 5.1 «Право» (юридические науки)

5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки.
5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки.
5.1.3. Частно-правовые (цивилистические) науки.
5.1.4. Уголовно-правовые науки.
5.1.5. Международно-правовые науки.

РЕГИСТРАЦИЯ СМИ

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор) ПИ № ФС77-58927 от 5 августа 2014 г.

ISSN

1729-5920 (Print), 2686-7869 (Online)

ПЕРИОДИЧНОСТЬ

12 раз в год

УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)»
Садовая-Кудринская ул., д. 9, стр. 1, вн. тер. г. муниципальный округ Пресненский, г. Москва, Россия, 123242

АДРЕС РЕДАКЦИИ

Садовая-Кудринская ул., д. 9, стр. 2, г. Москва, Россия, 125993
Тел.: 8 (499) 244-88-88 (доб. 687). E-mail: lex-russica@yandex.ru

САЙТ

<https://lexrussica.msal.ru>

ПОДПИСКА И РАСПРОСТРАНЕНИЕ

Свободная цена
Журнал распространяется через объединенный каталог «Пресса России» и интернет-каталог агентства «Книга-Сервис»
Подписной индекс 11198
Подписка на журнал возможна с любого месяца

ТИПОГРАФИЯ

Отпечатано в Издательском центре
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
Садовая-Кудринская ул., д. 9, стр. 2, г. Москва, Россия, 125993

ВЫПУСКНЫЕ ДАННЫЕ

Дата выхода в свет: 19.08.2025
Объем 18,13 усл. печ. л. (14,35 а. л.), формат 60×84/8
Тираж 150 экз. Печать цифровая. Бумага офсетная

Переводчики

Н. М. Головина, А. Н. Митрущенкова

Редакторы

М. В. Баукина, Е. В. Осикина, А. В. Савкина

Корректор

А. Б. Рыбакова

Компьютерная верстка

Д. А. Беляков

При использовании опубликованных материалов журнала ссылка на *Lex russica* обязательна.
Полная или частичная перепечатка материалов допускается только по письменному разрешению авторов статей или редакции.
Точка зрения редакции не всегда совпадает с точкой зрения авторов публикаций.

Журнал рекомендован Высшей аттестационной комиссией Министерства науки и высшего образования РФ для публикации основных результатов диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук.

Материалы журнала включены в систему Российского индекса научного цитирования.

Журнал включен в базы данных: Ulrich's, РГБ, Cyberleninka, Library of Congress, IPRbooks.

Lex russica Journal is a scientific legal journal devoted to fundamental problems of the theory of law, the efficiency of law enforcement, and improvement of legislation.

The mission of the Journal is to establish an open discussion platform for the exchange of relevant scientific information, true results of fundamental and applied legal research carried out by leading Russian and foreign scientists, academicians, researchers, and experts.

CHAIRPERSON OF THE COUNCIL OF EDITORS

Victor V. BLAZHEEV — Rector of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Professor, Merited Lawyer of the Russian Federation, Merited Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation, Merited Worker of Science and Technology of the Russian Federation, Moscow, Russia

VICE-CHAIRPERSON OF THE COUNCIL OF EDITORS

Vladimir N. SINYUKOV — Dr. Sci. (Law), Professor, Vice-Rector for Research of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Merited Scholar of the Russian Federation, Merited Employee of the Internal Affairs Bodies of the Russian Federation, Moscow, Russia

CHIEF EDITOR

Evgeniy V. VAVILIN — Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Civil Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russia

DEPUTY CHIEF EDITOR

Diana O. OSMANOVA — Cand. Sci. (Law), Associate Professor of the Department of Civil Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russia

EXECUTIVE SECRETARY

Olga A. SEVRYUGINA — expert of the Research and Publishing Policy Department of the Research Institute of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russia

COUNCIL OF EDITORS

Carlo AMATUCCI — Doctor of Law, Professor of Commercial Law of the University of Naples Federico II, Naples, Italy

Antonio BLANDINI — Professor of Corporate Law, University of Naples Federico II, Naples, Italy, and Free International University of Social Studies Guido Carli, Rome, Italy

Nikolay S. BONDAR — Dr. Sci. (Law), Professor, Judge of the Constitutional Courts of the Russian Federation, St. Petersburg, Russia

Mikhail M. BRINCHUK — Dr. Sci. (Law), Professor, Senior Fellow, Sector of Environmental, Land and Agricultural Law

of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Bernd WAAS — Professor of the Chair of Labour Law and Civil Law under consideration of European and International Labour Law, Institute of Civil and Commercial Law of the Faculty of Law, Goethe University, Frankfurt am Main, Germany

WANG ZHIHUA — Doctor of Law, Professor of China University of Political Science and Law, Deputy Chairman of the Research Institute of Russian Law, China University of Political Science and Law, Vice President and Secretary General of the Association of Comparative Law of China, Beijing, China

Elena Yu. GRACHEVA — Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Financial Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russia

Jaap Willem DE ZWAAN — Emeritus Professor of the Law of the European Union at Erasmus University, Rotterdam, The Netherlands

Inna V. ERSHOVA — Dr. Sci. (Law), Professor, First Vice-Rector, Head of the Department of Business and Corporate Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russia

Natalia G. ZHAVORONKOVA — Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of Environmental and Natural Resources Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russia

Otmar SEUL — Doctor of Law, Merited Doctor of Law, Emeritus Professor of the University Paris Nanterre, Nanterre, France

Sergey Yu. KASHKIN — Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Integration and European Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russia

Evgeniy I. KOLYUSHIN — Dr. Sci. (Law), Professor, Member of the Central Election Committee of the Russian Federation, Moscow, Russia

Akio KOMORIDA — Professor of Kanagawa University, Yokohama, Japan

Vladimir V. MALINOVSKIY — Cand. Sci. (Law), Vice Prosecutor-General of the Russian Federation, Class 1 State Councilor of Justice, Moscow, Russia

Vadim E. MANTROV — Doctor of Law, Associate Professor, Director of the Institute of Legal Sciences at the Faculty of Law of the University of Latvia, Riga, Latvia

Sreto NOGO — Doctor of Law, Professor of John Naisbitt University, President of The Serbian Royal Academy, Secretary General of Association of International Criminal Law, Vice-President of the World Forum on fighting with organized crime in the Global Era (Headquarters in Beijing), Belgrade, Serbia

PAN DUNMEY — Doctor of Law, Professor of Henan Daxue University, «Huang He» Merited Scholar, Kaifeng, China

Tatiana V. PETROVA — Dr. Sci. (Law), Professor of the Department of Environmental and Land Law of the Law Faculty of Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Aleksey I. RAROG — Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of Criminal Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Honorary Lawyer of the city of Moscow, Moscow, Russia

Ilya M. RASSOLOV — Dr. Sci. (Law), Associate Professor, Professor of the Department of Information Law and Digital Technologies of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russia

Andrey A. SPIRIDONOV — Dr. Sci. (Law), Academician of the Russian Academy of Natural Sciences (RANS), Associate Professor; Deputy Director, Department of Regulatory Policy Support of the Government of the Russian Federation; Honored Worker of the Executive Office of the Government of the Russian Federation; 2nd class Actual State Councillor of the Russian Federation, Moscow, Russia

Sergey A. STAROSTIN — Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of Administrative Law and Procedure of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russia

Beryl ter HAAR — Professor and Head of the Centre for International and European Labour Law Studies (CIELLS), University of Warsaw, and Endowed Professor European and Comparative Labour Law, University of Groningens

Lidia V. TUMANOVA — Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of the Judiciary and Law Enforcement of the Faculty of Law of the Tver State University, Tver, Russia

Uwe HELLMANN — Dr. iur. habil., Professor, Holder of the Chair of Criminal Law and Commercial Criminal Law of the Faculty of Law, University of Potsdam, Potsdam, Germany

Natalia A. SHEVELEVA — Dr. Sci. (Law), Professor, Acting Head of the Department of Administrative and Financial Law of the Law Faculty of the St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia

Published
in 1948

LEX RUSSICA
Scientific Journal of Law

Vol. 78
№ 8 (225)
August 2025

**The Journal publishes research papers
written on scientific specialties
of Group 5.1 «Law»
(Legal Sciences)**

5.1.1. Theory and History of Law.
5.1.2. Public Law and State Law.
5.1.3. Private Law (Civil Law).
5.1.4. Criminal Law.
5.1.5. International Law.

**THE CERTIFICATE
OF MASS MEDIA REGISTRATION**

The journal was registered by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media (Roskomnadzor) on 5 August 2014. The Certificate of Mass Media Registration: PI No. FS77-58927

ISSN

1729-5920 (Print), 2686-7869 (Online)

PUBLICATION FREQUENCY

12 issues per year

FOUNDER AND PUBLISHER

Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education
“Kutafin Moscow State Law University (MSAL)”
Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, str. 1,
Presnensky intra-urb.ter. municipal district, Moscow, Russia, 123242

EDITORIAL OFFICE. POSTAL ADDRESS

Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, str. 2, Moscow, Russia, 125993
Tel.: +7 (499) 244-88-88 (ext. 687). E-mail: lex-russica@yandex.ru

WEB-SITE

<https://lexrussica.msal.ru>

SUBSCRIPTION AND DISTRIBUTION

Free price
The journal is distributed through “Press of Russia” joint catalogue
and the Internet catalogue of “Kniga-Servis” Agency
Subscription index: 11198
Journal subscription is possible from any month

PRINTING HOUSE

Printed in Publishing Center of Kutafin Moscow State Law University
(MSAL)
Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, str. 2, Moscow, Russia, 125993

SIGNED FOR PRINTING

19.08.2025
Volume: 18,13 conventional printer's sheets (14,35 author's sheets),
format: 60×84/8
An edition of 150 copies. Digital printing. Offset paper

Translators

N. M. Golovina, A. N. Mitrushchenkova

Editors

M. V. Baukina, E. V. Osikina, A. V. Savkina

Proof-reader

A. B. Rybakova

Computer layout

D. A. Belyakov

When using published materials of the journal, reference to *Lex russica* is obligatory.
Full or partial use of materials is allowed only with the written permission of the authors or editors.
The point of view of the Editorial Board may not coincide with the point of view of the authors
of publications.

Recommended by the Higher Attestation Commission of the Ministry of Science and Higher Education
of the Russian Federation for publication of results of doctoral theses.
Materials included in the journal Russian Science Citation Index.
The Journal is included in Ulrich's, RSL, Cyberleninka, Library of Congress, IPRbooks databases.

СОДЕРЖАНИЕ

ЧАСТНОЕ ПРАВО / *JUS PRIVATUM*

- Кораев К. Б.** Правовая природа государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним 9
- Тихонов А. Н.** Дефектность семейно-правовых актов 22

НАУКИ КРИМИНАЛЬНОГО ЦИКЛА / *JUS CRIMINALE*

- Бурмагин С. В.** Быть или не быть институту привлечения в качестве обвиняемого 31
- Осипов А. Л.** Актуальные вопросы применения цифровых технологий дистанционной коммуникации с судом в уголовном судопроизводстве 42

ПУБЛИЧНОЕ ПРАВО / *JUS PUBLICUM*

- Бурганова Г. В.** Государственно-частное партнерство в вопросах обеспечения безопасности объектов, подлежащих государственной охране при проведении массовых мероприятий 52
- Калинина Л. Е.** Административно-организационное взаимодействие в Российской Федерации: понятие, классификация, формы 62
- Конева Н. С.** Участие государства в развитии кампусов международного уровня: модели взаимодействия публичной власти и академического сообщества в инновационной образовательной среде 72

СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ / *COMPARATIVE STUDIES*

- Иншакова А. О., Тымчук Ю. А.** Стандартизация правового регулирования «умного» сельского хозяйства в Китае: адаптация полезного регулятивного опыта 84
- Шепенко Р. А.** Правовые основы налоговых проверок в Китайской Республике (Тайвань): взгляд со стороны 97
- Шахназаров Б. А.** Подходы КНР к охране интеллектуальных прав на программное обеспечение с открытым исходным кодом, а также на результаты, созданные с его помощью, включая решения на основе систем искусственного интеллекта и охрану авторских прав в процессе их обучения 111

ГЕНОМ / *GENOME*

- Павлов В. И., Павлова Л. В.** Правосубъектность «дизайнерских детей» в контексте современной антропологии права 127

КИБЕРПРОСТРАНСТВО / *CYBERSPACE*

- Грипич С. А.** Состояние и перспективы развития российского законодательства в сфере устойчивого развития в эпоху цифровизации 143

CONTENTS

PRIVATE LAW / JUS PRIVATUM

- Koraev K. B.** The Legal Nature of State Registration of Property Rights and Real Estate Transactions 9
- Tikhonov A. N.** Defects in Family Acts 22

CRIMINAL LAW / JUS CRIMINALE

- Burmagin S. V.** To Be or Not to Be: The Institution of Charging with the Crime as the Accused 31
- Osipov A. L.** Current Issues in the Application of Digital Technologies
in Communication with the Court in Criminal Proceedings 42

PUBLIC LAW / JUS PUBLICUM

- Burganova G. V.** Public-Private Partnership in Ensuring the Security
of State-Protected Facilities During Mass Events 52
- Kalinina L. E.** Administrative and Organizational Interaction
in the Russian Federation: Definition, Classification, and Forms 62
- Koneva N. S.** The Role of the State in the Development of International Campuses:
Models of Interaction between Public Authorities and the Academic Community
in an Innovative Educational Environment 72

COMPARATIVE LEGAL STUDIES / COMPARATIVE STUDIES

- Inshakova A. O., Tymchuk Yu. A.** Standardization of Legal Regulation
for «Smart» Agriculture in China: Adapting Beneficiary Regulatory Experience 84
- Shepenko R. A.** Legal Foundations of Tax Audits
in the Republic of China (Taiwan): An External Perspective 97
- Shakhnazarov B. A.** China's Approaches to Protecting Intellectual
Property Rights in Open-Source Software and AI-Generated Products,
Including Copyright Protection in AI Training 111

GENOME / GENOME

- Pavlov V. I., Pavlova L. V.** Legal Personality of «Designer Babies»
in the Context of Modern Legal Anthropology 127

CYBERSPACE / CYBERSPACE

- Gripich S. A.** Current State and Development Prospects
of Russian Legislation on Sustainable Development in the Digital Era 143

Правовая природа государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним

Резюме. В статье рассматривается сущность государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним, анализируются ее правовая природа и значение как акта укрепления права. Автор подчеркивает, что государственная регистрация выполняет функцию внешнего признака права, обеспечивая его защиту и стабильность гражданского оборота. Особое внимание уделяется историческим моделям регистрации — немецкой и французской, которые демонстрируют различные подходы. Современное российское законодательство сочетает элементы обеих систем, что позволяет гибко регулировать отношения в сфере недвижимости. Автор исследует ключевые вопросы теоретической модели государственной регистрации: объект регистрации (право или сделка); юридическую природу регистрации (принцип внесения или противопоставимости); возможность оспаривания записей в реестре (негативная или позитивная система); принцип публичной достоверности и его влияние на защиту добросовестного приобретателя; степень открытости реестра (принцип гласности). Критически оценивается судебная практика, которая зачастую игнорирует принцип публичной достоверности, требуя от приобретателей недвижимости дополнительных действий по проверке прав продавца. Предлагаются изменения в законодательство для усиления защиты добросовестных участников оборота. В заключение делается вывод о том, что государственная регистрация является важнейшим механизмом укрепления прав на недвижимость, обеспечивающим баланс интересов собственников и приобретателей. Эффективность этой системы зависит от четкого определения ее правовой природы и последовательного применения принципов регистрации.

Ключевые слова: укрепление гражданских прав; государственная регистрация права; государственная регистрация сделки; недвижимость; право собственности; сделка; баланс интересов; собственник; продавец

Для цитирования: Кораев К. Б. Правовая природа государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним. *Lex russica*. 2025. Т. 78. № 8. С. 9–21. DOI: 10.17803/1729-5920.2025.225.8.009-021

The Legal Nature of State Registration of Property Rights and Real Estate Transactions

Konstantin B. Koraev

St. Petersburg State University
of Economics St. Petersburg,
Russian Federation

Abstract. The paper examines the essence of state registration of rights to real property and transactions involving such property, analyzing its legal nature and significance as an act of securing the rights. The author emphasizes that state registration serves as an external indicator of rights, providing protection and stability to transactions regulated by civil law. Special attention is given to historical models of registration, namely, the German and French systems that demonstrate differing approaches. Contemporary Russian legislation combines elements of both systems, facilitating a flexible regulation of relationships in the real property sector. The author investigates key issues within the theoretical framework of state registration.

They include the object of registration (whether it pertains to rights or transactions), the legal nature of registration (the principle of entry *versus* the principle of opposability), the potential for contesting entries within the registry (negative *versus* positive systems), the principle of public authenticity and its impact on the protection of bona fide purchasers, as well as the degree of transparency within the registry (the principle of publicity). A critical assessment of judicial practices reveals a tendency to overlook the principle of public authenticity, often imposing additional verification requirements on property purchasers regarding the rights of sellers. The paper proposes legislative amendments aimed at enhancing the protection of *bona fide* participants in transactions. In conclusion, the author asserts that state registration serves as a fundamental mechanism for reinforcing property rights, thereby ensuring a balance between the interests of owners and purchasers. The effectiveness of this system hinges on a clear definition of its legal nature and the consistent application of registration principles.

Keywords: strengthening civil rights strengthening; state registration of rights; state registration of transactions; real property; property rights; transaction; balancing interests; owner; seller

Cite as: Koraev KB. The Legal Nature of State Registration of Property Rights and Real Estate Transactions. *Lex russica*. 2025;78(8):9-21. (In Russ.). DOI: 10.17803/1729-5920.2025.225.8.009-021

Определение сущности акта государственной регистрации

Вопрос о государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним является одним из дискуссионных в юридической науке. Анализ литературы показывает, что попытка найти ответ на него прежде всего делается через призму сложившихся мировых исторических регистрационных систем¹.

Большинство исследователей не придают значения тому, что государственная регистрация прав на недвижимое имущество и сделок с ним представляет собой один из актов укрепления права. Думается, что именно это обстоя-

тельство должно предопределять контуры теоретической модели регистрации права, ибо, будучи одним из способов укрепления права, государственная регистрация должна подчиняться целям и задачам этого правового механизма.

Необходимость укрепления права связана с тем, что «каждое юридическое отношение может прийти в соприкосновение с общественной властью, может нуждаться в ее охране, а она обещает свое действие к охранению права только тогда, когда существование его представляется несомненным. Действительно, это последнее условие необходимо для того, чтобы общественная власть могла принять принуди-

¹ См.: Дмитриев Г. И., Руш Н. А. Сравнительный анализ современных систем регистрации прав на недвижимость // Современные технологии. Системный анализ. Моделирование. 2013. № 2 (38). С. 251–258; Жужжалов М. Б. Требование о государственной регистрации перехода права собственности // Проблемы регистрации прав, фиксации и удостоверения юридических фактов гражданского права: сборник статей. М.: Статут, 2013. С. 61–108; Бевзенко Р. С. Принципиальные положения статьи 8.1 Гражданского кодекса РФ о государственной регистрации прав на имущество // Закон. 2015. № 4. С. 29–38.

тельные меры к осуществлению права, ибо всякое принуждение представляется тягостным. Поэтому для общественной власти не только имеется интерес, на ней даже лежит обязанность как можно осторожнее употреблять принудительные меры к осуществлению права, употреблять их только тогда, когда существование права несомненно. Вот почему желательно, чтобы возникновение права всегда обозначалось каким-либо резким следом, свидетельствующим о его существовании. И вот почему все законодательства очень дорожат наружным проявлением права, установлением наружного знака, обличающего его существование. Установление такого знака составляет укрепление права (*corroboratio*). Под укреплением права разумеется, таким образом, установление внешнего знака, свидетельствующего о существовании права»².

Безусловно, построение эффективной модели государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним невозможно без учета исторического опыта, который представлен двумя регистрационными моделями: немецкой и французской. Существенные различия между ними сводятся к следующему:

— в рамках немецкой модели объектом регистрации является право, а в рамках французской — сделка;

— немецкая модель базируется на принципе внесения, т.е. право собственности и иные вещные права возникают как для сторон сделки, так и для третьих лиц с момента регистрации права. Следовательно, регистрация права является правосоздающим актом. Французская модель строится на принципе противопоставимости, т.е. право собственности и иные вещные права для сторон сделки возникают независимо от государственной регистрации, а для третьих лиц — только с момента такой регистрации. Следовательно, регистрация права является правоподтверждающим актом;

— для немецкой модели характерен принцип публичной достоверности (наличия записи в реестре достаточно для признания приобретателя имущества добросовестным).

Говоря о немецкой и французской регистрационных моделях, необходимо иметь в виду,

что речь идет об особенностях, которые были им присущи при возникновении и раннем развитии. В настоящий момент вышеописанные системы не характерны ни для Германии, ни для Франции. Иными словами, немецкая и французская регистрационные системы — это *исторические* типы моделей, которые демонстрируют противоположные походы к решению проблем государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ними, но которые под влиянием жизни претерпели существенные изменения в местах их возникновения.

Центральным для государственной регистрации права или сделки является вопрос о том, что подлежит укреплению: право на недвижимость или законный интерес ее потенциального приобретателя. Как представляется, ответ на этот вопрос содержится в нем самом. Раз государственная регистрация права является способом укрепления права, то укрепляться должно право, а не законный интерес.

Следует особенно отметить, что государственная регистрация является способом укрепления прав, несмотря на то, что она обязана своим появлением существенному увеличению гражданского оборота недвижимости, которое началось в позднее Средневековье и не могло происходить, когда «никто, приобретаемая имение, не был уверен, что цена имения уже не поглощена всецело ипотеками или что имение действительно принадлежит тому, кто выдает себя за собственника его. Отсюда не только полный упадок реального кредита, но и падение цен на недвижимость и полный застой оборота недвижимостей»³. Это не значит, что причиной такого незнания было отсутствие укрепления прав на недвижимость. Безусловно, оно существовало. Например, в Средние века в Германии передача вещного права на имение следует в торжественном акте, имеющем место в суде или городском совете и носящем название *Verlassung* или *Auflassung*. По совершении отчуждателем *Verlassung* следовал приговор суда. Приговор составлялся шеффенами и провозглашался судьей. А в заключение *Gerichts-Voigt* провозглашал мир владения и обещал защиту его, грозя, что будет третиро-

² Мейер Д. И. Русское гражданское право // URL: http://civil.consultant.ru/elib/books/45/page_32.html.

³ Базанов И. А. Происхождение современной ипотеки. Новейшие течения в вотчинном праве в связи с современным строем народного хозяйства. 2004 // URL: https://www.consultant.ru/edu/student/download_books/book/proiskhozhdenie_sovremennoj_ipoteki_novejshie_techeniya_v_votchinnom_prave_v_svyazi_s_sovremennym_stroem_narodnogo_hozyajstva/.

вать каждого нарушителя владения как нарушителя правомерного состояния⁴. Это позволяет сделать вывод, что существовавшие до возникновения государственной регистрации способы укрепления прав на недвижимость не могли обеспечить существенно возросший оборот недвижимости, в результате чего потенциальный приобретатель был «не уверен в том, с кем он имеет дело: с собственником, или с простым пользователем имени, или даже с детентором, или неправомерным владельцем»⁵. Следовательно, под влиянием оборота недвижимости произошла существенная эволюция системы укрепления прав на нее, результатом которой явилась государственная регистрация права. Она позволила обеспечить возросший оборот недвижимости за счет установления ясного внешнего знака прав на недвижимость, а вместе с этим четкого представления о том, кто является обладателем права на недвижимость.

Впрочем, вышесказанное не означает, что законный интерес потенциальных приобретателей не имеет значения для права. Безусловно, он важен. Но не как фактор, который наполняет сущностным содержанием теоретическую модель государственной регистрации, а как фактор, который определяет некоторые параметры этой модели.

Таким образом, сущность системы государственной регистрации прав и сделок есть укрепление гражданских прав на недвижимые вещи.

Определение сущности государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним имеет большое значение, так как основные контуры теоретической модели государственной регистрации должны из нее вытекать.

В качестве реперных точек этой модели можно назвать следующие проблемные вопросы:

— что является объектом регистрации: право или сделка;

— каким юридическим фактом выступает регистрация: правосоздающим (принцип внесения) или правоподтверждающим (принцип противопоставимости);

— возможно ли оспаривание записи в реестре при недействительности юридического основания внесения (негативная или позитивная регистрационная система);

— достаточно ли записи в реестре для признания приобретателя имущества добросовестным (принцип публичной достоверности);

— какой должна быть степень открытости государственного реестра (принцип гласности)?

Что является объектом регистрации: право или сделка?

До недавнего времени в нашем законодательстве объектом регистрации по сути была сделка⁶. Несмотря на то что формально предусматривалась возможность регистрации как права, так и сделки, право невозможно было зарегистрировать, не зарегистрировав сделку. Регистрация сделки автоматически влекла регистрацию права. По этой причине законодатель в п. 1 ст. 2 Федерального закона от 21.07.1997 № 122-ФЗ «О государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним» (утратил силу) определяет государственную регистрацию прав на недвижимое имущество и сделок с ним как единый юридический акт.

С принятием Федерального закона от 30.12.2012 № 302-ФЗ «О внесении изменений в главы 1, 2, 3 и 4 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» законодатель разделил государственную регистрацию права и сделки на два разных правовых механизма, тем самым установив не формально, а фактически, два объекта регистрации: право и сделку.

Таким образом, в настоящий момент законодательство России в этом вопросе использует как немецкую регистрационную модель (объект регистрации — право), так и французскую (объект регистрации — сделка). Следует отметить, что действующее законодательство Франции также в качестве объектов регистрации называет право и сделку (ст. 2521 Гражданского кодекса Франции⁷).

⁴ Базанов И. А. Указ. соч.

⁵ Базанов И. А. Указ. соч.

⁶ Следует отметить, что в литературе также высказывается противоположное мнение. Например, Р. С. Бевзенко указывал: «...ядром регистрационной системы в России является именно регистрация прав на недвижимость, а не сделок с ней» (Бевзенко Р. С. Государственная регистрация прав на недвижимое имущество: проблемы и пути решения // Вестник гражданского права. 2011. № 5, 6 ; 2012. № 1).

⁷ Согласно ст. 2521 Гражданского кодекса Франции «с учетом иных прав, регистрация которых предусмотрена настоящим Кодексом, другими действующими в Майотте кодексами или актами гражданского

Как представляется, использование смешанной системы, когда в качестве объектов регистрации выступают как право, так и сделка, является более эффективным: на практике это позволяет использовать принципы и внесения, и противопоставимости в зависимости от тех задач, которые стоят перед законодателем, что будет показано далее.

Каким юридическим фактом является регистрация: правосоздающим (принцип внесения) или правоподтверждающим (принцип противопоставимости)?

Анализ указанных принципов позволяет сделать вывод, что принцип внесения связан с регистрацией права, а принцип противопоставимости — с регистрацией сделки. При этом данная связь носит объективный, а не механический характер. Свидетельством тому является опыт нашего правового регулирования. Ранее действовавшее законодательство регистрацию сделок основывало на принципе внесения. Это выражалось в

том, что по общему правилу договор, подлежащий государственной регистрации, считался заключенным с момента его регистрации (п. 3 ст. 433 прежней редакции ГК РФ), а в установленных законом случаях несоблюдение требования о государственной регистрации сделки влекло ее недействительность (п. 1 ст. 165 утраченной силу редакции ГК РФ).

Опыт такого регулирования показал, что «гражданский оборот настойчиво искал договорную конструкцию, которая позволяла бы связать участников сделок с недвижимостью обязательством осуществить государственную регистрацию перехода права собственности с жилой недвижимостью (выход был найден в получившей широкое распространение практике заключения предварительных договоров⁸), а также способ проводить частичные платежи до регистрации перехода права (что выразилось в практике включения в предварительные договоры условия об обеспечительном платеже)⁹.

С 1 марта 2013 г. законодатель отказался от принципа внесения в отношении государственной регистрации сделок и подчинил ее прин-

законодательства, с целью придания правам силы в отношении третьих лиц, в земельной книге подлежат регистрации:

1. Следующие вещные права:

- а) право собственности на недвижимое имущество;
- б) usufruct, установленный на то же имущество договором;
- в) право пользования и проживания в помещении;
- г) эфитевзис, предусмотренный положениями ст. L. 451-1 — L. 451-12 Кодекса законов о сельском хозяйстве;
- д) суперфиций;
- е) сервитуты;
- ё) залог недвижимого имущества;
- ж) вещное право, вытекающее из правоустанавливающего документа на занятие помещений публичной собственности государства или одного из его публичных учреждений, выданного на основании действующего в Майотте Кодекса законов о собственности государства и административно-территориальных образований;
- з) привилегии и ипотеки.

2. Договоры аренды, заключенные на срок, превышающий двенадцать лет, и — в том числе и в отношении аренды с более коротким сроком — документы о суброгации или уступке на срок, равный трем годам по договору простой или сельскохозяйственной аренды, которые не истекли.

3. Права, подлежащие преданию гласности в силу п. 1 и 2, вытекающие из актов или решений, которыми подтверждается, расторгается, аннулируется или отменяется соглашение или распоряжение на случай смерти.

Однако сервитуты, вытекающие из естественного месторасположения участков или установленные в силу закона, регистрации не требуют».

⁸ Следует отметить, что предварительные договоры, которые на практике заключались до государственной регистрации основных сделок с целью получения по ним оплаты, также не являлись адекватной договорной конструкцией, так как их правовая природа порождает только обязательство заключить договор в будущем и исключает возможность перемещения материальных ценностей между сторонами.

⁹ Бевзенко Р. С. Принципиальные положения статьи 8.1... С. 32.

ципу противопоставимости, что позволило на практике устранить вышеперечисленные недостатки.

Таким образом, выбор между принципами внесения или противопоставимости поставлен в зависимость от выбора объекта регистрации: права или сделки.

Регистрации права и сделки относятся к разным группам укрепления прав:

— «одни акты составляют одновременно с приобретением права, так что установление знака, свидетельствующего о праве, совершение акта — в неразрывной связи с возникновением права, и, следовательно, до совершения акта нет и права (например, без государственной регистрации права нет самого права. — *К. К.*) <...>;

— другие же акты только укрепляют право, а существование его признается независимо от акта (например, можно продать телефон, а в последующем составить простую письменную форму договора. В результате право собственности возникнет с момента передачи вещи, а его укрепление произойдет после составления письменного договора. — *К. К.*)»¹⁰.

К первой группе актов укрепления следует отнести государственную регистрацию права, основой которой является принцип внесения, ко второй — государственную регистрацию сделок, которая базируется на принципе противопоставимости.

В отличие от второй первая группа позволяет укрепить не только факт существования права, но и моменты его возникновения, перехода и прекращения. Эта особенность позволяет лучше обеспечить охрану интересов не только сторон правоотношений, но и третьих лиц. По этой причине, как представляется, именно это должно предопределять выбор при установлении того или иного вида укрепления права. В тех случаях, когда по характеру укрепляемого права требуется охрана прав сторон правоотношений, укрепление права может происходить посредством актов, которые могут существовать помимо укрепляемого права. В ситуациях, когда по характеру укрепляемого права необходимо обеспечить охраной интересы не только сторон правоотношений, но и третьих лиц, следует акт неразрывно связывать с укрепляемым правом.

Думается, что характеристикой укрепляемого права, которая определяет выбор между

актами укрепления, является его абсолютность или относительность. Если требуется укрепление абсолютного права, то необходимо в правовом регулировании использовать систему государственной регистрации права, основанную на принципе внесения. Если же укрепляемое право имеет относительный характер (например, аренда недвижимости), то следует использовать систему государственной регистрации сделки, базирующейся на принципе противопоставимости.

Анализ законодательства показывает, что именно такой подход использует действующее регулирование: регистрация права (ст. 8.1 и 131 ГК РФ) основана на принципе внесения (п. 2 ст. 8.1 ГК РФ), а регистрация сделки (ст. 164 и п. 3 ст. 433 ГК РФ) — на принципе противопоставимости (п. 3 ст. 433 ГК РФ). Это представляется обоснованным.

Указанный отечественный подход отличается от французского гражданского законодательства. Там, как и у нас, в качестве объектов регистрации выступают права и сделки (ст. 2521 Гражданского кодекса Франции). Но во Франции регистрация права, наряду с регистрацией сделок, построена на принципе противопоставимости. То есть, если ранее российский законодатель механически связал государственную регистрацию сделок с принципом внесения, что показало свою неэффективность, то, как представляется, также механически французский законодатель государственную регистрацию прав связал с принципом противопоставимости. Думается, что такой подход на практике будет только порождать проблемы для оборота. Например, как быть в ситуации, когда незарегистрированный залогодержатель обратил взыскание на предмет залога и продал его третьему лицу (А), а параллельно с этим залогодатель этот же предмет продал другому лицу (Б)? Наверное, с точки зрения французского права кто первый регистрирует право в реестре, тот и собственник. Но если первым будет А, то возможна ли регистрация его права собственности без регистрации самого права ипотеки? Если да, то в чем ценность реестра, который не обеспечил защитой законный интерес Б?

Таким образом, ответ на вопрос, каким юридическим фактом является регистрация: правосоздающим (принцип внесения) или правоподтверждающим (принцип противопоставимости), поставлен в зависимость от объекта

¹⁰ Мейер Д. И. Указ. соч.

регистрации. Если объектом регистрации является право, то регистрация представляет собой правосоздающий юридический факт (принцип внесения), если же сделка, то правоподтверждающий (принцип противопоставимости). При указанных обстоятельствах нельзя согласиться с редакцией ч. 3 ст. 1 Федерального закона от 13.07.2015 № 218-ФЗ «О государственной регистрации недвижимости», согласно которой государственная регистрация прав на недвижимое имущество — юридический акт *признания и подтверждения* возникновения, изменения, перехода, прекращения права определенного лица на недвижимое имущество или ограничения такого права и обременения недвижимого имущества. В данном случае законодатель не учитывает, что государственная регистрация права является правосоздающим юридическим фактом. Кроме того, неясно, почему законодатель, закрепляя легальную дефиницию понятия «государственная регистрация права», не дает легального определения категории «государственная регистрация сделки»?

Несмотря на то что действующее правовое регулирование государственной регистрации прав основано на принципе внесения, в законодательстве содержится ряд исключений: п. 4 ст. 218, п. 4 ст. 1152 ГК РФ¹¹ и т.д. Как представляется, в перечисленных исключениях нет никакой необходимости, и ничего не мешает распространить на них принцип внесения. Как обоснованно указывается в литературе, «отступление от начала внесения неизбежно создает некоторую “раздвоенность” в правах на недвижимость: существуют права “внесенные”, а также права “невнесенные”, но которые тем не менее признаются возникшими. Кроме того, вполне возможно расхождение “реестровой” собственности на вещь и реальной принадлежности этого права»¹². Особенно это касается совместно нажитого недвижимого имущества супругов (п. 2 ст. 34 СК РФ), которое, будучи общей совместной собственностью, чаще всего в

реестре указывается как собственность одного из супругов. Думается, что в связи с появлением в нашем законодательстве принципа публичной достоверности следует отойти от практики получения нотариального согласия супруга на совершение сделок с недвижимостью и переходить к точному закреплению правового режима совместно нажитого недвижимого имущества в реестре. При регистрации права на недвижимое имущество супругов в реестре необходимо указывать право общей совместной собственности, если иное не обозначено в заявлении самих супругов, например общая долевая собственность или индивидуальная собственность одного из супругов. В последнем случае на такое имущество должен распространяться договорный режим. С одной стороны, такое регулирование повысит информационную объективность государственного реестра, с другой — исключит возможность оспаривания сделок одним из супругов в связи с неполучением его нотариального согласия на сделку.

Правовая природа обращения в государственный орган за государственной регистрацией. Поскольку внесение записи в реестр представляет собой акт, влекущий определенные юридические последствия, то важен вопрос о том, чем являются отношения по обращению в государственный орган за государственной регистрацией.

Действующее законодательство не дает однозначного ответа на этот вопрос. При этом законодатель по-разному регулирует государственную регистрацию права и сделки.

Согласно п. 2 ст. 165 ГК РФ, если сделка, требующая государственной регистрации, совершена в надлежащей форме, но одна из сторон уклоняется от ее регистрации, суд по требованию другой стороны вправе вынести решение о регистрации сделки. В этом случае сделка регистрируется в соответствии с решением суда. Кроме того, сторона, необоснованно уклоняющаяся от государственной регистрации сделки,

¹¹ В юридической науке высказывается мнение, что «на практике признание наследника (пусть и ретроактивно) собственником недвижимого имущества с момента открытия наследства позволяет не только решить вопрос о судьбе плодов и доходов вещи, расходов на нее, но и предоставить наследнику, который принял наследство, но не получил свидетельство о праве на наследство и не внес запись о себе как о собственнике в ЕГРП, возможность защищать свое владение наследственным имуществом, как это обычно делает собственник, т.е. при помощи виндикационных и негаторных исков» (Бевзенко Р. С. Государственная регистрация прав на недвижимое имущество). Приведенное мнение представляется спорным. Думается, что факт возникновения у наследника права собственности на недвижимость с момента регистрации не лишает его тех правовых возможностей, о которых пишет автор.

¹² Бевзенко Р. С. Государственная регистрация прав на недвижимое имущество.

должна возместить другой стороне **убытки**, вызванные задержкой в регистрации сделки. Из содержания приведенных норм можно сделать вывод, что отношения по регистрации сделки являются гражданско-правовым обязательством (ст. 307 ГК РФ), в силу которого одна сторона обязана совершить необходимые действия по регистрации сделки, а другая сторона имеет право требовать совершения этих действий. Именно такая квалификация отношений позволяет объяснить возможность взыскания убытков как меру ответственности за нарушение обязательства.

Применительно к регистрации права законодатель не устанавливает аналогичных общих правил, что представляется упущением. Действующее законодательство содержит только специальные нормы, регулирующие эти отношения. В частности, согласно п. 3 ст. 551 ГК РФ в случае, когда одна из сторон уклоняется от государственной регистрации перехода права собственности на недвижимость, суд вправе по требованию другой стороны вынести решение о государственной регистрации перехода права собственности. Сторона, необоснованно уклоняющаяся от государственной регистрации перехода права собственности, должна возместить другой стороне **убытки**, вызванные задержкой регистрации. В данном случае также можно увидеть, что уклонение от государственной регистрации права влечет возникновение ответственности в форме возмещения убытков, что свидетельствует об обязательственной природе отношений сторон сделки по обращению в государственный орган за регистрацией права.

Таким образом, как представляется, обращение в государственный орган за регистрацией права или сделки следует квалифицировать в качестве юридической обязанности каждой из сторон сделки. Такого же подхода придерживается немецкое законодательство. Так, согласно п. 1 § 433 Германского гражданского уложения по договору купли-продажи продавец вещи обязуется передать вещь покупателю и предоставить ему право собственности на нее.

Если обращение в государственный орган является обязательством, то можно ли требовать его исполнения в натуре (ст. 308.3 ГК РФ) в случае уклонения от государственной регистрации, а точнее, в случае неисполнения этой обязанности? Как представляется, использование такого способа защиты права нецелесообразно, так как исполнение таких решений будет край-

не затруднительным. По этой причине следует согласиться с действующим правилом, согласно которому при уклонении стороны от государственной регистрации по требованию другой стороны суд вправе вынести решение о государственной регистрации. При рассмотрении таких требований суд по существу выполняет функции государственного органа, закрепленные в п. 5 ст. 8.1 ГК РФ (см. также п. 62 постановления Пленума Верховного Суда РФ № 10, Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 29.04.2010 № 22 «О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при разрешении споров, связанных с защитой права собственности и других вещных прав»). После вынесения решения о государственной регистрации права или сделки государственная регистрация осуществляется государственным органом на основании этого решения без проверки обстоятельств, указанных в п. 5 ст. 8.1 ГК РФ. Иными словами, государственный орган, приводя в исполнение решение суда, осуществляет «технические» действия по внесению записи в реестр.

Возможность осуществления регистрационных действий не только государственным органом, но и судом предусматривается законодательствами других стран. Например, согласно ст. 2527 Гражданского кодекса Франции хранитель прав на недвижимость или суд, в случае обращения к нему, должен убедиться в том, что указанное в заявлении право подлежит регистрации, что акты, предъявляемые в обоснование заявления, удовлетворяют предписанным формальным требованиям и что лицо, которому принадлежит право, зарегистрировано в соответствии со ст. 2523.

Возможно ли оспаривание записи в реестре при недействительности юридического основания внесения (негативная или позитивная регистрационная система)?

В зависимости от возможности оспаривания записи в реестре принято выделять негативную и позитивную регистрационные системы. Первая не допускает оспаривания записи в реестре при недействительности юридического основания внесения и характерна для немецкой регистрационной модели. Вторая, напротив, дает такую возможность.

Возможность оспаривания записи в реестре не следует отождествлять с принципом публичной достоверности реестра. В юридической ли-

тературе отмечается, что в российских законодательстве, доктрине и судебно-арбитражной практике принцип публичной достоверности подвергся отождествлению с защитой добросовестного приобретателя. Публичная достоверность реестра в Германии зиждется на фикции действительности записи даже в случаях недействительности оснований ее внесения. В качестве примера приводится спор из практики Верховного суда ФРГ: приобретатель был настолько беспечен, что не обратился перед совершением сделки к реестру для получения выписки, чтобы удостовериться, с кем он имеет дело. Впоследствии выяснилось, что хотя на момент совершения сделки регистрационная запись на имя отчуждателя в реестре имела, однако она была внесена по недействительному основанию. Тем не менее принцип публичной достоверности реестра защитил беспечного приобретателя¹³.

Приведенное мнение представляется спорным.

Во-первых, принцип публичной достоверности в Германии связан с презумпцией достоверности реестра для добросовестного лица в силу параграфа 892 «Публичное доверие к поземельной книге» Германского гражданского уложения, согласно которому содержание поземельной книги *признается* достоверным в отношении лица, которое вследствие совершения сделки приобрело право на земельный участок или право, обременяющее это право.

Во-вторых, действующее немецкое законодательство допускает возможность оспаривания записи в реестре, т.е. основано на позитивном принципе. Так, согласно § 894 «Исправление записи в поземельной книге» Германского гражданского уложения, если содержание поземельной книги не соответствует действительному положению в отношении права на земельный участок, либо права, обременяющего это право, либо ограничения права на

распоряжение, предусмотренного абзацем 1 § 892, то лицо, чье право не зарегистрировано, либо зарегистрировано неправильно, либо нарушено записью о несуществующем обременении или ограничении, может потребовать от лица, право которого затронуто, согласия на исправление записи в поземельной книге.

В-третьих, как представляется, автором ошибочно смешиваются такие элементы регистрационной системы, как возможность оспорить запись путем оспаривания основания ее внесения (*позитивность регистрационной системы*) и принцип публичной достоверности, упрощающий установление презумпции добросовестности приобретателя¹⁴, в зависимости от которой в некоторых случаях (например, ст. 302 ГК РФ) ставится защита его прав.

Следовательно, принцип публичной достоверности не затрагивает вопросов возможности или невозможности оспаривания записи в реестре путем оспаривания основания ее внесения, он только определяет случаи, когда приобретатель имущества считается добросовестным с целью защиты его прав, в том числе когда в основе реестровой записи недействительная сделка.

Таким образом, негативность или позитивность как свойство регистрационной системы не следует смешивать с принципом публичной достоверности, который является иным правовым элементом этой системы.

Выбор между негативной и позитивной регистрационными системами необходимо делать, отталкиваясь прежде всего от сущности государственной регистрации, которая есть способ укрепления права. Как обоснованно указано в юридической науке, «внешний признак права собственности есть укрепление; внутренние признаки или качества, составляющие его содержание, суть владение, пользование и распоряжение»¹⁵. Таким образом, поскольку государственная регистрация является только

¹³ Рудоквас А. Д. О влиянии регистрационной системы на оборот недвижимости // Вестник гражданского права. 2022. № 1.

¹⁴ «Германское право в § 891 BGB также закрепляет законную презумпцию принадлежности зарегистрированного права указанному в записи лицу (и, наоборот, отсутствия права, прекращенного записью в поземельной книге), а в силу абз. 1 § 892 BGB содержание земельной книги признается достоверным в отношении лица, которое приобрело право на недвижимость на основании такой записи. В результате даже «неправомерно внесенные (в земельную книгу) права существуют; неправомерно не внесенные (в нее) права не существуют; в целом: неправильное содержание (запись) земельной книги действует как правильное», если оно не оспорено в порядке, предусмотренном § 894 BGB» (Суханов Е. А. Вещное право: научно-познавательный очерк. М.: Статут, 2017).

¹⁵ Победоносцев К. П. Курс гражданского права. М.: Статут, 2002. Ч. 1: Вотчинные права.

внешним признаком права собственности, то, безусловно, она не может иметь приоритета над внутренним его содержанием. По указанной причине государственная регистрация как способ укрепления права должна иметь позитивный характер, который не только позволит придать внешний знак укрепляемому праву, но и обеспечит защитой его содержание.

Достаточно ли записи в реестре для признания приобретателя имущества добросовестным (принцип публичной достоверности)?

В отличие от ранее рассмотренных элементов регистрационной системы принцип публичной достоверности обеспечивает охрану законного интереса потенциального покупателя, а не собственника недвижимости. Он дает возможность приобретателю имущества в упрощенном порядке отстаивать свою добросовестность. На это можно возразить, что предположение о добросовестности приобретателя недвижимости вытекает не из принципа публичной достоверности, а из общей гражданско-правовой презумпции добросовестности и разумности участников гражданских правоотношений (п. 5 ст. 10 ГК РФ). Это не совсем так. Принцип публичной достоверности значительно трансформирует действие этого предположения в пользу приобретателя недвижимой вещи: с одной стороны, приобретателю для того, чтобы считаться добросовестным, достаточно полагаться только на данные реестра (он освобожден от совершения иных действий, например от предварительного осмотра предмета покупки, проверки оснований приобретения недвижимости продавцом и т.д.). С другой стороны, презумпция добросовестности может быть опровергнута только способами, которые прямо указаны в законе.

На таком понимании принципа публичной достоверности основаны законодательства Германии и России. Согласно § 892 Германского гражданского уложения содержание поземельной книги признается достоверным в отношении лица, которое вследствие совершения сделки приобрело право на земельный участок или право, обременяющее это право, за исключением случаев, когда в поземельную книгу внесено возражение в отношении достоверности записи либо о недостоверности записи известно приобретателю.

Из приведенной нормы следует, что презумпция добросовестности приобрете-

ля может быть опровергнута только в двух случаях:

— если сделка совершена, несмотря на внесенное в поземельную книгу возражение в отношении достоверности записи;

— если о недостоверности записи известно приобретателю. Следует обратить внимание на то, что необходимо именно позитивное знание об этом, а не возможность его получения.

Согласно п. 6 ст. 8.1 ГК РФ лицо, указанное в государственном реестре в качестве правообладателя, признается таковым, пока в установленном законом порядке в реестр не внесена запись об ином. Зарегистрированное право может быть оспорено только в судебном порядке. Приобретатель недвижимого имущества, полагавшийся при его приобретении на данные государственного реестра, признается добросовестным (ст. 234 и 302), пока в судебном порядке не доказано, что он знал или должен был знать об отсутствии права на отчуждение этого имущества у лица, от которого ему перешли права на него.

Кроме того, согласно п. 38 постановления Пленума Верховного Суда РФ № 10, Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ № 22 от 29.04.2010 приобретатель не может быть признан добросовестным, если на момент совершения сделки по приобретению имущества право собственности в ЕГРП было зарегистрировано не за отчуждателем или *в ЕГРП имелась отметка о судебном споре в отношении этого имущества*. В то же время запись в ЕГРП о праве собственности отчуждателя не является бесспорным доказательством добросовестности приобретателя. Ответчик может быть признан добросовестным приобретателем имущества при условии, если сделка, по которой он приобрел владение спорным имуществом, отвечает признакам действительной во всем, за исключением того, что она совершена неуправомоченным отчуждателем. Собственник вправе опровергнуть возражение приобретателя о его добросовестности, доказав, что при совершении сделки приобретатель должен был усомниться в праве продавца на отчуждение имущества.

Из приведенных положений следует, что презумпция добросовестности приобретателя может быть опровергнута в случаях:

— *если он знал или должен был знать об отсутствии права на отчуждение этого имущества у лица, от которого ему перешли права на него;*

— если в ЕГРП имелась отметка о судебном споре в отношении этого имущества.

В отличие от немецкого российское право не только требует позитивного знания о факте отсутствия правомочий на отчуждение вещи, но и настаивает на необходимости знания этого факта. Однако какая норма возлагает на приобретателей имущества обязанность знать, что имущество отчуждается неправомочным приобретателем, неясно. По этой причине представляется правильным исключить из абз. 3 п. 6 ст. 8.1 ГК РФ словосочетание «или должен был знать».

Кроме того, последнее условие опровержимости презумпции добросовестности установлено не законом, а судебным актом, что также является законотворческим недостатком, требующим исправления.

Несмотря на то что наше законодательство устанавливает принцип публичной достоверности реестра, судебная практика его обесценивает. Это выражается в том, что для установления добросовестности приобретателя недвижимого имущества судам недостаточно, чтобы указанное лицо полагалось только на данные реестра. Они требуют от приобретателя иных действий по установлению законности основания приобретения. В качестве примера можно привести следующие решения судов:

«Оценивая действия Иванова А. М., связанные с приобретением имущества по договору купли-продажи от 05.05.2021, суд пришел к выводу о том, что их нельзя признать добросовестными.

При этом суд исходил из того, что ответчик Иванов А. М. при заключении договора купли-продажи и указании в нем стоимости предмета договора, отличной от реальной стоимости, уплаченной Ващинскому А. А. за приобретаемые объекты недвижимости, должен был усомниться и принять дополнительные меры для проверки обстоятельств, при которых Ващинский А. А. продал спорные помещения.

Также судом указано, что Иванов А. М. не был лишен возможности при заключении сделки купли-продажи от 05.05.2021 определить

рыночную стоимость нежилых помещений, расположенных по адресу: <...>, и выяснить у продавца причины продажи данных помещений ниже их рыночной стоимости и даже кадастровой стоимости»¹⁶.

«Поскольку квартира включена в конкурсную массу в отсутствие к тому законных оснований, финансовый управляющий не мог распорядиться данной квартирой (п. 1 ст. 209 ГК РФ).

В случае проявления Р. минимальной степени осмотрительности, которая от него требовалась в сложившейся ситуации, — осмотра недвижимости перед заключением сделки — он с неизбежностью узнал бы о том, что владение осуществляется иным, отличным от продавца, лицом, и о пороках регистрационной записи о восстановлении права собственности Д. на квартиру. Поэтому Р. не может считаться добросовестным приобретателем. Он, равно как и финансовый управляющий, выехавший на осмотр квартиры только после ее продажи с торгов, не вправе в силу абзаца второго п. 6 ст. 8.1 ГК РФ обосновывать возражения по иску И. ссылками на то, что они разумно полагались на записи государственного реестра о правах Д., не зная об их недостоверности.

При таких обстоятельствах следует признать, что Р. не приобрел право собственности на квартиру (п. 2 ст. 218 ГК РФ)»¹⁷.

Таким образом, сложившаяся судебная практика показывает, что абзац 3 п. 6 ст. 8.1 ГК РФ толкуется неверно и, по сути, сведен к общим положениям о добросовестности и разумности участников гражданских правоотношений (п. 5 ст. 10 ГК РФ). В связи с этим целесообразно изменить указанный абзац, изложив его в следующей редакции: «Для признания приобретателя недвижимого имущества добросовестным ему достаточно полагаться только на данные государственного реестра (ст. 234 и 302), пока в судебном порядке не доказано, что он знал об отсутствии права на отчуждение этого имущества у лица, от которого ему перешли права на него, или на момент совершения сделки имелась отметка о возражении лица, соответствующее право которого было зарегистрировано ранее».

¹⁶ Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 16.01.2024 № 41-КГ23-65-К4 // СПС «КонсультантПлюс». См. также: определение Верховного Суда РФ от 20.12.2017 № 441-ПЭК16.

¹⁷ Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 20.08.2020 № 305-ЭС19-3996(6) по делу № А40-109856/2017 // СПС «КонсультантПлюс».

Какой должна быть степень открытости государственного реестра (принцип гласности)?

Принцип гласности реестра также является элементом, который обеспечивает охрану законного интереса потенциального покупателя, а не собственника недвижимости. Он дает возможность приобретателю прав на имущество получить информацию (ст. 62 Федерального закона «О государственной регистрации недвижимости»), которая необходима для соверше-

ния законной сделки с недвижимой вещью. По этой причине вопрос об информации, которая должна содержаться в государственном реестре, имеет большое значение.

Перечень информации, которую необходимо указывать в реестре, а также степень ее доступности устанавливаются Федеральным законом «О государственной регистрации недвижимости» и должны определяться необходимостью защиты законных интересов приобретателей недвижимых вещей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Базанов И. А. Происхождение современной ипотеки. Новейшие течения в вотчинном праве в связи с современным строем народного хозяйства. 2004 // URL: https://www.consultant.ru/edu/student/download_books/book/proiskhozhdenie_sovremennoj_ipoteki_novejshie_techeniya_v_votchinnom_prave_v_svyazi_s_sovremennym_stroem_narodnogo_hozyajstva/.

Бевзенко Р. С. Государственная регистрация прав на недвижимое имущество: проблемы и пути решения // Вестник гражданского права. 2011. № 5, 6 ; 2012. № 1.

Бевзенко Р. С. Принципиальные положения статьи 8.1 Гражданского кодекса РФ о государственной регистрации прав на имущество // Закон. 2015. № 4. С. 29–38.

Дмитриев Г. И., Руш Н. А. Сравнительный анализ современных систем регистрации прав на недвижимость // Современные технологии. Системный анализ. Моделирование. 2013. № 2 (38). С. 251–258.

Жужжалов М. Б. Требование о государственной регистрации перехода права собственности // Проблемы регистрации прав, фиксации и удостоверения юридических фактов гражданского права : сборник статей. М. : Статут, 2013. С. 61–108.

Мейер Д. И. Русское гражданское право // URL: http://civil.consultant.ru/elib/books/45/page_32.html.

Победоносцев К. П. Курс гражданского права. Ч. 1 : Вотчинные права. М. : Статут, 2002.

Рудоквас А. Д. О влиянии регистрационной системы на оборот недвижимости // Вестник гражданского права. 2022. № 1.

Суханов Е. А. Вещное право : научно-познавательный очерк. М. : Статут, 2017. 560 с.

REFERENCES

Bazanov IA. The Origin of Modern Mortgage Systems: Contemporary Trends in Land Law in Relation to the Current Structure of the National Economy. 2004. Available at: http://civil.consultant.ru/elib/books/26/page_13.html#45. (In Russ.).

Bevzenko RS. State Registration of Property Rights: Challenges and Solutions. *Civil Law Review*. 2011;5, 6; 2012;1:4-34. (In Russ.).

Bevzenko RS. The fundamental provisions of Article 8.1 of the Civil Code of the Russian Federation concerning the state registration of property rights. *Zakon*. 2015;4:29-38. (In Russ.).

Dmitriev GI, Rush NA. Comparative Analysis of Contemporary Real Estate Rights Registration Systems. *Modern Technologies. System analysis. Modeling*. 2013;2(38):251-258. (In Russ.).

Meyer DI. Russian Civil Law. Available at: http://civil.consultant.ru/elib/books/45/page_32.html.

Pobedonostsev KP. The Course of Civil Law. Part 1: Feudal Rights. Moscow; Statut Publ.; 2002. (In Russ.).

Rudokvas AD. On the impact of the registration system of the real estate turnover. *Civil Law Review*. 2022;1. (In Russ.).

Sukhanov EA. Property Law: A Scientific Overview. Moscow; Statut Publ.; 2017. (In Russ.).

Zhuzhzhhalov MB. Requirement for State Registration of the Transfer of Ownership Rights. Issues of Registration of Rights, Documentation, and Certification of Legal Facts in Civil Law: A Collection of Articles. Moscow; Statut Publ.; 2013. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Кораев Константин Борисович, доктор юридических наук, доцент, заведующий кафедрой предпринимательского и энергетического права Санкт-Петербургского государственного экономического университета
д. 30-32, литер А, канала Грибоедова наб., г. Санкт-Петербург 191023, Российская Федерация
1-kosta@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Konstantin B. Koraev, Dr. Sci. (Law), Associate Professor, Head of the Department of Business and Energy Law, St. Petersburg State University of Economics
St. Petersburg, Russian Federation
1-kosta@mail.ru

Материал поступил в редакцию 19 ноября 2024 г.

Статья получена после рецензирования 14 июня 2025 г.

Принята к печати 15 июля 2025 г.

Received 19.11.2024.

Revised 14.06.2025.

Accepted 15.07.2025.

DOI: 10.17803/1729-5920.2025.225.8.022-030

А. Н. Тихонов

Уральский государственный юридический университет имени В.Ф. Яковлева
г. Екатеринбург, Российская Федерация

Дефектность семейно-правовых актов

Резюме. Основываясь на трудах О. А. Красавчикова и В. Б. Исакова, автор статьи анализирует случаи, когда участники семейных правоотношений совершают семейно-правовые акты недобросовестно, нарушая права иных лиц, что свидетельствует о наличии дефекта в их действиях. Под семейно-правовым актом понимается правомерное действие лица, обладающего необходимым объемом семейной дееспособности, направленное на возникновение, изменение или прекращение семейного правоотношения. Выявление того или иного дефекта в действиях участников семейных правоотношений позволило разграничить фиктивные и мнимые семейно-правовые акты. Так, если лицо пытается прикрыть свои фактические цели, используя правовые последствия семейно-правового акта в корыстных интересах, то это говорит о фиктивности семейно-правового акта. Под мнимым семейно-правовым актом подразумевается действие, совершаемое для вида. Целью данного действия является достижение противоправных, не соответствующих сути нормы правовых последствий, результатом чего является нарушение публичного или частного интереса. Разделению фиктивных и мнимых семейно-правовых актов способствуют также разные правовые последствия их совершения. Если семейно-правовой акт совершается фиктивно, то это должно влечь его недействительность, а возникшее в результате данного действия семейное правоотношение должно считаться неустановившимся. В случаях выявления мнимости при совершении семейно-правового акта неблагоприятные последствия могут возникнуть в рамках иных, связанных с семейными правоотношениями. При этом к восстановлению самих семейных правоотношений это привести не может.

Ключевые слова: юридический факт; семейно-правовой акт; дефектный юридический факт; недействительность; фиктивность; мнимость; семейные правоотношения

Для цитирования: Тихонов А. Н. Дефектность семейно-правовых актов. *Lex russica*. 2025. Т. 78. № 8. С. 22–30. DOI: 10.17803/1729-5920.2025.225.8.022-030

Defects in Family Acts

Andrei N. Tikhonov

The Ural State Law University named after V.F. Yakovlev

Yekaterinburg, Russian Federation

Abstract. Based on the works written by O. A. Krasavchikov and V. B. Isakov, the author of the paper analyzes cases when participants of family relations engage in family acts in bad faith, thereby violating the rights of other parties, which indicates a defect in their acts. The author defines a family act as a lawful act committed by an individual possessing the necessary degree of family legal capacity, aimed at the emergence, modification, or termination of a family legal relationship. Identifying specific defects in the acts of participants in family legal relations has facilitated the distinction between fictitious and sham family acts. For example, if an individual attempts to conceal their true intentions by leveraging the legal consequences of executing a family act for personal gain, this suggests the act is fictitious. In the context of family law, a fictitious family act is understood as an act performed for appearances only. The objective of such an act is to achieve unlawful legal consequences that do not align with the essence of the legal norm, resulting in the violation of either public or private interests. The differentiation between fictitious and simulated family acts is further supported by the varying legal consequences that arise from their performance. If a family act is conducted in a fictitious manner, it should lead to its invalidity, and the resulting familial legal relationship should be deemed non-existent. In instances where

© Тихонов А. Н., 2025

the simulation of a family act is detected, adverse consequences may arise within other legal contexts related to family law. However, such findings cannot restore the original family legal relationships.

Keywords: legal fact; family act; defective legal fact; invalidity; fictitiousness; ostensible nature; family legal relationships

Cite as: Tikhonov AN. Defects in Family Acts. *Lex russica*. 2025;78(8):22-30. (In Russ.). DOI: 10.17803/1729-5920.2025.225.8.022-030

В науке отмечается родственная связь семейного права с гражданским. Гражданское право является материнской отраслью по отношению к семейному¹, что позволяет использовать гражданско-правовые подходы к пониманию тех или иных семейно-правовых категорий. В соответствии со ст. 10 ГК РФ гражданские права должны осуществляться разумно и добросовестно. Пункт 5 данной статьи закрепляет, что добросовестность участников гражданских правоотношений и разумность их действий предполагаются. Согласно п. 1 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25 при оценке действий сторон как добросовестных или недобросовестных следует исходить из поведения, ожидаемого от любого участника гражданского оборота, который учитывает права и законные интересы другой стороны, содействует ей, в том числе в получении необходимой информации. В науке гражданского права под добросовестностью разумеется стремление субъекта к правомерности своего поведения, его социальной безвредности, юридической безупречности способа достижения поставленной цели².

В соответствии с п. 1 ст. 1 СК РФ семейные отношения должны строиться на чувствах взаимной любви и уважения, взаимопомощи и ответственности перед семьей всех ее членов. Согласно ст. 5 СК РФ осуществление членами семьи своих прав и исполнение ими своих обязанностей не должны нарушать права, свободы и законные интересы других членов семьи и иных граждан. Несмотря на отсутствие прямого указания в семейном законодательстве на добросовестность как основу построения отношений между членами семьи, она предполагается. Злоупотребление правом как правовое явление тесно связано с добросовестностью. Злоупотребляя своими субъективными права-

ми, участник правоотношения всегда действует недобросовестно.

Характерны для недобросовестного поведения, во-первых, то, что в процессе осуществления своего субъективного права лицо причиняет вред (личности, обществу, государству), во-вторых, то, что осуществление лицом конкретного субъективного права вступает в противоречие с его назначением³. Формы недобросовестного поведения различны. К одной из таких форм можно отнести поведение участников семейных отношений, действующих внешне в рамках нормы закона, но с целью достижения иного результата, нарушающего частный или (и) публичный интерес. Речь идет о заключении фиктивного брака, мнимом разводе, а также о иных случаях неправомерного поведения участников семейных правоотношений.

Отличает семейные правоотношения то, что основанием их возникновения является юридический состав, т.е. определенный набор юридических фактов, необходимый для наступления предусмотренных законом последствий. Семейно-правовые акты, как правило, занимают ключевое место в юридических составах, так как они определяют сущность семейного правоотношения. К основаниям отграничения семейно-правовых актов от иных юридических актов относится сфера их применения, а также их направленность⁴. Семейно-правовой акт можно охарактеризовать как правомерное действие лица, обладающего необходимым объемом семейной дееспособности, направленное на возникновение, изменение или прекращение семейного правоотношения.

Когда семейно-правовые акты совершаются участниками семейных правоотношений недобросовестно, это свидетельствует о наличии в их действии определенного дефекта. В част-

¹ Яковлев В. Ф. Избранные труды. М. : Статут, 2012. Т. 2 : Гражданское право: история и современность. Кн. 1. С. 735.

² Малиновский А. А. Злоупотребление субъективным правом (теоретико-правовое исследование). М., 2007. С. 189.

³ Малиновский А. А. Указ. соч. С. 107–108.

⁴ Красавчиков О. А. Категории науки гражданского права. М. : Статут, 2017. Т. 2. С. 206.

ноправовой науке отмечается, что в случаях, когда недостатки юридического факта обнаруживают себя после наступления вызванных таким юридическим фактом последствий, это должно влечь соответствующие правовые последствия. «Для описания обстоятельства, с которым как с юридическим фактом связались правовые последствия, однако обнаружилось отсутствие или повреждение в нем определенных элементов или иное несоответствие установленным в законе требованиям, и используют понятие “дефектный юридический факт”»⁵.

О дефектности юридического факта можно вести речь в случаях, когда «его признаки не соответствуют модели, закрепленной в гипотезе юридической нормы»⁶. В науке гражданского права предлагается два критерия дефектности юридического факта: юридический и социальный⁷. Так, семейно-правовой акт, совершенный в иных, не предусмотренных законом целях, дефектен именно в силу социального содержания, хотя он может соответствовать всем необходимым формально-юридическим требованиям.

В случаях, когда лица совершают действия (семейно-правовые акты), преследуя иные, не соответствующие предписаниям норм цели, следствием установления данного обстоятельства должно быть признание такого семейно-правового акта фиктивным. Под «фиктивностью» как правовой категорией подразумевается свойство определенного действия (юридического факта), которое отражает внутреннюю волю лица, его совершающего.

Категория «фиктивность» была закреплена законодателем в Основах законодательства Союза ССР и союзных республик о браке и семье от 27.06.1968. В правовой науке предлагаются разные подходы к пониманию фиктивности. По мнению Н. Н. Тарусиной, «фиктивное правовое состояние есть отношение (действие, положение), по форме полностью соответствующее требованиям закона, но по

содержанию противоречащее ему. Чаще всего оно не отвечает целевому назначению того правового отношения или действия, форма которого используется. Следовательно, фиктивное семейно-правовое состояние — результат незаконного приема, использованного недобросовестной стороной (сторонами). Этот прием заключается в осуществлении предоставленных законом правомочий в целях, явно не соответствующих их содержанию и социальному назначению (создание семьи, воспитание ребенка, уравнение материального положения детей, прекращение супружеских отношений ввиду их необратимого распада)»⁸. По мнению Н. А. Темниковой, «фиктивность семейных фактов и состояний представляет собой правонарушение»⁹. Ныне действующее семейное законодательство использует понятие «фиктивность» только в качестве одного из оснований признания брака недействительным. Фиктивный брак лишь внешне соответствует браку: юридические последствия, на достижение которых были направлены действия лиц, не связаны с созданием семьи. Совершая действие «фиктивно», лицо пытается прикрыть свои фактические цели, используя правовые последствия семейно-правового акта в корыстных целях. Порок воли и влечет за собой признание брака недействительным.

Основываясь на юридическом значении дефекта в юридическом факте В. Б. Исаков выделяют такую их разновидность, как недействительность. «Этот тип дефектности заключается в том, что фактическая предпосылка возникает с существенными нарушениями, при которых невозможно наступление правовых последствий»¹⁰. Одним из видов последствий установления дефектности юридического факта может быть санкция недействительности¹¹. Под санкцией недействительности понимается ситуация, «при которой юридическое действие признается недействительным, стороны приводятся в состояние до совершения такого действия либо

⁵ Филиппова С. Ю. Юридические действия как юридические факты в российском гражданском праве : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2021. С. 150.

⁶ Исаков В. Б. Юридические факты в советском праве. М., 1984. С. 116.

⁷ Исаков В. Б. Указ. соч. С. 116.

⁸ Тарусина Н. Н. О фиктивных семейно-правовых состояниях // Правоведение. 1983. № 2. С. 84.

⁹ Темникова Н. А. Фиктивность в семейном праве // Вестник Омского университета. Серия «Право». 2017. № 4 (53). С. 106.

¹⁰ Исаков В. Б. Указ. соч. С. 120.

¹¹ Исаков В. Б. Указ. соч. С. 125.

длящийся эффект действия прекращается на будущее время»¹². Это и происходит, например, в случаях установления фиктивности вступления в брак.

Еще одним примером может служить случай фиктивности установления отцовства. Так, статья 48 СК РФ предусматривает возможность добровольного установления отцовства лица, не состоящего в браке с матерью ребенка. К элементам юридического состава родительского правоотношения будут относиться: волеизъявление отца принять на себя права и обязанности родителя (семейно-правовой акт), согласие матери ребенка (юридический акт) и регистрация волеизъявления отца (административный акт). Если лицо изъявляет желание принять на себя права и обязанности отца, не имея намерения выполнять функции родителя, используя возникшее родительское правоотношение, например, в целях получения гражданства РФ в упрощенном порядке, такое действие нельзя признать правомерным и собственно семейно-правовым актом. Как отмечал О. А. Красавчиков, «юридический акт, которым нарушаются предписания норм права, не может породить те последствия, на которые он направлен, а следовательно, и рассматриваться в качестве юридического акта в собственном смысле этого слова»¹³. Отцовство, установленное лицом не в целях установления семейно-правовой связи с ребенком, должно быть признано недействительным.

Для определения фиктивности семейно-правового акта устанавливаются фактические цели, которые преследовало лицо. Когда волеизъявление отца имеет целью достижение юридических последствий, не связанных с осуществлением родительских прав, такое отцовство должно признаваться юридически не существовавшим, т.е. не порождающим прав и обязанностей. Родительское правоотношение должно быть признано неустановившемся. Действия, направленные на добровольное установление отцовства, вступление в брак, усыновление, принятие опеки и попечительства, совершаемые не в целях установления семейно-правовых связей, предлагается относить к фиктивным семейно-правовым актам.

В рамках рассмотрения фиктивных семейно-правовых актов следует уделить внимание сходным правовым явлениям. Так, в случаях, когда лица расторгают брак в целях сокрытия имущества или иных противоправных целях, речь может идти о мнимом разводе. В науке отмечается, что расторжение брака при фактически сохраняющихся семейно-бытовых отношениях позволяет, в частности, обходить гражданам «требования антикоррупционного законодательства в части конфликта интересов, сохранять право на получение субсидий и иных форм правовых преимуществ, распространяющихся на семьи с детьми»¹⁴. При этом авторы определяют подобного рода действия как обход закона, используя термин «фиктивный развод». В целях отграничения сходных правовых явлений предлагается применять термин «мнимый развод». Под мнимым разводом понимается ситуация, при которой действия (семейно-правовые акты) совершаются членами семьи для вида. Когда супруги злоупотребляют своими семейными правами в целях нарушения прав других граждан или публичного интереса, причем внешне их действия соответствуют букве закона, но не его духу, совершаемые супругами семейно-правовые акты по юридической природе близки к конструкции обхода закона.

В науке выделяются следующие специфические черты, присущие обходу закона: это формально-правомерное действие, субъект избирает внешне законные способы реализации права; его цель — удовлетворение, как правило, личных интересов, получение какой-либо выгоды, наживы, а также уклонение субъекта от правовых последствий путем совершения разрешенных сделок; поведение субъектов не нарушает правовых предписаний, но противоречит основным началам гражданского права (добросовестности, разумности, справедливости); правило (норма закона) формально не нарушается, но при этом преследуется цель, противная закону; причинение вреда не является обязательным условием обхода закона, но может ему сопутствовать; осознание лицом этого действия как направленного на недобросовестное получение выгоды, иных преимуществ; поведение субъекта отклоняется от до-

¹² Филиппова С. Ю. Указ. соч. С. 162.

¹³ Красавчиков О. А. Указ. соч. С. 171.

¹⁴ Баранов В. М., Рельев А. Г. Общеправовой феномен «обход закона»: понятие и соотношение со смежными явлениями // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. 2023. № 5 (97). С. 44.

пустимого процесса реализации нормы через создание ситуаций ее обхода¹⁵.

Мнимый развод (мнимый семейно-правовой акт) можно охарактеризовать как внешне правомерное действие, т.е. формально отвечающее требованиям правовых норм, но целью которого является достижение противоправных, не соответствующих сути нормы правовых последствий. Это действие осознанное, направленное на конкретный правовой результат, следствием которого будет нарушение публичного и (или) частного интереса. В рамках же фиктивного брака совершаемые семейно-правовые акты подменяют собой другие действия, целью которых является правовой результат, не связанный с созданием семьи. Незаконен прежде всего избранный способ достижения лицами поставленной цели. Вступая в брак фиктивно, лицо или лица используют конструкцию брака в корыстных интересах, скрывая свои истинные цели, добиваясь при этом правового результата, предусмотренного законом. Фиктивный брак порождает личные неимущественные и имущественные последствия до момента признания его недействительным в судебном порядке.

К супружеским правам и обязанностям, которые порождает фиктивный брак, стороны относятся безразлично. В случаях мнимого развода стороны преследуют цель избежать предусмотренных законом последствий нахождения в браке. Действия супругов направлены на формальное прекращение личных неимущественных и имущественных прав. Несмотря на совершение супругами действий (семейно-правовых актов), направленных на прекращение брачных правоотношений, к фактическому распаду семьи это не ведет. Подтверждением мнимости развода являются такие устанавливаемые судами обстоятельства, как совместное проживание и ведение хозяйства, совместное использование имущества, совместное осуществление родительских прав и др. Так, согласно определению Арбитражного суда Свердловской области от 01.07.2022 по делу № А60-64967/2019¹⁶ были установлены следующие имеющие юридическое значение факты: совместное ведение

хозяйства бывшими супругами, в том числе совместный отдых, совместное проживание бывшего супруга с семьей после прекращения брака при наличии возможности проживания по месту регистрации, что подтверждалось пояснениями свидетелей и актами, составленными судебными приставами-исполнителями, совместное использование личного имущества, так, бывший супруг был допущен к управлению автомобилем, вписан в страховой полис, имелись штрафы.

Расторгая брак для вида, супруги понимают и желают наступления правовых последствий, которые влечет за собой прекращение брака. Целью их действий является достижение правового результата, предусмотренного законом, но она не соответствует применяемой норме по духу. Следовательно, мнимый развод представляет собой дефектный семейно-правовой акт в силу его несоответствия смыслу правовой нормы.

С некоторыми уточнениями, к мнимым семейно-правовым актам можно отнести действия лиц, описанные в п. 29 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 16.05.2017 № 16 «О применении судами законодательства при рассмотрении дел, связанных с установлением происхождения детей»¹⁷. Согласно указанным разъяснениям, если оспаривание отцовства матерью либо опекуном (попечителем) ребенка не отвечает интересам самого ребенка, в соответствующем иске может быть отказано. При вынесении решения судами должны учитываться такие обстоятельства, как отсутствие требований об установлении отцовства в отношении генетического отца ребенка; длительность семейных отношений, сложившихся между ребенком и лицом, записанным в качестве его отца; наличие устойчивой эмоциональной привязанности ребенка к этому лицу; намерения данного лица, записанного в качестве отца ребенка, продолжать воспитывать этого ребенка и заботиться о нем как о своем собственном и др.

При наличии вышеуказанных обстоятельств семейно-правовой акт, направленный на прекращение юридической связи с лицом, записанным в качестве отца ребенка, совершается в

¹⁵ Захарова О. Е. Обход закона как форма злоупотребления правом по российскому и германскому гражданскому законодательству: сравнительно-правовой анализ : дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2022. С. 75–76.

¹⁶ Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 20.02.2023 № Ф09-1324/21 по делу № А60-64967/2019 // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁷ Бюллетень Верховного Суда РФ. 2017. № 7.

целях, явно не отвечающих интересам ребенка, нарушая его права. Описываемый семейно-правовой акт — внешне правомерное действие, т.е. формально отвечающее требованиям закона, но целью данного действия является достижение не соответствующих сути нормы правовых последствий. Фактической целью описываемого действия является нарушение частного интереса. Следовательно, семейно-правовой акт, направленный на прекращение юридической связи отца с ребенком, нарушающий права обоих, может быть отнесен к мнимым.

Согласно ст. 27 СК РФ последствием установления факта, что лица вступили в брак фиктивно, будет признание такого брака юридически не существовавшим. Семейное законодательство предусматривает имущественные и неимущественные последствия признания брака недействительным, в том числе возможность компенсации лицу, чьи права нарушены таким браком, причиненного ему материального и морального вреда. Подобные неблагоприятные последствия предусмотрены в случаях, когда опекун или попечитель не исполняют надлежащим образом возложенные на них обязанности, используя свой статус в корыстных целях. Последствием установления данных обстоятельств, согласно ст. 39 ГК РФ, будет отстранение опекуна (попечителя) от выполнения ими соответствующих обязанностей.

В соответствии со ст. 26 Федерального закона от 24.04.2008 № 48-ФЗ «Об опеке и попечительстве» опекуны (попечители) будут нести предусмотренную законом ответственность за вред, причиненный личности или имуществу подопечного. В целях обеспечения защиты и восстановления нарушенных прав лиц — участников семейных правоотношений подобные меры могли бы быть распространены и на иные случаи совершения фиктивных семейно-правовых актов в отношении стороны, чьи права были нарушены. Действия, фиктивно направленные на добровольное установление отцовства, вступление в брак, усыновление, принятие опеки и попечительства, должны влечь сходные правовые последствия. У добросовестного участника семейных правоотношений, чьи права нарушены фиктивным семейно-правовым актом, должна быть возможность восстановить

свое нарушенное право путем компенсации причиненного ему материального и морального вреда.

В частноправовой науке отмечается, что применение недействительности как санкции должно быть возможно только в четко определенных рамках. Преимущественно как санкция недействительность применяется на стадии формирования правовой связи в отношении правообразующих юридических фактов. Когда правовые последствия уже наступили, законодатель применяет данную санкцию в строго ограниченных случаях. Это связано с тем, что в ином варианте последствием применения санкции недействительности явилось бы возникновение уже прекратившегося правоотношения¹⁸. В ситуации мнимого развода речь может идти о сокрытии или выводе имущества, что влечет за собой нарушение прав третьих лиц.

Следовательно, требуется соответствующая реакция на это со стороны правоприменителя. Реакция на дефектность юридических фактов или составов может быть различной. К одной из разновидностей юридической реакции на дефектность юридического факта В. Б. Исаков относил «появление или отпадение прав и обязанностей в других правоотношениях»¹⁹. Автор объяснял это тем, что «в силу системной связи правовых отношений дефектность фактического состава одного правоотношения не безразлична для нормального осуществления иных правовых связей»²⁰. Так, правовые последствия фиктивности брака и мнимого развода имеют ряд существенных различий. Фиктивность брака влечет его недействительность, т.е. такой брак признается юридически не существовавшим, а брачное правоотношение — неустановившимся.

Установление факта мнимости развода не может привести к восстановлению брака, так как это будет противоречить принципам построения брачных отношений. В частности, принцип добровольности брачного союза предполагает, что никто не может быть принужден к вступлению в брак, а также никто не может находиться в браке, не имея соответствующей воли на это. В качестве общего последствия установления факта злоупотребления гражданами своими правами пункт 2 ст. 10 ГК РФ предусматривает отказ суда, арбитражного суда или третейского суда с уче-

¹⁸ Исаков В. Б. Указ. соч. С. 125.

¹⁹ Исаков В. Б. Указ. соч. С. 128.

²⁰ Исаков В. Б. Указ. соч. С. 128.

том характера и последствий допущенного злоупотребления в защите принадлежащего лицу права полностью или частично.

По этому же пути идет судебная практика в случаях выявления мнимости развода²¹. В описываемых ситуациях суды при установлении мнимости развода применяют неблагоприятные правовые последствия к недобросовестным бывшим супругам, отказывая им в защите права. Согласно точке зрения В. А. Микрюкова, «представляется возможным сохранять валидность развода, а побочный неправомерный (обходящий закон) результат, на который в обход был направлен расчет фиктивного поведения супругов, может быть признан нелегитимным»²². С учетом вышесказанного выявление факта мнимости развода влечет неблагоприятные последствия для лиц, его совершивших, в рамках иных правовых отношений, при этом на правовой статус самих бывших супругов данное обстоятельство влияния не оказывает.

К иным видам недобросовестного поведения участников семейных правоотношений можно отнести случаи, когда права участников семейных отношений нарушаются вследствие несовершения действий, направленных на установление семейно-правовой связи. Речь идет, в частности, о случаях, когда родители не обращаются в органы загса с совместным заявлением об установлении отцовства. Причины одинокости родительства могут быть различными, например, отцовство может не устанавливаться в целях получения от государства мер поддержки, предусмотренных для одиноких родителей, а также мать может отказываться устанавливать отцовство «из-за боязни подвергнуться судебной процедуре (в большей или меньшей степени, но некомфортной), неуверенности в отцовстве конкретного мужчины, наконец, в связи с сознательным исключением какого бы то ни было отцовства и последующего вмешательства в воспитание ребенка»²³.

Когда отсутствие записи об отце является следствием бездействия родителей или одного

из них, это нарушает права ребенка знать своих родителей и иных родственников, получать с их стороны заботу, воспитание и содержание. Несовержшение действий, направленных на установление юридической связи с отцом ребенка, в условиях отсутствия объективных причин должно рассматриваться как противоправное бездействие. Например, объективной причиной невнесения сведения об отце ребенка могут быть случаи рождения ребенка одинокой женщиной при применении методов искусственной репродукции человека. Законом должным образом не обеспечивается обязанность установить юридическую связь ребенка с отцом путем подачи соответствующего заявления в органы загса.

Согласно ст. 51 СК РФ, если мать ребенка в браке не состоит, совместное заявление родителей отсутствует, сведения об отце вносятся по указанию матери. При этом причины, по которым запись об отце не вносится, никем не устанавливаются. В частноправовой науке юридические действия принято разграничивать по форме их проявления на положительные и отрицательные. К положительным относятся изъявления воли, находящие выражение в разных формах активного поведения лица.

Содержанием отрицательных волеизъявлений является бездействие²⁴. К отрицательным волеизъявлениям О. А. Красавчиков относил такие группы, как «неправомерное бездействие — упущение» и «правомерное бездействие — молчание»²⁵. Характерным моментом для первой группы с правовой точки зрения является то, что в каждом отдельном случае юридическая значимость неправомерного бездействия как юридического факта возникает только при наличии прямого указания в нормах права на обязанность совершить известное юридическое действие. Как отмечается в науке, правомерное бездействие может быть при отсутствии обязанности действовать, в случаях противоправного бездействия должна быть установленная обязанность действовать определенным образом²⁶.

²¹ Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 20.02.2023 № Ф09-1324/21 по делу № А60-64967/2019.

²² Микрюков В. А. Пределы аналогии в установлении правовых последствий фиктивного развода // Lex russica. 2024. Т. 77. № 6. С. 53.

²³ Тарусина Н. Н. Одинокое материнство как социально-правовое явление // Журнал российского права. 2022. Т. 26. № 7. С. 76.

²⁴ Красавчиков О. А. Указ. соч. С. 153.

²⁵ Красавчиков О. А. Указ. соч. С. 154.

²⁶ Филиппова С. Ю. Указ. соч. С. 87.

При этом автором разграничиваются такие юридические факты, как упущение и отрицательные факты, в частности, указывается на то, что «упущение есть форма выражения воли в установленных законом случаях, при этом сама воля формируется в обычном порядке и составляет субъективную сторону юридического действия, а значит — само это действие всё же есть, тогда как отрицательный факт — это обстоятельство, которого не существует»²⁷. С учетом внешнего проявления воли участников семейных правоотношений несовершение семейно-правового акта, предусмотренного требованиями норм права, предлагается квалифицировать как неправомерное бездействие — упущение. В связи с этим отсутствие действий, направленных на установление отцовства, со стороны родителей ребенка свидетельствует о неправомерном бездействии — упущении, иными словами, об отсутствии положительного изъявления воли в условиях наличия обязанности ее выразить.

В обсуждаемых случаях можно утверждать, что родители ребенка или один из них осознают правовые последствия своего бездействия и желают их наступления. Следовательно, когда законом предусматривается обязанность совершения семейно-правового акта несовершение предусмотренных законом действий должно рассматриваться как правонарушение. В науке противоправность поступка, акта рассматривается в качестве крайней формы его дефектности²⁸. При этом дефектность юридического факта не тождественна противоправности.

В рамках классификации юридических фактов по волевому признаку случаи уклонения от совершения предусмотренных законом действий участниками семейных отношений следует относить к неправомерным действиям в форме бездействия. В ситуациях, когда законом предусмотрена обязательность совершения семейно-правового акта, отсутствие соответствующего действия следует расценивать как неправомерное бездействие — упущение. Последствием выявления факта несовершения предусмотренного законом семейно-правового акта (неправомерного бездействия — упущения) должно быть принятие мер, направленных на восстановление нарушенных прав участников семейных правовых отношений. С учетом того что уклонение от совершения действий по установлению юридической связи с одним из родителей может нарушать интересы не только ребенка и его родителя, но иных членов семьи, видится правильной выработка механизма, позволяющего таких случаев избежать. Установление происхождения ребенка от конкретных родителей является юридической фиксацией объективного факта — кровной связи. Вариант преодоления вышеназванных случаев видится, например, в возложении обязанности на орган опеки и попечительства проверить причины невнесения записи о родителе в книгу записей рождений. Если невнесение записи не вызвано объективными причинами, запись о родителе может быть внесена на основании судебного акта. В интересах несовершеннолетнего с соответствующим иском могут обратиться как прокурор, так и орган опеки и попечительства.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Баранов В. М., Репьев А. Г. Общеправовой феномен «обход закона»: понятие и соотношение со смежными явлениями // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. 2023. № 5. С. 39–46.
- Захарова О. Е. Обход закона как форма злоупотребления правом по российскому и германскому гражданскому законодательству: сравнительно-правовой анализ : дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2022. 228 с.
- Исаков В. Б. Юридические факты в советском праве. М. : Юридическая литература, 1984. 144 с.
- Красавчиков О. А. Категории науки гражданского права. Т. 2. М. : Статут, 2017. 494 с.
- Малиновский А. А. Злоупотребление субъективным правом (теоретико-правовое исследование). М. : Юрлитинформ, 2007. 352 с.
- Микрюков В. А. Пределы аналогии в установлении правовых последствий фиктивного развода // Lex russica. 2024. № 6. С. 46–56.
- Тарусина Н. Н. О фиктивных семейно-правовых состояниях // Правоведение. 1983. № 2. С. 84–87.

²⁷ Филиппова С. Ю. Указ. соч. С. 87.

²⁸ Исаков В. Б. Указ. соч. С. 117.

Тарусина Н. Н. Одинокое материнство как социально-правовое явление // Журнал российского права. 2022. № 7. С. 68–84.

Темникова Н. А. Фиктивность в семейном праве // Вестник Омского университета. Серия «Право». 2017. № 4. С. 105–110.

Филиппова С. Ю. Юридические действия как юридические факты в российском гражданском праве : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2021. 559 с.

Яковлев В. Ф. Избранные труды. Т. 2 : Гражданское право: история и современность. Кн. 1. М. : Статут, 2012. 974 с.

REFERENCES

Baranov VM, Repyev AG. General legal phenomenon «circumvent the law»: concept and relationship with related phenomenon. *Bulletin of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation*. 2023;5:39-46. (In Russ.).

Filippov SYu. Legal Acts as Legal Facts in Russian Civil Law. Dr. Sci. (Law) Diss. Moscow; 2021. (In Russ.).

Isakov VB. Legal Facts in Soviet Law. Moscow: Yuridicheskaya literatura Publ.; 1984. (In Russ.).

Krasavchikov OA. Categories of Civil Law Science. Vol. 2. Moscow: Statut Publ.; 2017. (In Russ.).

Malinovskiy AA. Abuse of Subjective Rights: A Theoretical and Legal Examination. Moscow: Yurlitinform Publ.; 2007. (In Russ.).

Mikryukov VA. The Limits of Analogy in Establishing the Legal Consequences of a Fictitious Divorce. *Lex Russica*. 2024;77(6):46-56, DOI: 10.17803/1729-5920.2024.211.6.046-056. (In Russ.).

Tarusina NN. On Fictitious Family-Legal States. *Pravovedenie*. 1983;2:84-87. (In Russ.).

Tarusina NN. Single Motherhood as a Social and Legal Phenomenon. *Journal of Russian Law*. 2022;7:68-84. (In Russ.).

Temnikova NA. Fictitiousness in Family Law. *Herald of Omsk University. Series «Law»*. 2017;4:105-110. (In Russ.).

Yakovlev VF. Collected Works: Civil Law: History and Modernity. Vol. 2. Book 1. Moscow: Statut Publ.; 2012. (In Russ.).

Zakharova OE. Circumvention of the Law as a Form of Abuse of Rights in Russian and German Civil Law: A Comparative Legal Analysis. Cand. Sci. (Law) Diss. Yekaterinburg; 2022. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Тихонов Андрей Николаевич, кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права Уральского государственного юридического университета имени В.Ф. Яковлева
д. 21, Комсомольская ул., г. Екатеринбург 620137, Российская Федерация
tichonov_a@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Andrei N. Tikhonov, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Department of Civil Law, The Ural State Law University named after V.F. Yakovlev, Yekaterinburg, Russian Federation
tichonov_a@mail.ru

Материал поступил в редакцию 15 ноября 2024 г.

Статья получена после рецензирования 13 февраля 2025 г.

Принята к печати 15 июля 2025 г.

Received 15.11.2024.

Revised 13.02.2025.

Accepted 15.07.2025.

С. В. Бурмагин

Московский государственный юридический
университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
г. Москва, Российская Федерация

Быть или не быть институту привлечения в качестве обвиняемого

Резюме. Привлечение лица в качестве обвиняемого в уголовном судопроизводстве Российской Федерации представляет собой центральный этап предварительного следствия, которому российская процессуальная доктрина традиционно придает большое, многоаспектное правовое значение. Однако современное развитие уголовного процесса и связанные с ним научные исследования в значительной степени поколебали, казалось бы, незыблемые позиции института привлечения лица в качестве обвиняемого, поставили под сомнение его ключевую роль в структуре досудебного производства, что породило в научной среде дискуссию о необходимости кардинальной реорганизации процедуры выдвижения и предъявления публичного уголовного обвинения. В статье рассмотрена и поддержана позиция сторонников упразднения института привлечения в качестве обвиняемого как излишней, во многом формальной, неоправданно усложняющей досудебное производство процедуры, не отвечающей интересам правосудия. Автор анализирует и опровергает доводы, относящиеся к противоположной точке зрения, приводит дополнительные аргументы в пользу переноса момента предъявления лицу обвинения на заключительный этап предварительного расследования уголовного дела. Предлагается формулировать обвинительный тезис однократно в итоговом документе (обвинительном заключении, акте, постановлении) на основе полной и всесторонней оценки всей сформированной доказательственной базы и предъявлять лицу выдвинутое против него обвинение только в окончательном виде после утверждения его прокурором.

Ключевые слова: уголовное дело; досудебное производство; предварительное следствие; обвиняемый; привлечение в качестве обвиняемого; предъявление обвинения; обвинительное заключение

Для цитирования: Бурмагин С. В. Быть или не быть институту привлечения в качестве обвиняемого. *Lex russica*. 2025. Т. 78. № 8. С. 31–41. DOI: 10.17803/1729-5920.2025.225.8.031-041

To Be or Not to Be: The Institution of Charging with the Crime as the Accused

Sergei V. Burmagin

Kutaфин Moscow State Law University (MSAL)
Moscow, Russian Federation

Abstract. Charging an individual with a crime as the accused in the criminal proceedings of the Russian Federation constitutes a central stage of the preliminary investigation, to which the Russian procedural doctrine traditionally attributes significant, multifaceted legal importance. However, the evolution of criminal procedure, along with related scholarly studies, has considerably challenged what appeared to be the immutable positions of the institution of charging with a crime, questioning its pivotal role within the structure of pretrial proceedings. This has sparked a discussion within the academic community regarding the necessity for a radical reorganization of the procedure for initiating and presenting public criminal charges. The study examines and supports the

approach of proponents advocating for the abolition of charging with the crime as the accused, arguing that it is superfluous, largely formal, and unjustifiably complicates the pretrial procedure, failing to serve the interests of justice. The author analyzes and refutes arguments pertaining to the opposing viewpoint, while presenting additional rationale supporting the transfer of the moment of presenting charges to the final stage of the preliminary investigation in a criminal case. It is proposed that the prosecutorial thesis be formulated once in the final document (indictment, act, or resolution) based on a comprehensive and thorough evaluation of the entire assembled evidentiary basis. The charges against an individual should be presented solely in their finalized form, subsequent to the approval by the prosecutor.

Keywords: criminal case; pre-trial procedure; preliminary investigation; accused; charging with a crime as an accused; formal accusation; indictment

Cite as: Burmagin SV. To Be or Not to Be: The Institution of Charging with the Crime as the Accused. *Lex russica*. 2025;78(8):31-41. (In Russ.). DOI: 10.17803/1729-5920.2025.225.8.031-041

Введение

Институт привлечения в качестве обвиняемого неизменно рассматривается в отечественной доктрине уголовно-процессуального права как значимый, ключевой этап уголовного судопроизводства¹. В состязательном судопроизводстве, каковым по Конституции РФ и УПК РФ является российский уголовный процесс, предъявление обвинения представляет собой один из важнейших актов производства по уголовному делу, неотъемлемый элемент его структуры, без которого всё производство становится беспредметным, а следовательно, и бесцельным.

Вопросы регламентации и практической реализации деятельности по формированию, предъявлению и изменению уголовного обвинения всегда были важны для науки уголовно-процессуального права, но на современном этапе развития уголовного судопроизводства проблема оптимизации данных процедур в соответствии с новыми правовыми требованиями и правоприменительными реалиями в значительной степени актуализирована и привлекает к себе повышенное внимание как в научной среде, так и со стороны практических работников.

С советских времен основным способом предъявления (выдвижения) уголовного обви-

нения остается процедура привлечения лица в качестве обвиняемого (гл. 23 УПК РФ), обязательная для предварительного следствия и факультативная для расследования дела в форме дознания, в рамках которого применяется только при особых условиях (ч. 3 ст. 224 УПК РФ). Другой, предусмотренный УПК РФ и закрепившийся на практике способ предъявления официального обвинения — его оформление и предъявление лицу в виде завершающего расследование уголовного дела обвинительного документа: обвинительного акта или обвинительного постановления.

В ходе научной дискуссии относительно совершенствования порядка предъявления обвинения по уголовному делу фактически поставлен и обсуждается вопрос, быть или не быть институту привлечения в качестве обвиняемого в том виде, в каком он встроен в структуру предварительного следствия по УПК РФ. Мнения ученых-процессуалистов по данной проблематике сводятся к трем возможным вариантам решения данного вопроса: 1) сохранение существующей процедуры привлечения в качестве обвиняемого в неизменном виде²; 2) полная ликвидация данного института и выдвижение (предъявление) обвинительного тезиса исключительно посредством обвинительного заклю-

¹ См.: Курс уголовного процесса / под ред. Л. В. Головки. М.: Статут, 2017. С. 732; Гриненко А. В. Привлечение в качестве обвиняемого, предъявление обвинения и допрос обвиняемого по законодательству Российской Федерации и иных государств — членов СНГ // Вестник экономической безопасности. 2019. № 1. С. 34; Биляев В. А., Чухраев Д. А. К вопросу о совершенствовании института привлечения лица в качестве обвиняемого // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки. 2021. Т. 7 (73). № 1. С. 185.

² См.: Цветков Ю. А. Привлечение в качестве обвиняемого — кульминация следственной идеи // Уголовное судопроизводство. 2022. № 1. С. 17–21; Химичева О. В. Институт привлечения в качестве обвиняемого в контексте совершенствования досудебного производства // Законы России: опыт, анализ, практика. 2023. № 7. С. 36–42.

чения³; 3) частичная реорганизация порядка предъявления обвинения, предполагающая перенос процедуры вынесения постановления о привлечении в качестве обвиняемого на заключительный этап расследования уголовного дела⁴. Попробуем разобраться, выполняет ли институт привлечения в качестве обвиняемого отведенную ему в досудебном производстве роль и насколько он приемлем для современного российского судопроизводства.

Утрата былого значения процедуры привлечения в качестве обвиняемого и возможные последствия ее упразднения

В качестве аргументов за сохранение института привлечения в качестве обвиняемого обычно приводится его социально-правовое и процессуальное значение, которое на протяжении десятилетий традиционно признавалось отечественной доктриной уголовного процесса, хрестоматийно освещается в любом учебнике по уголовно-процессуальному праву и сводится в основном к следующему. Акт привлечения в качестве обвиняемого, во-первых, обусловли-

вает направление и границы дальнейшего производства по уголовному делу: конкретизирует, персонифицирует уголовное преследование, определяет содержание обвинения (обвинительного тезиса) в обвинительном заключении, устанавливает пределы судебного разбирательства; во-вторых, придает лицу, преследуемому в уголовном порядке, статус обвиняемого, который позволяет ему наиболее полно и эффективно реализовывать свое право на защиту⁵.

В свою очередь, взгляды ученых-процессуалистов, ставящих под сомнение соответствие рассматриваемого института современным реалиям и обосновывающих целесообразность его упразднения, также достаточно представлены в юридической литературе. Среди них наибольшую известность приобрели и привлекают повышенное внимание научно обоснованные и последовательно отстаиваемые идеи профессора Б. Я. Гаврилова и его последователей⁶, которые сформировались в авторскую концепцию преобразования процессуального порядка предъявления и изменения уголовного обвинения и находят всё большую поддержку у других правоведов⁷.

В обобщенном и сжатом виде высказываемые аргументы против сохранения существу-

³ См.: Гаврилов Б. Я. Предъявление обвинения: современное состояние и проблемы правоприменения // Пенитенциарная наука. 2010. Вып. 10. С. 38–40; Чабукиани О. А. Институт предъявления обвинения нуждается в упразднении // Вестник Российской правовой академии. 2014. № 3. С. 51–54; Ковтун Н. Н., Ковтун И. С. Институт привлечения в качестве обвиняемого в уголовном процессе России: его «классические» и «упрощенные» формы в контексте обсуждаемых в доктрине новаций // Юрист-Правовед. 2020. № 2 (93). С. 121–125.

⁴ Россинский С. Б. Привлечение в качестве обвиняемого — логическое завершение предварительного следствия // Вестник экономической безопасности. 2022. № 2. С. 140.

⁵ См.: Уголовный процесс. Особенная часть: учебник / под ред. В. З. Лукашевича. СПб.: Издат. дом СПбГУ, 2005. С. 223–226; Курс уголовного процесса / под ред. Л. В. Головки. С. 731–732, 734; Уголовно-процессуальное право Российской Федерации / отв. ред. П. А. Лупинская, Л. А. Воскобитова. М.: Норма, Инфра-М, 2024. С. 562–563; Черепанова Л. В., Арсенова Н. В. Привлечение в качестве обвиняемого: электронное учеб. пособие. Барнаул: Барнаульский юрид. ин-т МВД России, 2021. С. 17–19.

Наиболее подробно и всесторонне значение института (и процедуры) привлечения в качестве обвиняемого раскрыто в работе: Кальницкий В. В. Привлечение в качестве обвиняемого: современная характеристика и предпосылки реформирования // Уголовное судопроизводство. 2007. № 3. С. 23–30.

⁶ См.: Гаврилов Б. Я., Божьев В. П. Концепция совершенствования досудебного производства в XXI веке: мнение науки и практика // Вестник Нижегородской академии МВД России. 2017. № 2 (38). С. 77; Колбеева М. Ю. Институт привлечения лица в качестве обвиняемого в условиях реформирования уголовно-процессуального законодательства: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2013. С. 9–10; Гаврилов Б. Я., Красильников А. В. Институт привлечения лица в качестве обвиняемого: соответствует ли он реалиям сегодняшнего дня? // Труды Академии управления МВД России. 2023. № 4 (68). С. 90–94.

⁷ См.: Волчецкая Т. С., Петров И. В. Предъявление обвинения в уголовном процессе: архаизм или насущная необходимость? // Современное право. 2011. № 12. С. 89–93; Чабукиани О. А. Указ. соч. С. 51–54; Омарова М. Р., Семенов Е. А. Современное состояние института предъявления обвинения в российском уголовном процессе // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2018. № 3 (32). С. 106–110; Гриненко А. В. Указ. соч. С. 34–36; Ковтун Н. Н., Ковтун И. С. Указ. соч. С. 121–125.

ющего порядка привлечения лица в качестве обвиняемого можно свести к следующим тезисам:

1) отсутствуют исторически обоснованные предпосылки современного института привлечения лица в качестве обвиняемого (учрежденный в советский период, он не был свойствен дореволюционному российскому уголовному судопроизводству);

2) данный институт утратил ключевую функцию — обеспечение лицу, подвергнутому уголовному преследованию, права на квалифицированную юридическую помощь, ради которой и был введен в советское законодательство (в настоящее время право на участие защитника обрел подозреваемый, а на стадии возбуждения уголовного дела любое лицо, в том числе в отношении которого начата проверка сообщения о преступлении, вправе пользоваться услугами адвоката);

3) ликвидированы существенные различия в объеме и содержании процессуальных статусов подозреваемого (ст. 46 и др. УПК РФ) и обвиняемого (ст. 47 УПК РФ);

4) на основе системного толкования ст. 252 и 237 УПК РФ в свете позиций Конституционного Суда РФ⁸ пределы судебного разбирательства должны определяться обвинением, окончательно сформулированным в обвинительном заключении, а не в предшествующем ему постановлении о привлечении в качестве обвиняемого;

5) расследование в форме дознания, осуществляемое в значительных объемах без привлечения преследуемых лиц в качестве обвиняемых (более 40 % расследованных и направленных в судебные органы дел⁹), вполне эффективно и не вызывает нареканий с точки зрения реализации прав и законных интересов этих лиц;

6) отказ от процессуально и организационно сложной процедуры привлечения лица

(подозреваемого) в качестве обвиняемого в ходе расследования дела существенно ускорит досудебное производство, в том числе в случае возвращения дела прокурору в порядке ст. 237 УПК РФ (устранение большинства выявленных судом формальных нарушений, связанных с формулировкой обвинения, не потребует дополнительных следственно-процессуальных действий), что значительно сократит организационные и материально-финансовые затраты на производство по уголовному делу.

Исходя из изложенных доктринальных положений и анализа реализации процедуры привлечения в качестве обвиняемого, указанные авторы приходят к обоснованным выводам о том, что акт привлечения в качестве обвиняемого посредством вынесения в ходе расследования уголовного дела и предъявления преследуемому лицу отдельного постановления о привлечении этого лица в качестве обвиняемого изжил себя и утратил прежнее значение, превратившись в излишнюю, утратившую прежний смысл процедуру, которая зачастую совершается формально и используется не по назначению. Так, ряд авторов (С. А. Грачев, Н. Н. Ковтун, С. Б. Россинский) наглядно раскрыли порочность практики предъявления поспешных, так называемых дежурных или «пилотных» обвинений, имеющих целью не столько выдвинуть необходимый для уголовного дела обвинительный тезис, сколько облегчить обоснование перед судом ходатайства о применении жестких мер пресечения и обеспечить его положительное разрешение, а также противоположно направленной, но не менее распространенной практики намеренного затягивания предъявления обвинения в целях недопущения к участию в деле защитника и проявления им активности (в случаях, когда фактически преследуемое лицо ранее формально не получило право на защитника)¹⁰. Подобные практики, или, как их иногда называют в литературе, «прикладные

⁸ См.: постановление Конституционного Суда РФ от 16.05.2007 № 6-П «По делу о проверке конституционности положений статей 237, 413 и 418 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом президиума Курганского областного суда» // Вестник Конституционного Суда РФ. 2007. № 3.

⁹ По данным судебной статистики, в 2021 г. в суды общей юрисдикции на рассмотрение поступило 348 482 уголовных дела, расследованных в форме дознания, что составило 44,5 % от общего количества поступивших в суды уголовных дел, в 2022 г. — 341 652 дела (44 %), в 2023 г. — 310 112 дел (43 %). См.: Отчеты Судебного департамента при Верховном Суде РФ о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению уголовных дел по первой инстанции за 2021–2023 гг. (форма № 1, раздел 1) // URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79> (дата обращения: 10.09.2024).

¹⁰ См.: Грачев С. А. Значение постановления о привлечении в качестве обвиняемого: утверждение о совершении лицом преступления или фиксация статуса? // Вестник Нижегородской академии МВД Рос-

технологии»¹¹, в высокой степени нивелируют социально-правовое значение института привлечения в качестве обвиняемого.

Будучи солидарными с позицией о необходимости упразднения института привлечения в качестве обвиняемого и переноса акта предъявления обвинения на заключительный этап предварительного следствия подобно тому, как это предусмотрено для формы дознания, приведем ряд дополнительных доводов и собственных соображений в поддержку данной идеи.

В одной из публикаций профессор О. В. Химичева, отстаивая неприкосновенность института привлечения в качестве обвиняемого, акцентирует внимание на том, что постановление о привлечении в качестве обвиняемого выносится при наличии к тому достаточных доказательств (ч. 1 ст. 171 УПК РФ), что обеспечивает обоснованность выдвинутого обвинения и возможность преследуемому лицу защищаться от конкретного обвинения и исключает применение мер пресечения к тому, чья причастность к преступлению не подтверждена в достаточной степени¹².

Однако заметим, что процедура вынесения и предъявления постановления о привлечении в качестве обвиняемого предусмотрена в ходе следствия, т.е. до его окончания, и тем самым изначально допускает некую условность и неокончателность формулировки обвинения, ее возможную очень существенную корректировку. При таком порядке конкретность обвинения весьма обманчива и в условиях тайны предварительного расследования может не способствовать защите, а дезориентировать ее. А если принять во внимание распространенную практику предъявления «дежурных», неполных и недостаточно корректных и конкретных обвинений, когда следователи намеренно не раскрывают все карты перед стороной защиты и переносят предъявление полного и окончательного обвинения на завершающий этап расследования, то следует признать, что особое значение рассматриваемого института как некоего гаранта прав и интересов обвиняемого значительно меркнет.

В этом отношении предъявление обвинения посредством обвинительного заключения всегда предпочтительнее, поскольку базируется на всей совокупности собранных доказательств и их окончательной оценке следователем (дознавателем), а значит, более основательно. К тому же обвинительное заключение, в отличие от постановления о привлечении в качестве обвиняемого, более информативно, содержит ссылки на доказательства, подтверждающие обвинение, тем самым в полной мере раскрывает перед стороной защиты позицию обвинения и позволяет ей более предметно и эффективно выстраивать линию защиты. На практике так и происходит. Только после восприятия полной информации по уголовному делу посредством ознакомления с его материалами и получения копии обвинительного заключения (акта, постановления) обвиняемый и защитник обретают возможность сформировать и согласовать свою защитительную позицию.

Смеем утверждать, что уведомление о подозрении в преступлении, если оно сопровождается реальным разъяснением сущности подозрения по сути, да и в формальном порядке, мало в чем уступает процедуре привлечения в качестве обвиняемого, во всяком случае, сопоставимо с «дежурным» обвинением. При этом информирование лица о сути предъявляемой ему уголовно-правовой претензии посредством вручения копии постановления о возбуждении уголовного дела либо уведомления о подозрении по процедуре, предусмотренной статьей 223.1 УПК РФ, происходит значительно раньше, чем через процедуру привлечения в качестве обвиняемого, что в большей степени отвечает интересам лица, в отношении которого ведется уголовное преследование.

По поводу защиты от неправомерного применения к уголовно-преследуемому лицу мер пресечения следует отметить, что соблюдение или несоблюдение требования обоснованности (достаточной доказанности) обвинения практически не влияет на решение вопроса о применении меры пресечения в отношении обвиняемого. В ходе предварительного

сии. 2016. № 1 (33). С. 105–109 ; Ковтун Н. Н. Институт привлечения в качестве обвиняемого: о «депроцессуализации» и «дематериализации» его сути и содержания в уголовном судопроизводстве России // Российский журнал правовых исследований. 2020. Т. 7. № 1. С. 100–102 ; Россинский С. Б. О недопустимости «пилотных» обвинений в досудебном производстве по уголовному делу // Сибирский юридический вестник. 2021. № 4 (95). С. 121–128.

¹¹ Россинский С. Б. Указ. соч. С. 124.

¹² Химичева О. В. Указ. соч. С. 39–40.

следствия лицо становится обвиняемым по формальным (процессуальным) основаниям вследствие вынесения постановления о привлечении его в качестве обвиняемого (п. 1 ч. 1 ст. 47 УПК РФ), независимо от того, обоснованно ли данное решение и в достаточной ли степени доказано предъявленное обвинение. Обоснованность обвинения не относится ни к обстоятельствам, дающим основание для применения меры пресечения (ст. 97 УПК РФ), ни к обязательным условиям ее избрания. Гарантией неприменения мер пресечения к лицу, причастность которого к преступлению не подтверждена в достаточной степени, служит вовсе не обоснованность (достаточная доказанность) предъявленного обвинения, а *обоснованность подозрения*. Это отчетливо проявляется при избрании мер пресечения по судебному решению.

По сложившейся судебной практике обоснованность обвинения, изложенного в постановлении о привлечении в качестве обвиняемого, не является предметом проверки оперативного судебного контроля ни в порядке ст. 125 УПК РФ, ни в порядке ст. 108 и 109 УПК РФ, когда судом решается вопрос об избрании по ходатайству следователя (дознателя) той или иной меры пресечения или продлении ее срока. В соответствии с внедренными в российское правосудие международно-правовыми стандартами, подтвержденными разъяснениями Пленума Верховного Суда РФ, содержащимися в постановлении от 19.12.2013 № 41 (в редакции от 11.06.2020) «О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста, залога и запрета определенных действий»¹³, избрание в качестве меры пресечения заключения под стражу (очевидно, что исследуемый подход распространяется и на избрание таких мер пресечения, как домашний арест, залог, запрет определенных действий) допускается только после проверки судом *обоснованности подозрения в причастности лица к совершенному преступлению*, которое предполагает наличие данных о том, что это лицо причастно к совершенному преступлению: застигнуто при совершении преступления или непосредственно после его совершения; потерпевший или очевидцы указали на данное лицо как на совершившее преступление; на данном лице или его одежде, при нем или в его жилище

обнаружены явные следы преступления, и т.д. (п. 2 постановления). Таким образом, обязательным условием избрания меры пресечения и, соответственно, гарантией от ее применения к лицам, непричастным к расследуемому преступлению, служит обоснованность подозрения.

Данная позиция подкрепляется пунктом 29 указанного постановления, в котором Верховный Суд РФ, излагая требования к судебному постановлению о рассмотрении ходатайства в порядке ст. 108 УПК РФ, акцентирует внимание судей на необходимости дать оценку обоснованности подозрения в совершении лицом преступления, а также наличию оснований и соблюдению порядка задержания подозреваемого (ст. 91 и 92 УПК РФ); наличию предусмотренных статьей 100 УПК РФ оснований для избрания меры пресечения до предъявления обвинения и соблюдению порядка ее применения; законности и обоснованности уведомления лица о подозрении в совершении преступления в порядке, установленном статьей 223.1 УПК РФ. Как явствует из содержания данных разъяснений, все эти требования относятся к проверке законности наделения лица статусом подозреваемого.

Относительно обвиняемого Пленум Верховного Суда РФ в том же пункте 29 постановления ориентирует суды на оценку соблюдения *порядка* привлечения лица в качестве обвиняемого и предъявления ему обвинения, т.е. на проверку соблюдения процессуальной формы, но не обоснованности обвинения. И это вполне понятно: проверяя законность и обоснованность заявленного следователем намерения ограничить права и свободы обвиняемого посредством меры пресечения, суд не вправе входить в обсуждение вопроса о его виновности, следовательно, не может и не должен судить об обоснованности обвинения, формулировка которого в обязательном порядке содержит указание на мотив, характер и форму вины в конкретном преступлении (ч. 2 ст. 171 УПК РФ).

Исходя из разъяснений в п. 21 постановления, в дальнейшем, при продлении судом меры пресечения, речь также не может идти о проверке обоснованности (достаточной доказанности) предъявленного обвинения как необходимого условия продления срока действия примененной к обвиняемому меры пресечения.

¹³ Бюллетень Верховного Суда РФ. 2014. № 2.

Профессор Л. В. Головкин, критикуя устремления коллег к реформированию процесса предъявления обвинения в отечественном судопроизводстве, достаточно изящно и убедительно показал сущностное и значительное формальное сходство действующих процедур уведомления о подозрении и привлечения в качестве обвиняемого. В результате ученый пришел к выводу, что предлагаемая замена привлечения в качестве обвиняемого на уведомление о подозрении имеет сугубо символический характер, касается исключительно терминологии, но ничего не меняет по существу¹⁴. Но так ли это?

Уведомление о подозрении, в отличие от постановления о привлечении в качестве обвиняемого, следователю нет необходимости «переиздавать», корректировать и оттачивать на протяжении расследования дела в соответствии с устанавливаемыми и уточняемыми фактическими обстоятельствами, поскольку оно не является актом обвинения, определяющим предмет и границы последующего судебного разбирательства. Это дает немалую процессуальную экономию, что само по себе позитивно. Кроме того, следователь, не связанный ранее выдвинутым обвинением, более свободен в направлении расследования и оценке обретаемых доказательств, соответственно, имеет больше шансов оставаться объективным. При формулировании обвинения, которое предстоит излагать единственный раз в обвинительном заключении, следователь не будет привязан к тексту постановления о привлечении в качестве обвиняемого и, значит, не станет воспроизводить возможные недостатки и изъяны данного постановления, а окажется более свободным в составлении и обосновании обвинительного тезиса, опираясь на оценку всей совокупности собранных доказательств, не подверженную угрозе противоречия его собственным выводам, заложенным в постановление о привлечении в качестве обвиняемого. Таким образом, обвинение, формируемое по итогам расследования дела, можно надеяться, будет основываться на более всестороннем и объективном анализе собранных доказательств.

В качестве контраргумента занимаемой нами позиции может быть высказано суждение о том, что устранение процедуры привлечения в качестве обвиняемого из досудебного производства: а) повлечет невозможность своевре-

менного выявления следователем отношения лица к предъявляемому обвинению и занимаемой позиции, что может предопределить неполноту расследования и нанести ущерб интересам правосудия; б) лишит преследуемое лицо возможности дать в своих интересах показания по существу обвинения и таким образом своевременно повлиять на исход расследования дела, что чревато нарушением его права на защиту.

На эти доводы можно возразить следующим образом. При фактической идентичности статусов обвиняемого и подозреваемого и достаточной информированности последнего о сущности обращенной к нему уголовно-правовой претензии угроза таких последствий ничтожна. Подозреваемый в любой момент вправе дать показания в защиту своих интересов (п. 2 ч. 4 ст. 46 УПК РФ), а следователь имеет возможность допросить его и, так же как и в случае с обвиняемым, выяснить все вопросы относительно инкриминируемого деяния. Если же подозреваемый не пожелает давать показания, то возникающая ситуация ничем не хуже (не критичнее) той, которая складывается при аналогичном отказе обвиняемого.

Кроме того, следует обратить внимание на то, что в отличие от советского уголовного процесса (по УПК РСФСР 1960 г.), в котором судебные органы в значительной степени находились под влиянием органов уголовного преследования, решали с ними единые задачи борьбы с преступностью, а судебные решения были во многом предопределены выводами предварительного расследования, современное уголовное судопроизводство Российской Федерации построено на состязательных началах (ст. 123 Конституции РФ, ст. 15 УПК РФ), предполагает независимое судебное разбирательство и самостоятельную и более критическую оценку судом собранных следствием и представленных ему доказательств.

В таких условиях акцент доказывания переносится (должен переноситься) со стадии предварительного расследования на судебное разбирательство, и, следовательно, усилия сторон, в том числе обвиняемого и его защитника, должны быть устремлены главным образом на убеждение суда, а не следователя.

Далее, если взглянуть на рассматриваемую проблему с позиции суда, то и с этой стороны

¹⁴ Головкин Л. В. Институт уведомления о подозрении: мнимые и подлинные смыслы // Законы России: опыт, анализ, практика. 2023. № 7. С. 22–25.

упразднение процедуры привлечения в качестве обвиняемого и формулирование обвинения в обвинительном заключении несут в себе положительные моменты.

Как известно, препятствием для рассмотрения уголовного дела в суде согласно п. 1 ч. 1 ст. 237 УПК РФ в толковании в соответствии с позициями Конституционного Суда РФ¹⁵ и разъяснениями Верховного Суда РФ¹⁶ служат существенные нарушения уголовно-процессуального порядка, допущенные органами расследования, которые влекут незаконность обвинительного заключения (акта, постановления) и исключают возможность постановления судом приговора или вынесения иного решения на основе такого обвинительного документа.

К наиболее распространенным случаям нарушений такого рода судебная практика относит:

— нарушения, допущенные при вынесении постановления о привлечении лица в качестве обвиняемого, которые связаны с недостатками составления самого постановления (по проводившемуся автором этих строк обобщению судебной практики, более 44,4 % дел¹⁷);

— несоблюдение процедуры предъявления постановления о привлечении в качестве обвиняемого, последующего допроса обвиняемого и допущенные в ходе них различные нарушения права на защиту, в том числе связанные с привлечением к участию в деле защитника;

— несоответствие (текстуальное) обвинительного заключения постановлению о привлечении в качестве обвиняемого.

Для выявления этих нарушений и недостатков обвинительного заключения судьям в ходе ознакомления с делом приходится затрачивать определенные усилия, связанные со сличением до буквы и запятой постановления о привлечении в качестве обвиняемого и соответствующей части обвинительного заключения, которые в случаях объемных, многоэпизодных и групповых дел значительны.

Для устранения вышеуказанных изъянов обвинительного заключения суд в порядке ст. 237

УПК РФ вынужден возвращать дело прокурору (нередко из стадии судебного разбирательства), а тот соответственно для производства необходимых следственных и иных процессуальных действий — органу предварительного следствия, после чего происходит повторное судебное разбирательство. При этом несвоевременное обнаружение подобных ошибок и нарушений судом первой инстанции чревато отменой приговора и еще большим затягиванием судебного производства, нарушением разумных сроков судопроизводства и неоправданным ограничением права на доступ к правосудию, что обусловлено неизбежным повторением судебного разбирательства после устранения органом предварительного расследования нарушений, выявленных уже вышестоящей судебной инстанцией.

Наличие в деле единственного обвинительного документа, завершающего досудебное производство, однозначно и бесспорно определяло бы переделы судебного разбирательства, не создавало бы коллизий между разнородными обвинительными документами, лучше ориентировало бы стороны и облегчало работу суда, а главное — существенным образом сократило бы основания для возвращения дела прокурору по п. 1 ч. 1 ст. 237 УПК РФ за счет автоматического устранения из их перечня вышеуказанных недостатков обвинительного заключения, обусловленных изъянами содержания постановления о привлечении в качестве обвиняемого, нарушением процедуры его предъявления и несоответствием данного постановления обвинительному заключению.

Заключение

Проведенное исследование приводит к следующим выводам. Институт привлечения в качестве обвиняемого, предусматривающий процедуру принятия следователем отдельного постановления о привлечении уголовно преследуемого

¹⁵ См.: постановление Конституционного Суда РФ от 08.12.2003 № 18-П «По делу о проверке конституционности положений статей 125, 219, 227, 229, 236, 237, 239, 246, 254, 271, 378, 405 и 408, а также глав 35 и 39 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросами судов общей юрисдикции и жалобами граждан» // Вестник Конституционного Суда РФ. 2004. № 1.

¹⁶ См.: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 17.12.2024 № 39 «О практике применения судами норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регламентирующих основания и порядок возвращения уголовного дела прокурору» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2025. № 2.

¹⁷ См.: Бурмагин С. В. Уголовный суд России : монография. М. : Юрлитинформ, 2010. С. 259–262, 350.

лица в качестве обвиняемого и последующее его предъявление этому лицу, в значительной степени утратил былое социально-правовое и процессуальное значение и в интересах оптимизации досудебного производства подлежит упразднению.

Обвинительный тезис более логично и целесообразно формулировать и выдвигать по результатам всестороннего расследования уголовного дела, на основе полного установления фактических обстоятельств и объективной оценки всех полученных доказательств. При этом обвинение как уголовно-правовая претензия государства, обращенная к конкретному лицу, и одновременно адресованное суду требование осуждения и наказания данного лица

должно предъявляться соответствующему лицу только после утверждения обвинительного заключения (акта, постановления) прокурором либо, как предлагается рядом процессуалистов, исходить от прокурора, который как государственный обвинитель обязан сформировать «итоговый публичный иск — утверждение о виновности и праве государства на наказание»¹⁸ и в последующем отстаивать его в суде.

Для предлагаемой реорганизации процедуры предъявления обвинения по уголовному делу имеются необходимые социально-правовые предпосылки и теоретические основания, которые на данный момент позволяют перейти к ее детальной разработке в виде конкретных законодательных проектов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Биляев В. А., Чухраев Д. А. К вопросу о совершенствовании института привлечения лица в качестве обвиняемого // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки. 2021. Т. 7 (73). № 1. С. 185–190.

Бурмагин С. В. Уголовный суд России : монография. М. : Юрлитинформ, 2010. 392 с.

Волчецкая Т. С., Петров И. В. Предъявление обвинения в уголовном процессе: архаизм или насущная необходимость? // Современное право. 2011. № 12. С. 89–93.

Гаврилов Б. Я. Предъявление обвинения: современное состояние и проблемы правоприменения // Пенитенциарная наука. 2010. Вып. 10. С. 38–40.

Гаврилов Б. Я., Божьев В. П. Концепция совершенствования досудебного производства в XXI веке: мнение науки и практика // Вестник Нижегородской академии МВД России. 2017. № 2 (38). С. 74–81.

Гаврилов Б. Я., Красильников А. В. Институт привлечения лица в качестве обвиняемого: соответствует ли он реалиям сегодняшнего дня? // Труды Академии управления МВД России. 2023. № 4 (68). С. 90–94.

Головко Л. В. Институт уведомления о подозрении: мнимые и подлинные смыслы // Законы России: опыт, анализ, практика. 2023. № 7. С. 22–25.

Грачев С. А. Значение постановления о привлечении в качестве обвиняемого: утверждение о совершении лицом преступления или фиксация статуса? // Вестник Нижегородской академии МВД России. 2016. № 1 (33). С. 105–109.

Гриненко А. В. Привлечение в качестве обвиняемого, предъявление обвинения и допрос обвиняемого по законодательству Российской Федерации и иных государств — членов СНГ // Вестник экономической безопасности. 2019. № 1. С. 34–36.

Кальницкий В. В. Привлечение в качестве обвиняемого: современная характеристика и предпосылки реформирования // Уголовное судопроизводство. 2007. № 3. С. 23–30.

Ковтун Н. Н. Институт привлечения в качестве обвиняемого: о «депроцессуализации» и «дематериализации» его сути и содержания в уголовном судопроизводстве России // Российский журнал правовых исследований. 2020. Т. 7. № 1. С. 98–105.

Ковтун Н. Н., Ковтун И. С. Институт привлечения в качестве обвиняемого в уголовном процессе России: его «классические» и «упрощенные» формы в контексте обсуждаемых в доктрине новаций // Юристы-Правоведь. 2020. № 2 (93). С. 121–125.

Колбеева М. Ю. Институт привлечения лица в качестве обвиняемого в условиях реформирования уголовно-процессуального законодательства : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2013. 23 с.

Курс уголовного процесса / под ред. Л. В. Головки. 2-е изд., испр. М. : Статут, 2017. 1280 с.

¹⁸ Ковтун Н. Н. Указ. соч. С. 102–103. См. также: Наумов К. А. Сущность и построение досудебного производства в уголовном процессе России : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2021. С. 20.

Наумов К. А. Сущность и построение досудебного производства в уголовном процессе России : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2021. 22 с.

Омарова М. Р., Семенов Е. А. Современное состояние института предъявления обвинения в российском уголовном процессе // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2018. № 3 (32). С. 106–110.

Россинский С. Б. О недопустимости «пилотных» обвинений в досудебном производстве по уголовному делу // Сибирский юридический вестник. 2021. № 4 (95). С. 121–128.

Россинский С. Б. Привлечение в качестве обвиняемого — логическое завершение предварительного следствия // Вестник экономической безопасности. 2022. № 2. С. 137–141.

Уголовно-процессуальное право Российской Федерации / отв. ред. П. А. Лупинская, Л. А. Воскобитова. М. : Норма, Инфра-М, 2024. 1072 с.

Уголовный процесс. Особенная часть : учебник / под ред. В. З. Лукашевича. СПб. : Издательский дом С.-Петербур. гос. ун-та, 2005. 704 с.

Химичева О. В. Институт привлечения в качестве обвиняемого в контексте совершенствования досудебного производства // Законы России: опыт, анализ, практика. 2023. № 7. С. 36–42.

Цветков Ю. А. Привлечение в качестве обвиняемого — кульминация следственной идеи // Уголовное судопроизводство. 2022. № 1. С. 17–21.

Чабукяни О. А. Институт предъявления обвинения нуждается в упразднении // Вестник Российской правовой академии. 2014. № 3. С. 51–54.

Черепанова Л. В., Арсенова Н. В. Привлечение в качестве обвиняемого : электрон. учеб. пособие. Барнаул : Барнаульский юрид. ин-т МВД России, 2021. 109 с.

REFERENCES

Bilyaev VA, Chukhraev DA. On the issue of improving the institution of bringing a person as an accused. *Scientific Notes of the V.I. Vernadsky Crimean Federal University. Legal Sciences*. 2021;7((73)1):185-190. (In Russ.).

Burmagin SV. The Criminal Court of Russia. Moscow: Yurлитinform Publ.; 2010. (In Russ.).

Chabukiani OA. Arraignment needs abolishment. *Herald of the Russian Law Academy*. 2014;3;51-54. (In Russ.).

Cherepanova LV, Arsenova NV. Charging with a crime as the Accused. Barnaul: Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia Publ.; 2021. (In Russ.).

Gavrilov BYa, Bozhyev VP. The concept of improving pre-trial proceedings in the xxi century: opinion of science and practice. *Legal Science and Practice: Journal of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2017;2(38):74-81. (In Russ.).

Gavrilov BYa, Krasilnikov AV. The institution of bringing a person as an accused: does it correspond to the realities of today? *Proceedings of Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia*. 2023;4(68):90-94. (In Russ.).

Gavrilov BYa. The Presentation of Charges: Current State and Issues of Law Enforcement. *Penitentsiarnaya nauka*. 2010;10:38-40. (In Russ.).

Golovko LV (ed.). A course of criminal law. 2nd ed. Moscow: Statut Publ.; 2017. (In Russ.).

Golovko LV. The institution of the notification of suspicion: false and real meanings. *Laws of Russia: Experience, Analysis, Practice*. 2023;7:22-25. (In Russ.).

Grachev SA. The value of the resolution on attraction as accused: allegation of commission of an offence or the fixing of his status? *Legal Science and Practice: Journal of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2016;1(33):105-109. (In Russ.).

Grinenko AV. Attraction as the accused, the arraignment and interrogation of the accused under the legislation of the Russian Federation and other member countries of the CIS. *Vestnik of Economic Security*. 2019;1:34-36. (In Russ.).

Kalnitskiy VV. Engagement as an Accused Party: Contemporary Characteristics and Preconditions for Reform. *Ugolovnoe sudoproizvodstvo*. 2007;3:23-30. (In Russ.).

Khimicheva OV. The institution of involvement as an accused in the context of improving pre-trial proceedings. *Laws of Russia: Experience, Analysis, and Practice*. 2023;7:36-42. (In Russ.).

Kolbeeva MYu. The Institution of Involvement of an Individual as a Defendant in the Context of Reforming Criminal Procedural Legislation. Cand. Sci. (Law) Diss. Author's Abstract. Moscow; 2013. (In Russ.).

Kovtun NN, Kovtun IS. Institute of engaging in the capacity of accused in the Russian criminal process: its «classic» and «simplified» forms in the context of innovations discussed in the doctrine. *Yurist-Pravoved*. 2020;2(93):121-125. (In Russ.).

Kovtun NN. Institute of bringing as an accused: on the «deprocessualization» and «dematerialization» of its essence and content in the criminal proceedings of Russia. *Russian Journal of Legal Studies*. 2020;7(1):98-105. (In Russ.).

Lukashevich VZ (ed.). Criminal Procedure: Special Part. St. Petersburg State University Publ.; 2005. (In Russ.).

Lupinskaya PA, Voskobitova LA (eds.). Criminal Procedural Law of the Russian Federation. Moscow: Norma, Infra-M Publ.; 2024. (In Russ.).

Naumov KA. The Essence and Structure of Pre-Trial Proceedings in the Criminal Process of Russia. Cand. Sci. (Law) Diss. Author's Abstract. Omsk; 2021. (In Russ.).

Omarova MR, Semenov EA. The current state of the institute of bringing a charge in the Russian criminal procedure. *Vestnik of Siberian Law Institute of the MIA of Russia*. 2018;3(32):106-110. (In Russ.).

Rossinskiy SB. About the inadmissibility of «pilot» charges in pre-trial proceedings in a criminal case. *Siberian Law Herald*. 2021;4(95):121-128. (In Russ.).

Rossinskiy SB. Attracting as the accused — logical conclusion of the preliminary investigation. *Vestnik of Economic Security*. 2022;2:137-141. (In Russ.).

Tsvetkova YuA. Indictment as a defendant: culmination of the investigative idea. *Criminal Judicial Proceeding*. 2022;1:17-21. (In Russ.).

Volchetskaia TS, Petrov IV. The Presentation of Charges in Criminal Proceedings: An Anachronism or an Urgent Necessity? *Sovremennoe pravo*. 2011;12:89-93. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Бурмагин Сергей Викторович, доктор юридических наук, профессор кафедры уголовно-процессуального права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
д. 9, Садовая-Кудринская ул., г. Москва 125993, Российская Федерация
serburmagin@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Sergei V. Burmagin, Dr. Sci. (Law), Professor, Department of Criminal Procedure Law, Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russian Federation
serburmagin@yandex.ru

*Материал поступил в редакцию 19 ноября 2024 г.
Статья получена после рецензирования 14 июня 2025 г.
Принята к печати 15 июля 2025 г.*

*Received 19.11.2024.
Revised 14.06.2025.
Accepted 15.07.2025.*

DOI: 10.17803/1729-5920.2025.225.8.042-051

А. Л. ОсиповМосковский государственный юридический
университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
г. Москва, Российская Федерация

Актуальные вопросы применения цифровых технологий дистанционной коммуникации с судом в уголовном судопроизводстве

Резюме. В статье исследуются актуальные вопросы применения цифровых технологий дистанционной коммуникации в уголовном судопроизводстве с акцентом на видео-конференц-связь (ВКС). Анализируется российская модель нормативного регулирования, которая, несмотря на соответствие международным стандартам, отличается недостаточной системностью. Отмечается отсутствие единого перечня судебных процедур, где допустимо применение ВКС, что создает пробелы в регулировании некоторых судебно-контрольных процедур (ст. 125 УПК РФ). Новизна исследования обусловлена использованием факторного анализа для объяснения правовой сущности и темпов внедрения телекоммуникационных технологий в уголовное судопроизводство, определением специфических черт национальной модели регулирования данных отношений, введением в научный оборот актуализированных положений зарубежного законодательства и российской судебной практики. Ключевые выводы содержат критику широкой дискреции судов при решении вопросов удаленного участия подсудимых, особенно уязвимых категорий (несовершеннолетние, лица с психическими заболеваниями), и отсутствия детализированных гарантий для потерпевших и свидетелей. Подчеркивается необходимость разъяснений Пленума Верховного Суда РФ для унификации судебной практики. Практическая значимость работы заключается в выявлении проблем технического и правового характера, таких как недостаточная мотивировка судебных решений о применении ВКС, а также риски искажения информации из-за технических ограничений и сбоев. Автор предлагает меры по совершенствованию регулирования, включая введение единых процедурных гарантий и уточнение способов обеспечения конфиденциальности для участников процесса.

Ключевые слова: цифровые технологии; дистанционная коммуникация; уголовное судопроизводство; видео-конференц-связь (ВКС); судебные процедуры; подсудимый; гарантии

Для цитирования: Осипов А. Л. Актуальные вопросы применения цифровых технологий дистанционной коммуникации с судом в уголовном судопроизводстве. *Lex russica*. 2025. Т. 78. № 8. С. 42–51. DOI: 10.17803/1729-5920.2025.225.8.042-051

Current Issues in the Application of Digital Technologies in Communication with the Court in Criminal Proceedings

Artem L. OsipovKutafin Moscow State Law University (MSAL)
Moscow, Russian Federation

Abstract. The paper examines the current issues related to the application of digital technologies for remote communication in criminal proceedings, with a particular focus on video conferencing (VC). It analyzes the Russian model of regulatory framework that, despite its compliance with international standards, lacks systemic coherence. The paper highlights the lack of a unified list of judicial procedures where the use of VC is permissible, creating gaps in the regulation of certain judicial review procedures (Article 125 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation). The novelty of this research lies in the application of factor analysis to elucidate the

© Осипов А. Л., 2025

legal essence and pace of telecommunications technologies' integration into criminal proceedings, as well as to identify specific characteristics of the national regulatory model governing these relations. Additionally, the paper introduces updated provisions from foreign legislation and Russian jurisprudence into the scholarly discourse. Key findings criticize the broad discretion afforded to courts in addressing issues of remote participation for defendants, particularly those belonging to vulnerable categories (minors, individuals with mental health conditions), and the absence of detailed guarantees for victims and witnesses. The author emphasizes the necessity for clarifications from the Supreme Court of the Russian Federation to unify judicial practices. The practical significance of this work lies in the identification of technical and legal challenges, such as insufficient reasoning in judicial decisions regarding the use of VC, as well as the risks of information distortion due to technical limitations and failures. The author proposes measures to enhance regulation, including introduction of uniform procedural guarantees and clarification of confidentiality measures for participants in the process.

Keywords: digital technologies; remote communication; criminal proceedings; video conferencing; judicial procedures; defendant; guarantees

Cite as: Osipov AL. Current Issues in the Application of Digital Technologies in Communication with the Court in Criminal Proceedings. *Lex russica*. 2025;78(8):42-51. (In Russ.). DOI: 10.17803/1729-5920.2025.225.8.042-051

Введение

Вопросы применения аудиовизуальных технологий в уголовном судопроизводстве остаются одними из злободневных. Перечень сфер их применения расширяется год от года в ответ на современные тенденции развития информационного общества. Данные тенденции обуславливают необходимость проведения дальнейших исследований вопросов правовой сущности и значения аудиовизуальных средств коммуникации с судом; факторов, которые влияют на темпы внедрения и пределы применения таких технологий; векторов совершенствования релевантных этим технологиям нормативных конструкций с учетом особенностей отдельных видов судопроизводства и стратегических целей развития Российского государства. В течение последних лет регулярно появляются научные работы, посвященные возможностям расширения использования систем дистанционной коммуникации с судом¹, а также публикации, заостряющие внимание на рисках бесконтрольного применения таких технологий² или ставящие под сомнение их легитимность в контексте представлений об исключительной важности непосредственности восприятия судом лично-

сти участников судебных заседаний³. Вместе с тем данные вопросы не получили достаточного освещения через призму факторов, влияющих на объем и содержание правового регулирования дистанционных коммуникаций в судопроизводстве. Имеются также пробелы в осмыслении современного опыта регулирования режимов применения вышеуказанных цифровых технологий в европейских юрисдикциях, а также в анализе современной правоприменительной практики российских судов. Свой вклад в восполнение данных пробелов призвано внести настоящее исследование.

Основная часть

Сфера уголовного судопроизводства остается одной из наиболее консервативных областей законодательства и правовой практики с точки зрения темпов внедрения и широты распространения цифровых технологий. Наиболее очевидная причина такого вполне оправданного консерватизма заключается в повышенной значимости назначения уголовного судопроизводства, которое согласно ст. 6 УПК РФ призвано защитить общество и личность от наиболее опас-

¹ Брусницын Л. В. О некоторых аспектах оглашения в суде показаний несовершеннолетних потерпевших и свидетелей (часть 6 статьи 281 УПК РФ) // Российская юстиция. 2024. № 9. С. 34–41.

² См.: Зайцев О. А. Правовое обеспечение личной безопасности потерпевшего в уголовном процессе // Журнал российского права. 2023. № 10. С. 82–98; Азаренок Н. В. Вопросы практической реализации изменений, касающихся использования систем видео-конференц-связи в судебном заседании // Уголовное право. 2023. № 7. С. 62–68; Бурилов А. Онлайн-правосудие: опыт, проблемы и перспективы // Юридический справочник руководителя. 2023. № 3. С. 55–58.

³ Васильев О. Л. Способствуют ли новеллы УПК РФ укреплению авторитета судебной власти? // Закон. 2024. № 8. С. 86–91.

ных видов противоправных посягательств на их законные интересы, т.е. от преступлений. Не менее важной остается цель защиты личности от произвола со стороны органов правопорядка, столь наглядно иллюстрированная однозными примерами массовых репрессий, свойственных в первую очередь тоталитарным режимам власти. В связи с тем, что цифровизацию форматов судебной коммуникации, как и любое иное технологическое новшество, невозможно считать абсолютным благом в силу присущих этим форматам коммуникации ограничений, оправдан крайне осторожный подход законодателя к их регламентации в уголовно-процессуальном законодательстве.

По сути, технологии для дистанционной коммуникации с судом являются совокупностью средств и способов, предназначенных для обеспечения опосредованного и удаленного межсубъектного взаимодействия при проведении судебного заседания. Такое взаимодействие остается личным, но утрачивает качество непосредственности. В отличие от заочного производства (*in absentia*) между судом и удаленным участником судебного заседания осуществляется обмен информацией в режиме реального времени, при котором суд и участник в идеале слышат и видят друг друга, воспринимают иных участников судебного заседания, обстановку в зале суда, включая производимые судебные действия по удостоверению личности участников судебного заседания, а также исследованию доказательств. Утрата данной формой коммуникации качества непосредственности выражается в больших или меньших технических помехах при передаче аудио- и видеосигнала, дефиците гарантий конфиденциальности при общении удаленного участника со своим профессиональным юридическим представителем, а также в ограничениях, связанных с оперативным доступом удаленного участника к материалам уголовного дела, а равно невозможности моментального обмена документами между судом и таким участником.

Надо отметить, что российский законодатель, следуя духу и букве международных стандартов в сфере прав человека, в качестве приоритетной рассматривает форму непосредственного участия лица в судебном заседании, в особенности если речь идет о подсудимом. Данный подход последовательно воплощен российским законодателем в регулировании процедур удаленной коммуникации с судом лица, в отношении которого ведется производ-

ство по уголовному делу, как в рамках судебного контроля в досудебном производстве (ч. 4 ст. 108 УПК РФ), так и при производстве в суде первой инстанции (ст. 241.1 УПК РФ). В рамках регулирования производства на проверочных стадиях уголовного процесса приоритеты становятся менее очевидными, поскольку законодатель вне каких-то специальных условий и защитных оговорок закрепил право судов апелляционной и кассационной инстанций по собственному усмотрению выбирать форму участия в судебном заседании лица, в отношении которого осуществляется проверка обжалованного судебного акта (ч. 2 ст. 389.12, ч. 2 ст. 401.13 УПК РФ).

Консервативность уголовно-процессуального регулирования проявляется также в нормативном допущении применения только одного формата для аудиовизуальной коммуникации с судом — видео-конференц-связи. Менее защищенный формат веб-конференции остается допустимым в иных видах судопроизводства, где его применение дифференцировано в зависимости от степени выраженности рисков, угрожающих законным интересам участников судебного разбирательства.

На фоне сохраняющегося консерватизма заметной новеллой уголовно-процессуального регулирования в свое время стало принятие Федерального закона от 29.12.2022 № 610-ФЗ, которым в текст УПК РФ внесены изменения, направленные на расширение случаев использования формата видео-конференц-связи в судебных заседаниях, в том числе в рамках судебного контроля за избранием и продлением сроков применения меры пресечения в виде заключения под стражу. С момента внедрения этой новеллы значительно выросли статистические показатели применения указанного формата аудиовизуальной коммуникации в судах первой инстанции: в 2023 г. с использованием видео-конференц-связи судами первой инстанции рассмотрено 15 537 дел (в 2022 г. — 10 363), в порядке судебного контроля за законностью избрания меры пресечения в виде заключения под стражу — 3 707 материалов (в 2022 г. — 2 437). Показатели использования видео-конференц-связи в судах апелляционной инстанции относительно стабильны: в 2023 г. этот формат применялся по 165 313 делам (в 2022 г. — по 165 080). В кассационном производстве, напротив, произошло небольшое снижение показателей использования видео-конференц-связи (в 2022 г. — по 30 303 делам

и в 2023 г. — по 25 376)⁴. Указанная статистика отражает практическую востребованность формата удаленной коммуникации с судом в уголовном судопроизводстве, что обуславливает актуальность дальнейших научных исследований данной проблематики. В этой связи важно выявить те факторы, которые определяют специфику существующей на сегодняшний день национальной модели уголовно-процессуального регулирования дистанционной коммуникации в судебных стадиях уголовного судопроизводства. К их числу можно отнести следующие.

1. *Предмет и пределы судебного разбирательства.* В соответствии с данным фактором можно выявить отраслевую и межотраслевую взаимосвязь между степенью правовой значимости вопроса, подлежащего разрешению судом, и допущением законодателем тех или иных форматов цифровой коммуникации для обмена вербальной информацией по этому вопросу. Если разрешение уголовно-правового спора в уголовном судопроизводстве допускает на сегодняшний день видео-конференц-связь как единственный формат удаленной коммуникации с судом, то в иных видах судопроизводства наряду с видео-конференц-связью применяется и веб-конференция (ст. 153.2 АПК РФ, ст. 155.2 ГПК РФ, ст. 142.1 КАС РФ). Фактор серьезности правовых последствий рассматриваемого судом спора дополняется здесь критерием технической защищенности и надежности рассматриваемых каналов цифровой коммуникации. В иных видах судопроизводства (кроме уголовного) это проявляется также в том, кто вправе выступить инициатором применения того или иного формата дистанционной коммуникации. В гражданском судопроизводстве суд вправе инициировать удаленное участие перечисленных в законе субъектов только по видео-конференц-связи (ч. 1 ст. 155.1 ГПК РФ). В арбитражном судопроизводстве суд вовсе лишен права ставить вопрос о применении цифровых форматов коммуникации (ст. 153.1 и 153.2 АПК РФ). Что касается уголовного судопроизводства, то согласно ст. 241.1 УПК РФ формат видео-конференц-связи может применяться в различных группах случаев: по ходатайству подсудимого и без его согласия. Каждая группа случаев требует оценки технической оснащенности суда, а также соблюдения иных условий,

к числу которых относится и обязательное участие в деле защитника.

2. *Техническая оснащенность судебных органов.* Темпы оснащения и модернизации программно-аппаратных комплексов судебных органов, а также органов, обеспечивающих принудительное содержание подсудимых под стражей, оказывают очевидное влияние на практическую востребованность и динамику применения цифровых форматов дистанционной коммуникации с судом. Само по себе развитие цифровой среды, готовность к внедрению и использованию системы биометрической аутентификации участников судебных заседаний напрямую влияют на допустимость расширения использования таких технологий в уголовном судопроизводстве, включая применение формата веб-конференции в судебном производстве по уголовным делам.

3. *Двойственное значение цифровых средств дистанционной коммуникации для реализации принципов уголовного судопроизводства.* Являясь дополнительной гарантией реализации права сторон на личное участие в судебном заседании, а также на соблюдение разумных сроков уголовного судопроизводства, различные форматы дистанционной коммуникации с судом сохраняют скрытые риски утраты всей полноты такой коммуникации из-за технических ограничений программно-аппаратных комплексов, а также внешних сбоев, могущих исказить передачу аудио- и видеосигнала. Речь идет не только о явных технических сбоях, которые могут стать причиной перерыва или отложения судебного заседания, но и о менее заметных препятствиях к передаче всей полноты вербальной и невербальной информации (мимика, жесты, позы участников судебного заседания). Как неоднократно отмечал Конституционный Суд РФ, принцип независимости суда предполагает создание условий, при которых «ему обеспечиваются свободные от постороннего влияния восприятие и оценка показаний участников уголовного судопроизводства»⁵.

Данная правовая позиция органа конституционного контроля, сформулированная относительно института оглашения свидетельских показаний, имеет универсальное значение для оценки конституционно-правовой состоятельности любых способов опосредованного

⁴ Данные судебной статистики // Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде РФ. URL: <https://cdep.ru/?id=79> (дата обращения: 01.04.2025).

⁵ Определение Конституционного Суда РФ от 10.10.2017 № 2252-О // СПС «КонсультантПлюс».

восприятия судом доказательств, в том числе показаний дистанционных участников судебного заседания. С другой стороны, риски, вызванные недостатком качества аудио- и (или) видеосигналов, могут порождать препятствия для реализации права подсудимого на защиту. Именно эти риски привели к формированию базовых принципов регулирования применения цифровых форматов дистанционной коммуникации в практике международных органов защиты прав человека. Например, Европейский суд по правам человека (далее — ЕСПЧ) исходит из того, что применение таких технологий должно служить одной или нескольким правомерным целям. Речь может идти о предотвращении беспорядков и преступлений⁶; обеспечении безопасности свидетелей и потерпевших; ограничении распространения заболеваемости COVID-19⁷ и других объективных причинах. Принципиальным подходом международного регулирования стало требование о том, чтобы сеансы дистанционной цифровой коммуникации проходили с полным соблюдением права подсудимого на справедливое судебное разбирательство, включая его право видеть, слышать происходящее в зале суда, следить за ходом судебного разбирательства⁸.

Этот подход достаточно полно воспринят Верховным Судом РФ, который в различных обобщениях судебной практики, посвященных особенностям судопроизводства в острый период борьбы с распространением в России вируса COVID-19, отмечал, что обвиняемому и потерпевшему должна быть обеспечена «возможность следить за ходом судебного процесса, видеть и слышать участников судебного заседания, задавать им вопросы, быть заслушанными сторонами и судом; право обвиняемого на квалифицированную юридическую помощь, включая возможность конфиденциального, в отсутствие иных лиц, общения обвиняемого с его защитником (например, с использованием стационарной или сотовой телефонной

связи)»⁹. Рассматриваемый фактор правового регулирования цифровых форматов коммуникации с судом обусловил и запрет на участие подсудимого посредством видео-конференц-связи в суде с участием присяжных заседателей (ч. 4 ст. 241.1 УПК РФ), где особенно важно обеспечить полноту восприятия вербальных и невербальных сигналов и характеристик доказательств (в том числе показаний подсудимого) присяжными заседателями, которым заранее не известны материалы уголовного дела.

4. *Характер интереса того участника судебного заседания, в отношении которого рассматривается допустимость применения видео-конференц-связи.* И международные стандарты, и российское законодательство предполагают создание системы дополнительных процессуальных гарантий защиты законных интересов подсудимого в том случае, если его участие в судебном заседании обеспечивается посредством видео-конференц-связи. К числу таких гарантий относится запрет на принятие решения о дистанционном участии подсудимого по инициативе суда или ходатайству стороны обвинения без наличия обстоятельств, исключающих возможность непосредственного участия подсудимого в судебном заседании (ч. 1 ст. 241.1 УПК РФ). Интересы безопасности других участников судебного разбирательства могут оправдать дистанционное участие подсудимого в судебном процессе помимо его воли только по делам о тяжких и особо тяжких преступлениях (ч. 2 ст. 241.1 УПК РФ). Специфические гарантии обязательного участия в деле защитника и запрета применения видео-конференц-связи в суде с участием присяжных заседателей касаются только подсудимого ввиду огромной значимости итогов судебного разбирательства для соблюдения его личных законных интересов. Что касается потерпевших и свидетелей, то их интересы на уровне законодательного регулирования применения видео-конференц-связи не получили отдельного,

⁶ Постановление ЕСПЧ от 05.10.2006 по делу «Марселло Виола (Marcello Viola) против Италии» // Официальный сайт ЕСПЧ. URL: <https://hudoc.echr.coe.int> (дата обращения: 02.04.2025).

⁷ Решение ЕСПЧ от 28.11.2023 по делу «Алппи (Alppi) против Финляндии» // Официальный сайт ЕСПЧ. URL: <https://hudoc.echr.coe.int> (дата обращения: 02.04.2025).

⁸ Постановление ЕСПЧ от 18.12.2018 по делу «Муртазалиева (Murtazaliyeva) против России» // Официальный сайт ЕСПЧ. URL: <https://hudoc.echr.coe.int> (дата обращения: 02.04.2025).

⁹ Обзор по отдельным вопросам судебной практики, связанным с применением законодательства и мер по противодействию распространению на территории Российской Федерации новой коронавирусной инфекции (COVID-19), № 3 (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 17.02.2021) // СПС «Консультант-Плюс».

специфического обеспечения, за исключением общей гарантии разъяснения им их прав в ходе сеанса видео-конференц-связи (ч. 8 ст. 241.1 УПК РФ).

Ситуационно могут проявляться и иные факторы, которые определяют идентичность национальной модели уголовно-процессуального регулирования отношений, связанных с применением цифровых технологий для дистанционной коммуникации с судом. Для того чтобы лучше их усвоить нужно проанализировать некоторые особенности российской модели в сравнении с зарубежными процессуальными аналогами. Прежде всего, стоит отметить недостаточную последовательность российского законодателя в регламентации сфер применения видео-конференц-связи в различных формах судебного производства. В УПК РФ отсутствует норма, которая бы определяла единый перечень видов судебных процедур, в рамках которых допускается применение дистанционной коммуникации с судом. Первоначально возможность использования таких технологий была предусмотрена Федеральным законом от 29.12.2010 № 433-ФЗ для апелляционного производства.

Спустя 12 лет эта возможность была предусмотрена для производства в суде первой инстанции (ст. 241.1 УПК РФ), а также для проведения судебных заседаний по вопросам избрания и продления сроков применения меры пресечения в виде заключения под стражу (ч. 4 ст. 108 УПК РФ)¹⁰. При этом в силу лаконизма ст. 241.1 УПК РФ недостаточно ясным остается вопрос о возможности применения видео-конференц-связи для обеспечения дистанционного участия в иных видах судебного-контрольных процедур в досудебном производстве. Например, статья 125 УПК РФ не содержит специального упоминания о возможности участия в судеб-

ном заседании посредством видео-конференц-связи лица, подавшего жалобу, в том случае, если оно содержится под стражей. Между тем на практике суды, рассматривающие жалобы в порядке ст. 125 УПК РФ, периодически допускают участие таких лиц через видео-конференц-связь¹¹. Законодательные системы многих европейских стран пошли по иному пути в этом вопросе. Например, в ст. 706-71 Уголовно-процессуального кодекса Французской Республики дается исчерпывающий перечень случаев и процедур, в рамках которых возможно применение формата аудиовизуальной коммуникации с судом¹². Сходной нормативной модели придерживается и Великобритания. Так, в ст. 51 Акта уголовного правосудия Великобритании 2003 г. (Criminal Justice Act) приводится закрытый перечень судебных процедур, где допустимо использование формата удаленной коммуникации: предварительное слушание, упрощенные производства, рассмотрение дела по существу, апелляционные слушания и т.п.¹³ Более того, согласно п. 13.7.1 Указаний по уголовной практике (Criminal Practice Directions) содержащиеся под стражей обвиняемые по общему правилу участвуют по видеосвязи во всех судебных заседаниях, предшествующих основному слушанию дела, если иначе не распорядится председательствующий судья¹⁴.

Уголовно-процессуальное законодательство ФРГ в рамках соответствующих положений не обнаруживает подобных перечней, но содержит другие интересные особенности. Например, в ст. 58b, 168e, 233, 248a Уголовно-процессуального кодекса ФРГ упоминается о том, что аудиовизуальная трансляция должна быть *одновременной* для зала суда и того места, где находится лицо, дистанционно участвующее в судебном заседании¹⁵. Многие зарубежные исследователи отмечают потенциальные риски

¹⁰ Федеральный закон от 29.12.2022 № 610-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» // СЗ РФ. 2023. № 1 (ч. I). Ст. 57.

¹¹ Апелляционные постановления Омского областного суда от 22.05.2023 по делу № 22-1633/2023 ; Иркутского областного суда от 07.10.2024 № 22-3117/2023 // СПС «КонсультантПлюс».

¹² Уголовно-процессуальный кодекс Французской Республики от 08.04.1958 // Официальный портал правовой информации Французской Республики. URL: https://www.legifrance.gouv.fr/codes/texte_lc/LEGITEXT000006071154 (дата обращения: 02.04.2025).

¹³ Criminal Justice Act 2003 г. // Официальный портал правовой информации Великобритании. URL: <https://www.legislation.gov.uk/ukpga/2003/44/contents> (дата обращения: 02.04.2025).

¹⁴ Criminal Practice Directions // Официальный портал правовой информации Великобритании. URL: <https://www.gov.uk/guidance/rules-and-practice-directions-2020> (дата обращения: 02.04.2025).

¹⁵ Уголовно-процессуальный кодекс ФРГ // Официальный портал правовой информации ФРГ. URL: https://www.gesetze-im-internet.de/english_stpo/english_stpo.html (дата обращения: 02.04.2025).

применения опосредованных форм взаимодействия с судом, прежде всего с точки зрения соблюдения прав подсудимого на общую справедливость судебного разбирательства. В этой связи отмечается, что непосредственная личная встреча участников дела делает возможным быстрый обмен данными через множество каналов информации, помимо вербального, включая «физическое и контекстуальное измерение», а также позволяет транслировать смысл информации намеренно и ненамеренно¹⁶. Во время видео-конференц-связи преимущества личного невербального общения во многом сокращаются¹⁷.

Некоторые исследователи отмечают, что ограничения видео-конференц-связи могут негативно влиять на способность судей оценивать достоверность показаний подсудимых¹⁸. Эти положения дают возможность выделить еще одну линию научного анализа института аудиовизуальных коммуникаций с судом — особенности регламентации процедурных аспектов применения таких коммуникаций, важное место среди которых занимает более или менее подробное внедрение всевозможных гарантийных механизмов. Наиболее продуманным здесь выглядит законодательство Великобритании. Согласно ст. 51 Акта уголовного правосудия Великобритании 2003 г. при принятии решения о применении удаленной формы коммуникации суд обязан учесть все обстоятельства дела, включая потребность соответствующего лица в непосредственном присутствии на судебных слушаниях, приемлемость условий для организации видеосвязи в месте нахождения лица, оценку способности такого лица к эффективному участию посредством видеосвязи. Применительно к удаленному допросу свидетеля британский законодатель предписывает суду предварительно оценивать важность показаний свидетеля для предмета судебного разбирательства; вероятность того,

что удаленная форма коммуникации с судом воспрепятствует какой-либо стороне судебного разбирательства эффективно оспорить показания данного свидетеля; организационные мероприятия, которые нужно выполнить для того, чтобы публика, присутствующая в зале, могла следить за ходом судебного разбирательства, в котором используется видеосвязь¹⁹. Российский законодатель не вводит столь детализированного регулирования, оставляя многие вопросы на усмотрение суда, а вопросы чисто технического характера — для ведомственной регламентации²⁰.

Таким образом, национальная модель регулирования применения цифровых технологий дистанционной коммуникации с судом соответствует международным стандартам защиты прав человека и развивается в общем русле европейских моделей регулирования данного правового института. Она является менее казуистичной, чем британская модель, но более детальной, чем германская. В ней нет единой статьи, каталогизирующей судебные процедуры, в которых допустима организация дистанционного участия субъектов судебного заседания. Присутствует специфический запрет на дистанционное участие подсудимого посредством видео-конференц-связи в суде с участием присяжных заседателей. Так же как и в других национальных моделях, согласно УПК РФ применение видео-конференц-связи возможно по инициативе как суда, так и сторон судебного разбирательства, а максимальное число гарантий признается только за подсудимым, чей личный интерес в исходе дела играет особую роль.

Применение видео-конференц-связи в российской судебной практике несвободно от некоторых проблем технического и правового характера. Прежде всего, суды не всегда достаточно мотивируют свои решения о необходимости и допустимости удаленного участия подсудимого в судебном заседании. Приоритетность

¹⁶ Hynes J., Gill N., Tomlinson J. In defence of the hearing? Emerging geographies of publicness, materiality, access and communication in court hearings // *Geography Compass*. 2020. No. 14 (9). URL: <https://doi.org/10.1111/gec3.12499>.

¹⁷ Walsh F. M., Walsh E. M. Effective processing or assembly-line justice? The use of teleconferencing in asylum removal hearings // *Georgetown Immigration Law Journal*, 2007. No. 13 (22). P. 259–284.

¹⁸ Landström S., Ask K., Sommar C. The emotional male victim: Effects of presentation mode on judged credibility // *Scandinavian Journal of Psychology*. 2015. No. 56 (1). P. 99–104.

¹⁹ Criminal Justice Act 2003.

²⁰ Приказ Судебного департамента при Верховном Суде РФ от 28.12.2015 № 401 «Об утверждении Регламента организации применения видео-конференц-связи при подготовке и проведении судебных заседаний» // СПС «КонсультантПлюс».

непосредственного участия подсудимого в суде первой инстанции предполагает, что судебные решения, ограничивающие возможность такого участия, должны содержать ссылку не только на правовое основание их вынесения, но и на конкретные фактические обстоятельства, демонстрирующие соблюдение в решении этого вопроса баланса публичных интересов правосудия и личных интересов подсудимого. По одному из дел, отменяя приговор, суд апелляционной инстанции посчитал существенным нарушением УПК РФ то обстоятельство, что суд первой инстанции никак не мотивировал свое решение об обеспечении участия подсудимого посредством видео-конференц-связи (без его согласия на такой формат участия)²¹.

Единообразные и исчерпывающие разъяснения по данному вопросу на уровне постановлений Пленума Верховного Суда РФ отсутствуют, и соответствующая судебная практика пока формируется казуистично. Нет в УПК РФ и каких-либо положений, которые бы дифференцировали принятие решения по вопросу об удаленном участии подсудимого в суде первой инстанции по делам о лицах, страдающих психическими заболеваниями, несовершеннолетних, а также об иных категориях уязвимых подсудимых, которые в силу физических или психических особенностей ограничены в способности самостоятельно защищать в суде свои интересы. Думается, что суду в этом вопросе законодателем предоставлена слишком широкая дискреция, которая не компенсирована на сегодняшний день единообразными разъяснениями Пленума Верховного Суда РФ. Не совсем ясно, каким образом данной категории лиц будет обеспечиваться дополнительная защита их интересов в виде помощи со стороны законных представителей, педагогов и психологов. Вполне оправданно внесение в закон изменений, согласно которым при участии в производстве по делу психолога или педагога вопрос о допустимости дистанционного участия несовершеннолетнего или отстающего в психическом развитии лица решается судом с учетом мнения психолога или педагога.

При рассмотрении судом дел о применении принудительных мер медицинского характера вполне оправданным было бы получение заключения комиссии врачей психиатрического стационара о способности лица самостоятельно защищать свои интересы именно в формате дистанционной коммуникации с судом. Другой тип проблем на практике возникает из-за использования некорректной технологии для коммуникации с судом. В тех случаях, когда участие свидетеля или потерпевшего осуществляется не посредством системы видео-конференц-связи, а через Интернет (в том числе с помощью мобильного приложения), вышестоящие судебные инстанции приходят к выводу о невозможности верной идентификации удаленного участника судебного заседания и, как следствие, о необходимости отмены состоявшихся судебных решений²². В опубликованной практике этот тип нарушения рассматривается вышестоящими судами как существенный, способный влиять на правосудность итогового решения суда. Анализируя жалобы на порядок применения ст. 241.1 УПК РФ в отношении подсудимых, суды вышестоящих инстанций чаще всего следуют пошаговому тесту в виде серии вопросов²³: 1) применялось ли дистанционное участие по ходатайству подсудимого; 2) возражал ли подсудимый против своего участия по видео-конференц-связи, если она применялась по инициативе суда или другой стороны процесса; 3) делал ли подсудимый замечания по качеству трансляции и имеются ли объективные данные о технических неполадках аудио- или видеосигналов; 4) насколько активным был подсудимый в ходе рассмотрения дела. Следует признать данный тест соответствующим международным стандартам, в том числе ранее упоминавшейся практике ЕСПЧ.

Заключение

Приведенные сведения дают основания сделать несколько выводов. В российской системе уголовно-процессуального регулирования

²¹ Апелляционное постановление Верховного суда Республики Мордовия от 03.08.2023 по делу № 22-1000/2023 // СПС «КонсультантПлюс».

²² Кассационное определение Седьмого кассационного суда общей юрисдикции от 19.09.2024 по делу № 77-2613/2024 // СПС «КонсультантПлюс».

²³ Постановление Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 11.12.2024 № 77-4372/2024 ; кассационное определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 06.06.2024 № 77-1559/2024 // СПС «КонсультантПлюс».

применения системы видео-конференц-связи в судебном производстве есть уязвимости, связанные с недостатком системности. В УПК РФ отсутствует единая статья, каталогизирующая случаи и процедуры, в рамках которых допустим указанный формат дистанционной коммуникации с судом. Модель децентрализованной регламентации данных отношений также недостаточно последовательна, так как одни нормы об отдельных судебно-контрольных процедурах содержат сведения о возможности применения в рамках них видео-конференц-связи (ч. 4 ст. 108 УПК РФ), а другие нет (ст. 125, 165 УПК РФ). При этом основание для подобной дифференциации регулирования не выглядит предсказуемым и разумным, что является ключевыми маркерами правовой определенности. Представляется, что регламентация любых судебно-контрольных процедур должна включать положения о допустимости применения видео-конференц-связи в обстоятельствах,

исключающих личное присутствие заинтересованных лиц в судебном заседании (за исключением ограничений на такую форму участия подсудимого при рассмотрении дела судом с участием присяжных заседателей). Также требуется принятие соответствующих разъяснений на уровне Пленума Верховного Суда РФ, детализирующих перечень процедур, сопровождающих применение видео-конференц-связи в судебном заседании. Например, нуждаются в уточнении способы обеспечения защитнику и подсудимому конфиденциального общения в ходе таких судебных заседаний, а также дополнительные гарантии законных интересов несовершеннолетних и лиц, страдающих психическими заболеваниями.

Представляется, что решение этих проблем будет способствовать более эффективной защите прав личности при обеспечении баланса ее интересов с публичными интересами уголовного судопроизводства в цифровую эпоху.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Азаренок Н. В. Вопросы практической реализации изменений, касающихся использования систем видео-конференц-связи в судебном заседании // Уголовное право. 2023. № 7. С. 62–68.
- Брусницын Л. В. О некоторых аспектах оглашения в суде показаний несовершеннолетних потерпевших и свидетелей (часть 6 статьи 281 УПК РФ) // Российская юстиция. 2024. № 9. С. 34–41.
- Бурилов А. Онлайн-правосудие: опыт, проблемы и перспективы // Юридический справочник руководителя. 2023. № 3. С. 55–58.
- Васильев О. Л. Способствуют ли новеллы УПК РФ укреплению авторитета судебной власти? // Закон. 2024. № 8. С. 86–91.
- Зайцев О. А. Правовое обеспечение личной безопасности потерпевшего в уголовном процессе // Журнал российского права. 2023. № 10. С. 82–98.
- Hynes J., Gill N., Tomlinson J. In defence of the hearing? Emerging geographies of publicness, materiality, access and communication in court hearings // Geography Compass. 2020. No. 14 (9).
- Landström S., Ask K., Sommar C. The emotional male victim: Effects of presentation mode on judged credibility // Scandinavian Journal of Psychology. 2015. No. 56 (1). P. 99–104.
- Walsh F. M., Walsh E. M. Effective processing or assembly-line justice? The use of teleconferencing in asylum removal hearings // Georgetown Immigration Law Journal. 2007. No. 13 (22). P. 259–284.

REFERENCES

- Azarenok NV. Issues of practical implementation of the changes concerning the use of video conferencing systems in court sessions. *Criminal Law*. 2023;7:62-68. (In Russ.).
- Brusnitsyn LV. On some aspects of disclosure of the testimony of minor victims and witnesses in court (part 6 of article 281 of the code of criminal procedure of the Russian Federation). *Rossijskaja justitsija*. 2024;9:34-41. (In Russ.).
- Burilov A. Online Justice: Experience, Challenges, and Prospects. *Legal Handbook for Executives*. 2023;3:55-58. (In Russ.).
- Hynes J, Gill N, Tomlinson J. In defence of the hearing? Emerging geographies of publicness, materiality, access and communication in court hearings. *Geography Compass*. 2020;14(9).

Landström S, Ask K, Sommar C. The emotional male victim: Effects of presentation mode on judged credibility. *Scandinavian Journal of Psychology*. 2015;56(1):99-104.

Vasilyev OL. Do the amendments to the Russian Criminal Procedure Code contribute to the strengthening of the authority of the judiciary? *Zakon*. 2024;8:86-91. (In Russ.).

Walsh FM, Walsh EM. Effective processing or assembly-line justice? The use of teleconferencing in asylum removal hearings. *Georgetown Immigration Law Journal*. 2007;13(22):259-284.

Zaitsev OA. Legal provision of personal safety of the victim in criminal proceedings. *Journal of Russian Law*. 2023;10:82-98. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Осипов Артем Леонидович, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовно-процессуального права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
д. 9, Садовая-Кудринская ул., г. Москва 125993, Российская Федерация
mootcourt2017@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Artem L. Osipov, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Department of Criminal Procedure Law, Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russian Federation
mootcourt2017@mail.ru

Материал поступил в редакцию 9 ноября 2024 г.

Статья получена после рецензирования 22 апреля 2025 г.

Принята к печати 15 июня 2025 г.

Received 09.11.2024.

Revised 22.04.2025.

Accepted 15.06.2025.

Государственно-частное партнерство в вопросах обеспечения безопасности объектов, подлежащих государственной охране при проведении массовых мероприятий

Резюме. В статье анализируются различия между государственной и частной охранной деятельностью в Российской Федерации, подчеркиваются сложности их регулирования единой законодательной базой. Автор критикует нормативные акты за несоответствие современным требованиям и указывает на необходимость их значительной модернизации. Представлены данные о масштабах частной охранной деятельности, включая количество структур и специалистов, а также охраняемых объектов, что свидетельствует о важности сектора для национальной безопасности. Рассмотрены предложения по разработке отдельных законопроектов «О государственной охранной деятельности» и «О частной охранной деятельности», направленные на детализацию правовых основ и устранение правовых пробелов. Особое внимание уделено потенциалу государственных и частных партнерств в обеспечении безопасности при проведении массовых мероприятий, включая внедрение современных технологий и подготовку квалифицированных кадров. Подчеркивается, что дифференцированный подход к регулированию охранной деятельности позволит создать более эффективные механизмы взаимодействия между государством и частным сектором, способствуя повышению качества и доступности охранных услуг. Итоговые выводы указывают на необходимость комплексного пересмотра законодательной базы для обеспечения устойчивого развития охранной сферы и усиления национальной безопасности.

Ключевые слова: частная охранная деятельность; государственно-частное партнерство; законодательное регулирование; телохранитель; общественная безопасность; массовые мероприятия; нормативно-правовая база

Для цитирования: Бурганова Г. В. Государственно-частное партнерство в вопросах обеспечения безопасности объектов, подлежащих государственной охране при проведении массовых мероприятий. *Lex russica*. 2025. Т. 78. № 8. С. 52–61. DOI: 10.17803/1729-5920.2025.225.8.052-061

A Public-Private Partnership in Ensuring the Security of State-Protected Facilities during Mass Events

Guzel V. Burganova
Kazan (Volga) Federal University
Kazan, Russian Federation

Abstract. The paper analyzes the differences between state and private security activities in the Russian Federation, highlighting the challenges of regulating these domains under a unified legislative framework. The author criticizes existing normative acts for their misalignment with contemporary requirements and emphasizes

the need for significant modernization. The study provides data regarding the scale of private security activities, including the number of entities and specialists as well as protected sites, underscoring the sector's importance for national security. The author dwells on proposals regarding the wording of separate legislative drafts «On State Security Activities» and «On Private Security Activities», aimed at determining the legal foundations and addressing existing legal gaps. Special attention is given to the potential of public-private partnerships (PPP) in ensuring security during mass events, which includes the implementation of modern technologies and the training of qualified personnel. The author emphasizes that a differentiated approach to the regulation of security activities will enable the creation of more effective mechanisms for collaboration between the state and the private sector, thereby enhancing the quality and accessibility of security services. The conclusions indicate the necessity of a comprehensive review of the legislative framework to ensure sustainable development within the security sector and to strengthen national security.

Keywords: private security activities; public-private partnership; legislative regulation; bodyguard; public safety; mass events; regulatory framework

Cite as: Burganova GV. A Public-Private Partnership in Ensuring the Security of State-Protected Facilities During Mass Events. *Lex russica*. 2025;78(8):52-61. (In Russ.). DOI: 10.17803/1729-5920.2025.225.8.052-061

Введение

В условиях современной динамичной социальной и экономической среды обеспечение безопасности объектов, подлежащих государственной охране, при проведении массовых мероприятий приобретает особую значимость. Массовые мероприятия, включая международные спортивные соревнования, концерты и культурные фестивали, требуют высокого уровня организации и координации действий различных структур для предотвращения и реагирования на возможные угрозы. В этом контексте государственно-частное партнерство (ГЧП) выступает как перспективный механизм, способный объединить ресурсы и компетенции государственного сектора и частного бизнеса для достижения высоких стандартов безопасности.

Государственно-частное партнерство в сфере обеспечения безопасности представляет собой согласованное взаимодействие между государственными органами и частными охранными организациями, направленное на совместное выполнение задач по защите объектов государственной важности и общественных мероприятий. Такой подход не только расширяет возможности государственных структур, но и стимулирует развитие частного сектора, предоставляя ему новые возможности для участия в общественно значимых проектах. Примером успешной реализации ГЧП может служить опыт чемпионата мира по футболу 2018 г. в России, где частные охранные организации играли ключевую роль в обеспечении безопасности множества объектов и участников мероприятия.

Впрочем, внедрение ГЧП в области безопасности сталкивается с рядом существен-

ных препятствий, среди которых отсутствие комплексной правовой базы, недостаточная координация между государственными и частными структурами, а также ограниченный опыт взаимодействия в данной сфере. Для преодоления этих барьеров необходим комплексный подход, включающий разработку четких нормативных актов, создание механизмов стимулирования частного бизнеса и формирование квалифицированных кадров, способных эффективно управлять проектами ГЧП.

Цель данной статьи заключается в исследовании потенциала ГЧП в обеспечении безопасности объектов государственной охраны при проведении массовых мероприятий. В ходе работы будут проанализированы существующие модели взаимодействия, выявлены основные проблемы и предложены рекомендации по их преодолению. Особое внимание будет уделено правовым аспектам, организационным механизмам и примерам успешной реализации ГЧП в сфере безопасности. Таким образом, статья может внести вклад в развитие стратегий обеспечения общественной безопасности посредством синергии государственных и частных усилий.

Основная часть

В современных условиях наблюдается интенсификация взаимодействия между государственным и частным секторами экономики, охватывающая широкий спектр сфер, включая нормативно-правовое регулирование, лицензирование, фискальную политику и стандартизацию. Представители бизнеса вынуждены учи-

тывать политические аспекты государственной деятельности в области развития инфраструктуры, одобрения сделок и антимонопольного регулирования. Параллельно с этим государство активно привлекает бизнес-структуры к реализации национальных и региональных проектов, в частности в рамках ГЧП.

Законодательно закрепленное определение ГЧП представляет его как документально оформленное, темпорально ограниченное взаимодействие между государственными структурами и бизнес-субъектами, базирующееся на консолидации ресурсов и разделении потенциальных угроз. Данная коллаборация осуществляется посредством особых контрактов, составленных в рамках актуального правового поля. Ключевая задача подобной кооперации состоит в стимулировании притока негосударственного капитала в хозяйственную сферу с целью оптимизации и расширения спектра продукции, сервисов и работ, реализуемых правительственными и муниципальными институтами.

Ключевыми характеристиками ГЧП являются участие государства и частного капитала в качестве основных заинтересованных сторон; наличие официальной юридической базы для взаимодействия; паритетность условий сотрудничества; приоритет общественно значимой деятельности; консолидация ресурсов и финансовых интересов партнеров в процессе реализации проектов; пропорциональное распределение финансовых затрат, рисков и результатов между участниками. Данная форма взаимодействия представляет собой эффективный механизм решения комплексных социально-экономических задач, объединяющий преимущества государственного управления и частной инициативы.

В контексте ГЧП наблюдается тенденция к инициативной роли государства в привлечении бизнеса к реализации общественно значимых проектов. Мировая практика демонстрирует, что наиболее популярным направлением ГЧП является строительство автомагистралей, за которым следуют проекты в сфере жилищно-коммунального хозяйства. С конца 1990-х гг. российский бизнес проявляет повышенный интерес к проектам в области водоснабжения, очистки сточных вод, утилизации отходов, здравоохранения, образования, информационных технологий и телекоммуникаций. Этот тренд отражает растущее понимание важности совместных усилий государства и частного сек-

тора в решении ключевых социально-экономических задач.

Одним из перспективных направлений развития ГЧП в России может стать сфера обеспечения общественной безопасности. Статистические данные МВД России свидетельствуют о сложной криминогенной обстановке в стране. Несмотря на общее снижение количества зарегистрированных преступлений, наблюдаются рост числа погибших в результате преступных действий, увеличение доли тяжких и особо тяжких преступлений, а также преступлений, связанных с незаконным оборотом оружия и наркотиков, экологических преступлений и преступлений экстремистской направленности. Эта тревожная тенденция вызывает обоснованную озабоченность общественности и требует новых подходов к обеспечению безопасности граждан.

Потенциальное решение этой проблемы — внедрение инновационных форм взаимодействия между государственными структурами и частным сектором в сфере безопасности. Это может включать в себя создание и развитие спасательных и противопожарных служб, систем охраны общественного порядка, основанных на предприятиях различных форм собственности. Такие предприятия могли бы оказывать широкий спектр услуг по защите объектов собственности от несанкционированного доступа, обеспечению безопасности дорожного движения и транспортной инфраструктуры, а также по разработке и внедрению передовых информационных систем безопасности. Подобное партнерство позволит объединить ресурсы и компетенции государственного и частного секторов для более эффективного противодействия преступности и обеспечения общественной безопасности, что особенно актуально в контексте проведения массовых мероприятий и охраны объектов государственной важности.

В сфере обеспечения безопасности объектов, подлежащих государственной охране при проведении массовых мероприятий, внедрение механизмов ГЧП сталкивается с рядом существенных препятствий. Ключевой проблемой, тормозящей развитие ГЧП в данной области, является отсутствие адекватного правового регулирования. Более того, существующая нормативно-правовая база, включающая законы и подзаконные акты, зачастую создает барьеры для взаимодействия государственных структур и частного сектора в вопросах обеспечения

безопасности граждан. Это приводит к тому, что значительная часть отношений в данной сфере носит неформальный характер, что может граничить с нелегальной или даже противозаконной деятельностью.

Развитие ГЧП в области обеспечения безопасности в Российской Федерации сдерживается рядом факторов, среди которых выделяется недостаток опыта в организации эффективного взаимодействия между государственными органами и бизнес-структурами. Эта проблема представляет собой серьезное препятствие и требует комплексного подхода. Необходимы тщательное изучение и анализ международного опыта реализации различных моделей ГЧП в сфере безопасности, с последующей адаптацией наиболее успешных практик к российским реалиям. Кроме того, важно разработать и внедрить инновационные подходы, учитывающие специфику национальной системы обеспечения безопасности и особенности взаимодействия государства и бизнеса в России.

В контексте обеспечения безопасности объектов, подлежащих государственной охране при проведении массовых мероприятий, развитие ГЧП сталкивается с рядом существенных препятствий законодательного и организационного характера. Ключевой проблемой является отсутствие в нормативно-правовой базе четких положений, регламентирующих полномочия органов исполнительной власти в установлении партнерских отношений с бизнес-структурами. Это законодательное упущение создает значительные трудности в определении последовательности и содержания административных процедур при организации и реализации проектов ГЧП в сфере безопасности. Для преодоления данного барьера необходимо провести комплексные междисциплинарные исследования, охватывающие экономические и правовые аспекты ГЧП, с целью их гармонизации и создания целостной концептуальной основы. Кроме того, критически важными являются разработка детальных методических материалов и организация систематической подготовки квалифицированных кадров, способных управлять проектами ГЧП в области обеспечения безопасности.

Другой существенной проблемой, препятствующей обеспечению безопасности при проведении массовых мероприятий, являются нехватка квалифицированного персонала и недостаточность материально-технической базы соответствующих служб. Эти факторы негативно

сказываются на качестве патрулирования введенных территорий и оперативности реагирования на возникающие инциденты. В частности, отсутствие необходимого количества современных транспортных средств или устаревший автопарк значительно снижают способность служб безопасности обеспечивать своевременное прибытие на место происшествия. В этом контексте ГЧП на мезоуровне может предложить решения, включающие предоставление транспортных средств, привлечение услуг частных охранных организаций и реализацию других форм сотрудничества. Такие инициативы могут существенно повысить эффективность работы отдельных подразделений службы безопасности, оптимизировать использование ресурсов и улучшить общее качество обеспечения безопасности при проведении массовых мероприятий.

Реализация потенциала ГЧП в сфере обеспечения безопасности объектов государственной охраны требует комплексного подхода, включающего не только совершенствование законодательной базы, но и развитие инновационных механизмов взаимодействия между государственными структурами и частным сектором. Это предполагает создание гибких моделей партнерства, учитывающих специфику задач по обеспечению безопасности и позволяющих использовать ресурсы и компетенции обеих сторон. Важным аспектом является также разработка системы стимулов для бизнеса, которая бы мотивировала его к активному участию в проектах по обеспечению безопасности, одновременно гарантируя соблюдение государственных интересов и высоких стандартов безопасности.

В контексте обеспечения безопасности объектов, подлежащих государственной охране при проведении массовых мероприятий, концепция государственно-частного партнерства представляет собой перспективное, но недостаточно реализованное направление. Одним из потенциальных механизмов ГЧП в данной сфере может стать привлечение частных охранных структур на возмездной основе для патрулирования улиц и обеспечения общественного порядка. При этом финансирование данной деятельности должно осуществляться за счет муниципальных бюджетов. Такой подход потенциально способен значительно снизить уровень уличной преступности в зонах ответственности частных охранных предприятий, что будет способствовать повышению общего уровня

безопасности при проведении массовых мероприятий.

Впрочем, реализация подобных инициатив сталкивается с существенным препятствием — отсутствием в Российской Федерации комплексной системы ГЧП в сфере обеспечения безопасности граждан. Данная система должна охватывать широкий спектр аспектов взаимодействия, включая организационные, кадровые, технические и иные компоненты. Отсутствие такой системы создает значительные трудности для охранного бизнеса в России, ограничивая возможности его эффективного участия в обеспечении общественной безопасности.

Развитие ГЧП на мезоуровне в области безопасности сталкивается с рядом объективных препятствий, преодоление которых требует комплексного подхода. Ключевым элементом в решении данной проблемы является тщательная разработка правовой базы, которая бы создала благоприятные условия для формирования долгосрочных и взаимовыгодных отношений между государственными структурами и частным бизнесом в сфере обеспечения безопасности. Такая правовая платформа должна учитывать потребности всех заинтересованных сторон, обеспечивая при этом приоритет общественной безопасности и национальных интересов.

Действенность системы национальной и хозяйственной безопасности находится в прямой зависимости от профессионализма всех вовлеченных охранных субъектов и своевременности обновления законодательства.

Исследование научных трудов и профильных изданий, а также мониторинг законодательства в области государственной и частной охраны выявляют критическую необходимость коренного обновления ключевых юридических норм. Это особенно актуально в свете ГЧП при обеспечении безопасности охраняемых государством объектов во время проведения массовых мероприятий. Данная потребность

продиктована текущим положением дел в индустрии охранных услуг и стремительно эволюционирующими требованиями к обеспечению безопасности при организации мероприятий с большим скоплением людей.

Современные тенденции в сфере юридического регламентирования охранных услуг концентрируются в двух основных векторах развития. Приоритетным направлением является разработка всеобъемлющего законодательного документа под названием «О частной охранной деятельности в Российской Федерации»¹. Этот нормативный акт планируется сделать базовым, охватывающим весь спектр вопросов, связанных с охранной деятельностью, включая как государственный, так и частный секторы. Предполагается, что он станет фундаментальной основой для регулирования всех аспектов охранной индустрии в стране.

Альтернативный вектор законодотворческой активности сосредоточен на создании двух самостоятельных федеральных актов: «О государственной охранной деятельности в Российской Федерации»² и «О частной охранной деятельности»³. Эта стратегия нацелена на углубленное регламентирование особенностей функционирования государственных и негосударственных охранных структур. Предполагается, что такой подход позволит более четкую демаркацию сфер влияния и обязанностей между государственными органами и коммерческими охранными организациями в рамках ГЧП. Это может способствовать повышению эффективности взаимодействия и координации усилий в области обеспечения безопасности⁴.

Первостепенное значение приобретает формирование ключевого нормативного правового акта, нацеленного на консолидацию различных аспектов охранной сферы в целостный механизм. Ведущая роль в этом процессе возложена на Росгвардию. Согласно стратегическому документу, определяющему вектор развития вневедомственной охраны до 2025 г., планируется создание законопроекта,

¹ Концепция развития вневедомственной охраны на период 2018–2021 годов и далее до 2025 года (утв. Росгвардией) // СПС «КонсультантПлюс».

² Майоров В. И., Квасов В. Б. Разработка концепции проекта закона «О государственной охранной деятельности в РФ»: обоснование, стратегия, перспективы // Правопорядок: история, теория, практика. 2021. № 1 (28). С. 19–32.

³ Проект федерального закона № 155863-8 «О частной охранной деятельности» // URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/155863-8> (дата обращения: 20.10.2024).

⁴ Николаев А. Г. Построение системы организации охранных услуг в Российской Федерации // Международный журнал гражданского и торгового права. 2022. № 2. С. 39–42.

регламентирующего охранную деятельность на территории РФ. Этот шаг призван стать фундаментальным в построении единой системы обеспечения безопасности, объединяющей все существующие направления охранных услуг под эгидой одного всеобъемлющего законодательного акта. Инициатива создания такого акта базируется на масштабном исследовании, проведенном специалистами в области охранного законодательства. Этот закон может стать правовой основой для развития ГЧП в сфере обеспечения безопасности объектов государственной охраны при проведении массовых мероприятий, устанавливая единые стандарты и правила взаимодействия государственных и частных структур.

Сравнительный анализ законодательств стран ближнего зарубежья, в частности Республики Беларусь⁵ и Республики Казахстан⁶, в области регулирования охранно-профилактической деятельности показал, что задачи государственного регулирования в данной сфере во многих аспектах решаются аналогичным образом и, как правило, закреплены в едином законодательном акте, определяющем деятельность всех субъектов охраны.

Изучение действующей нормативно-правовой базы России в области охранных услуг выявляет фрагментированный подход к регламентации. Текущая юридическая структура характеризуется тем, что функционирование различных участников охранного сектора регулируется разрозненными законодательными документами. Иными словами, нормы, касающиеся деятельности каждого конкретного субъекта в сфере охраны, рассредоточены по отдельным правовым актам, что создает многоуровневую и сегментированную систему правового регулирования данной отрасли. Такой фрагментированный подход порождает определенные трудности в координации действий различных субъектов охранной деятельности, особенно в рамках ГЧП. Это приводит к выводу о том, что существующая нормативно-право-

вая база в целом недостаточна и нуждается в существенной переработке для создания более эффективной системы обеспечения безопасности⁷.

Традиционная парадигма законодательства предполагает первоначальное принятие нормативного правового акта высшего уровня, устанавливающего общие принципы регулирования охранной деятельности, с последующей разработкой подзаконных актов, детализирующих отдельные аспекты данной сферы. Однако в российских реалиях наблюдается отклонение от этой модели, что объясняется рядом объективных причин.

Анализируя генезис правовой базы в сфере охранных услуг, необходимо подчеркнуть, что ее становление, особенно в негосударственном секторе, происходило на фоне стремительной трансформации экономической модели страны в начале 1990-х гг. Этот турбулентный период характеризовался размытостью границ между государственными и частными интересами, а также явным недостатком теоретических разработок и нормативных ориентиров в области коммерческой охранной деятельности. Как следствие, юридические нормы формировались в форсированном темпе, что неминуемо сказалось на их согласованности и качестве⁸.

В научных кругах ведутся оживленные дебаты относительно рациональности разработки всеобъемлющего законодательного акта, охватывающего как государственный, так и частный секторы охранной деятельности. Ряд ученых, включая В. И. Майорова и В. Б. Квасова⁹, выражают сомнения в действенности такого подхода. Их аргументация базируется на значительных различиях между государственной и коммерческой охранной деятельностью, что, по их мнению, препятствует унифицированному регулированию в рамках единого закона. Более того, с учетом широкого спектра государственных охранных структур с различными административно-правовыми статусами объединение норм их регулирования в одном законодатель-

⁵ Закон Республики Беларусь от 08.11.2006 № 175-3 «Об охранной деятельности в Республике Беларусь» // URL: <https://belzakon.net/> (дата обращения: 20.10.2024).

⁶ Закон Республики Казахстан от 19.10.2000 № 85 «Об охранной деятельности» // URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z000000085_ (дата обращения: 20.10.2024).

⁷ Киселев Д. А. Некоторые тенденции развития правового регулирования частной охранной деятельности в Российской Федерации // Человек. Социум. Общество. 2022. № 4. С. 63–68.

⁸ Батуров Т. М. Частные охранные организации в Российской Федерации: понятие, правовая основа и проблемы // Ученые записки. 2021. № 1 (37). С. 100–105.

⁹ Майоров В. И., Квасов В. Б. Указ. соч. С. 19–32.

ном документе представляется крайне трудным и потенциально неэффективным.

В контексте рассматриваемой проблематики необходимо отметить, что реальность не всегда соответствует логическим построениям и теоретическим моделям. Несмотря на существующие сложности, можно предположить, что многолетняя практика и сформулированные инициативы в конечном итоге могут послужить фундаментом для создания всеобъемлющего нормативно-правового документа. Данная гипотеза основывается на анализе текущих тенденций в правовом регулировании и потребностей практики.

На текущем этапе более прагматичной видится стратегия, ориентированная на формирование обособленных законодательных документов для государственного и частного секторов охранной деятельности. Разрабатываемые законопроекты «О государственной охранной деятельности в Российской Федерации» и «О частной охранной деятельности» нацелены на модернизацию юридической базы в соответствующих областях.

Процесс разработки законопроекта «О частной охранной деятельности»¹⁰ заслуживает пристального внимания, так как он демонстрирует всесторонний и методичный подход к совершенствованию правового регулирования в этой сфере. Инициированная в 2015 г. работа над проектом характеризовалась масштабными консультациями с участием различных заинтересованных групп, а также согласованием с компетентными ведомствами и государственными структурами. Ключевым этапом этого длительного процесса стало представление законопроекта на рассмотрение в Государственную Думу ФС РФ 1 июля 2022 г. Это событие знаменует существенный шаг вперед в эволюции нормативно-правовой базы, регулирующей деятельность частных охранных предприятий, и свидетельствует о значительном прогрессе в модернизации законодательства в данной области.

В эпоху стремительной технологической эволюции, характеризующейся интеграцией искусственного интеллекта и повышением стандар-

тов безопасности для организаций и граждан, прежняя парадигма организации сферы охраняемых услуг, отраженная в Законе РФ «О частной детективной и охранной деятельности»¹¹, значительно устарела. Этот нормативный акт уже не соответствует современным реалиям и требует кардинального обновления. Данная ситуация обусловлена динамичными изменениями в социально-экономической сфере и технологическом ландшафте, которые нуждаются в адекватном отражении в нормативно-правовой базе.

Предложенный законопроект существенно расширяет и конкретизирует основной терминологический аппарат в области частных охраняемых услуг. Он вводит и подробно описывает ряд ключевых концепций, таких как «частная охранная деятельность», «охранная услуга», «технические средства охраны», «реагирование», «личная карточка охранника» и «работник частной охранной организации». Эти новшества нацелены на повышение точности правового регулирования и устранение потенциальных разночтений в интерпретации фундаментальных отраслевых терминов.

Особого внимания заслуживает значимое дополнение, включающее физических лиц в разряд охраняемых объектов, чья жизнь и здоровье подлежат защите согласно договору об оказании охранных услуг. Более того, законопроект предусматривает юридическое закрепление особого статуса телохранителя как специфической категории частного охранника, что отражает возрастающий спрос на услуги персональной охраны и признание уникальности данного вида деятельности.

Эти нововведения призваны модернизировать нормативно-правовую базу в соответствии с текущими реалиями рынка охранных услуг, обеспечивая более гибкое и эффективное регулирование отрасли в условиях меняющихся потребностей общества и развития технологий.

Сопоставление предложенного законопроекта с текущей нормативной базой обнаруживает значительное расширение диапазона услуг, доступных для предоставления частными охранными структурами. Помимо стандартных

¹⁰ Паспорт проекта федерального закона № 155863-8 «О частной охранной деятельности» (в части совершенствования нормативно-правового регулирования частной охранной деятельности в Российской Федерации) (внесен депутатами Государственной Думы ФС РФ А. Е. Хинштейном, А. Б. Выборным, Э. А. Валеевым) // СПС «КонсультантПлюс».

¹¹ Закон РФ от 11.03.1992 № 2487-1 (ред. от 25.12.2023) «О частной детективной и охранной деятельности в Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

охранных функций, новый документ предполагает включение дополнительных направлений деятельности. В их число входят кинологовическая деятельность и собаководство, что подчеркивает растущую роль специально обученных животных в обеспечении безопасности. Кроме того, проект закона предусматривает возможность участия частных охранных организаций в пожаротушении на различных объектах, включая населенные пункты, производственные комплексы и инфраструктурные сооружения. Примечательно положение о возможности ведения аварийно-спасательных работ на нештатной основе, что существенно расширяет функциональные возможности частных охранных предприятий и потенциально повышает их роль в обеспечении общественной безопасности. Такое расширение функционала частных охранных структур отражает общую тенденцию к усилению их роли в обеспечении комплексной безопасности и реагировании на различные виды угроз и чрезвычайных ситуаций. Это, в свою очередь, может способствовать увеличению эффективности системы обеспечения общественной безопасности в целом, создавая дополнительные ресурсы для оперативного реагирования на различные вызовы и угрозы.

В современных реалиях и при возрастающих требованиях к обеспечению безопасности предлагаемые изменения и расширение полномочий частных охранных организаций обусловлены необходимостью качественно нового подхода к защите и охране объектов. Предлагаемые изменения в законодательстве отражают уже сформировавшиеся в действительности возможности и ресурсы определенных охранных организаций, которые нуждаются в правовом оформлении. Например, ряд крупных охранных компаний уже имеет в своем распоряжении специализированные кинологовические подразделения, где дрессированные собаки применяются для выявления запрещенных предметов и охраны объектов.

Что касается включения в законопроект положений о пожаротушении и проведении спасательных операций, важно подчеркнуть, что речь идет не о замещении профессиональных аварийно-спасательных служб, а о пре-

доставлении им дополнительной поддержки непосредственно на месте происшествия. Это подразумевает квалифицированные действия охранного персонала при возникновении чрезвычайных ситуаций, таких как пожары или аварии, до прибытия специализированных подразделений¹².

Новый законопроект уделяет пристальное внимание сотрудничеству между частными охранными структурами и органами правопорядка, посвящая этому вопросу отдельную главу. Это значительно расширяет и конкретизирует нормы, ранее кратко изложенные в ст. 3 действующего Закона РФ «О частной детективной и охранной деятельности». Ярко иллюстрирует подобную кооперацию чемпионат мира по футболу 2018 г., проходивший в России. В ходе этого мероприятия более полусотни частных охранных предприятий взяли на себя ответственность за безопасность подавляющего большинства объектов чемпионата — 236 из 272. Этот факт наглядно подтверждает существенный ресурс и результативность негосударственного сектора в обеспечении безопасности на мероприятиях такого уровня¹³.

Предложенный проект закона рассматривает два типа взаимодействия частных охранных фирм с органами правопорядка: обязательное и договорное. Детально разработаны правила такого сотрудничества по поддержанию общественного порядка, включая места оказания охранных услуг и близлежащие территории. Также оговорено участие частных детективов в профилактике и расследовании правонарушений.

Тем не менее появляются сомнения относительно правового положения, прав и обязанностей, побуждающих факторов и социальной защиты индивидов, исполняющих несвойственную им государственную функцию. Рекомендуются внести в нормативные правовые акты следующую поправку: «В случае гибели, получения травм или иного ущерба здоровью лиц, задействованных в сфере негосударственной охраны, при оказании содействия органам правопорядка в ходе выполнения охранных обязанностей материальное возмещение производится за счет средств государственной казны Российской Федерации».

¹² Аюпов Е. А., Антипов Е. Г. Современные подходы к обеспечению пожарной безопасности объектов защиты // Технологии техносферной безопасности. 2016. № 2 (66). С. 143–147.

¹³ Правительство оценило эффект от чемпионата мира по футболу для экономики // URL: <https://www.rbc.ru/economics/25/04/2018/5ae0462b9a79471c87890447> (дата обращения: 20.10.2024).

Заключение

Государственно-частное партнерство играет ключевую роль в обеспечении безопасности объектов государственной охраны при проведении массовых мероприятий. Анализ текущей ситуации показывает, что, несмотря на значительный потенциал, ГЧП в сфере безопасности в Российской Федерации остается недостаточно развитым и сталкивается с рядом серьезных препятствий. Основными из них являются отсутствие комплексной правовой базы, недостаток квалифицированного персонала, ограниченные материально-технические ресурсы и отсутствие системного подхода к взаимодействию между государственными структурами и частным бизнесом.

Впрочем, примеры успешной реализации ГЧП, такие как обеспечение безопасности на чемпионате мира по футболу 2018 г., демонстрируют высокую эффективность участия частных охранных организаций в обеспечении общественного порядка и защиты объектов. Это подтверждает необходимость и целесообразность развития партнерских отношений между государством и частным сектором.

Для преодоления препятствий необходимо разработать и внедрить целостную правовую платформу, которая будет регламентировать взаимодействие государственных органов и

частных охранных компаний, обеспечивая прозрачность и юридическую защищенность партнерских соглашений. Также важно инвестировать в подготовку и повышение квалификации кадров, а также модернизацию материально-технической базы охранных служб.

Кроме того, внедрение международного опыта и адаптация успешных моделей ГЧП к российским условиям могут существенно повысить эффективность сотрудничества. Важно создать систему стимулов, которая будет мотивировать частный бизнес активно участвовать в проектах по обеспечению безопасности, учитывая при этом приоритет общественных и национальных интересов.

Таким образом, успешная реализация ГЧП в сфере обеспечения безопасности при проведении массовых мероприятий требует комплексного подхода, включающего совершенствование законодательной базы, развитие инфраструктуры, подготовку квалифицированных специалистов и установление устойчивых механизмов взаимодействия между всеми участниками процесса. Только при условии сотрудничества государства и частного сектора можно достичь высокого уровня безопасности и создать надежные условия для проведения массовых мероприятий, соответствующие современным стандартам и требованиям.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Аюпов Е. А., Антипов Е. Г. Современные подходы к обеспечению пожарной безопасности объектов защиты // Технологии техносферной безопасности. 2016. № 2 (66). С. 143–147.
- Батуров Т. М. Частные охранные организации в Российской Федерации: понятие, правовая основа и проблемы // Ученые записки. 2021. № 1 (37). С. 100–105.
- Киселев Д. А. Некоторые тенденции развития правового регулирования частной охранной деятельности в Российской Федерации // Человек. Социум. Общество. 2022. № 4. С. 63–68.
- Майоров В. И., Квасов В. Б. Разработка концепции проекта закона «О государственной охранной деятельности в РФ»: обоснование, стратегия, перспективы // Правопорядок: история, теория, практика. 2021. № 1 (28). С. 19–32.
- Николаев А. Г. Построение системы организации охранных услуг в Российской Федерации // Международный журнал гражданского и торгового права. 2022. № 2. С. 39–42.

REFERENCES

- Ayupov EA, Antipov EG. Modern approaches to ensuring fire safety of objects of protection. *Technosphere Security Technologies*. 2016;2(66):143-147. (In Russ.).
- Baturov TM. Private security organizations in the Russian Federation: concept, legal basis and problems. *Uchenye zapiski*. 2021;1(37):100-105. (In Russ.).
- Kiselev DA. Some trends in the development of legal regulation private security activities in the russian federation. *Chelovek. Tsoitsiyum. Obshchestvo*. 2022;4:63-68. (In Russ.).

Mayorov VI, Kvasov VB. Development of the Concept of the Draft Law «About the State Security Activity in the Russian Federation»: Justification, Strategy, Prospects. *Legal Order: History, Theory, Practice*. 2021;1(28):19-32. (In Russ.).

Nikolaev AG. Building a system of organization of security services in the Russian Federation. *International Journal of Civil and Trade Law*. 2022;2:39-42. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Бурганова Гузель Вилсуровна, кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики Казанского (Приволжского) федерального университета
д. 18, Кремлевская ул., г. Казань 420008, Российская Федерация
9172778217@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Guzel V. Burganova, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Department of Criminal Procedure and Criminalistics, Kazan (Volga) Federal University
Kazan, Russian Federation
9172778217@mail.ru

Материал поступил в редакцию 1 ноября 2024 г.

Статья получена после рецензирования 7 ноября 2024 г.

Принята к печати 15 июля 2025 г.

Received 01.11.2024.

Revised 07.11.2024.

Accepted 15.07.2025.

DOI: 10.17803/1729-5920.2025.225.8.062-071

Л. Е. Калинина

Российская таможенная академия
г. Люберцы, Российская Федерация

Административно-организационное взаимодействие в Российской Федерации: понятие, классификация, формы

Резюме. В статье анализируется развитие теории административного права и административного законодательства. В качестве концептуальной идеи систематизации административного права используется деление правоотношений на административно-публичные и административно-организационные, в которых реализуется деятельность органов публичной администрации. Автор исследовал признаки административно-организационного взаимодействия, а затем проанализировал, как оно закрепляется в законодательстве. Это позволило выявить классификационные признаки для теоретической систематизации взаимодействия как функции административно-организационной деятельности. Теоретическое обоснование категории «административно-организационное взаимодействие» позволит разработать теорию административно-организационной деятельности. Анализ российского административного законодательства позволил сформулировать признаки административно-организационного взаимодействия. По ним возможно систематизировать взаимодействие, которое реализуется как в организационных отношениях внутри системы органов публичной администрации, так и в административно-публичных отношениях, где взаимодействие направлено на реализацию прав и законных интересов физических лиц и организаций, а также на достижение баланса публичных и частных интересов. Выявление признаков позволило автору классифицировать взаимодействие по подчиненности, по отношению к единой системе органов публичной администрации, в зависимости от видов деятельности. Кроме того, спецификой такой деятельности является то, что она не имеет процессуальной формы, а значит, можно относить такие действия к материальным административно-правовым формам.

Ключевые слова: административная деятельность; административно-организационная деятельность; взаимодействие; классификация; административно-правовые формы; внепроцессуальные формы; публичное управление; система административного права; изменение законодательства; административно-правовые отношения

Для цитирования: Калинина Л. Е. Административно-организационное взаимодействие в Российской Федерации: понятие, классификация, формы. *Lex russica*. 2025. Т. 78. № 8. С. 62–71. DOI: 10.17803/1729-5920.2025.225.8.062-071

Administrative and Organizational Interaction in the Russian Federation: Definition, Classification, and Forms

Larisa E. Kalinina
Russian Customs Academy
Lubertsy, Russian Federation

Abstract. The paper examines the development of the theory of administrative law and administrative legislation. The author relies on the distinction between administrative-public and administrative-organizational relations as a conceptual framework for the systematization of administrative law within which the activities of public administration bodies are realized. The author investigates the characteristics of administrative-organizational interaction and analyzes how this interaction is enshrined in legislation. This approach facilitates identification

© Калинина Л. Е., 2025

of classification criteria for the theoretical systematization of interaction as a function of administrative-organizational activity. The theoretical justification of the category «administrative and organizational interaction» will contribute to the formulation of a theory of administrative and organizational activities. An analysis of Russian administrative legislation has allowed for the articulation of the features of administrative and organizational interaction. These features will enable systematization of interactions, which occur both within organizational relations inside the system of public administration bodies and in administrative-public relations, where the interaction aims to realize the rights and legitimate interests of individuals and organizations, as well as to achieve a balance between public and private interests. The identification of classification criteria has enabled the author to categorize interactions based on subordination, their relationship to the unified system of public administration bodies, and the types of activities involved. Furthermore, a distinctive aspect of such activity includes the lack of procedural form, indicating that these actions pertain to substantive administrative and legal forms.

Keywords: administrative activity; administrative and organizational activity; interaction; classification; administrative law forms; extrajudicial forms; public administration; system of administrative law; legislative change; administrative law relations

Cite as: Kalinina L.E. Administrative and Organizational Interaction in the Russian Federation: Definition, Classification, and Forms. *Lex russica*. 2025;78(8):62-71. (In Russ.). DOI: 10.17803/1729-5920.2025.225.8.062-071

Построение и функционирование правового государства предполагает развитие административного права. Это связано с тем, что организация и деятельность государственной власти строятся во взаимоотношениях с индивидами и их объединениями на основе норм права. Конституционно-правовая основа данного положения закрепляется статьями 1, 2, а также пунктом «к» ч. 1 ст. 72 Конституции РФ¹. Исторически обоснование связи между правовым государством и административным правом можно встретить в работах Э. Н. Берендтса². Не имея конституционных оснований для такого вывода, автор тем не менее обосновывал выделение административного права как самостоятельной отрасли и разграничение его с полицейским правом. По мнению Э. Н. Берендтса, в правовом государстве административное право, регулируя деятельность государства (управление или администрацию) по обеспечению прав граждан и выполнению публичных обязанностей, состоит из трех частей: объективное административное право, реализуемое в отношениях государства с индивидами с учетом их интересов; субъективное административное право, представленное внутренними административно-организацион-

ными отношениями; субъективное административное право участников, не наделенных властными полномочиями.

В последующем в советском административном праве такая структура административного права не получила развития. Однако сходную систему административного права, основываясь на Конституции РФ, предлагает А. И. Стахов³. Характеризуя административные правоотношения, он выделяет административно-публичные, административно-организационные отношения, а также взаимодействие физических лиц и организаций под контролем публичной администрации⁴.

Такая систематизация административного права в разные исторические периоды позволяет признать традиционным выделение административно-организационных отношений в качестве института системы административного права. А так как в административных правоотношениях реализуется административная деятельность государства, то следует говорить об административно-организационной деятельности органов публичной администрации.

Следует сказать, что, вступая в правоотношения, все субъекты так или иначе взаимодейст-

¹ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г., с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г.) // URL: <http://www.pravo.gov.ru>. 04.07.2020.

² Берендтс Э. Н. Опыт системы административного права. Ярославль : Типо-лит. Э. Г. Фальк, 1898. С. 2.

³ Стахов А. И. Публичная администрация и административно-публичная деятельность в Российской Федерации // Административное право и процесс. 2024. № 9. С. 9–18.

⁴ Стахов А. И., Кононов П. И. Административное право России : учебник для вузов. 5-е изд., перераб. и доп. М. : Юрайт, 2024. С. 83.

вуют друг с другом. Однако закрепление в нормативных актах положений о взаимодействии позволяет выделить его как правовую категорию.

Взаимодействие как совершаемое действие выступает управленческой и правовой категорией, обладающей определенными признаками. Так, Г. В. Атаманчук, рассматривая управленческую систему, в качестве одного из элементов организационной деятельности называет обеспечение взаимодействия⁵. Выделение автором статического и динамического аспектов взаимодействия позволяет сформировать юридические конструкции, реализуемые в последующем в нормативных правовых актах и правоприменении.

Статический аспект придает взаимодействию устойчивость, последовательность и определенность. Он выражается в организационной структуре системы публичной власти, а также внутренней структуре органов публичной администрации. Данный аспект проявляется в закреплении и распределении полномочий публичного характера. Конституционной основой такого взаимодействия являются статьи 71, 72, 73, 130 Конституции РФ.

Взаимодействие по распределению полномочий будет осуществляться как в рамках их

передачи, финансирования, так и в процессе их осуществления и контроля за эффективностью их выполнения. К сожалению, исследованное законодательство не позволяет выделить системный механизм взаимодействия по переданным полномочиям. Можно только увидеть для различных полномочий части такого механизма. Так, статья 3.1 Закона РФ от 14.05.1993 № 4979-1 (редакция от 08.08.2024) «О ветеринарии» закрепляет переданные с федерального на региональный уровень полномочия⁶. В рамках переданных полномочий Министерство сельского хозяйства РФ согласовывает структуру органа исполнительной власти субъекта РФ⁷. Затем можно увидеть взаимодействие в рамках контроля за выполнением переданных полномочий⁸.

В области лесных отношений передача полномочий закреплена статьей 83 Лесного кодекса РФ⁹. На основании данной нормы разработали методику определения размера субвенций для субъектов РФ¹⁰ (затем субвенции предоставляются¹¹), закрепили порядок проведения экспертизы ненормативных правовых актов, принимаемых в рамках переданных полномочий¹², а также правила их отмены¹³. Кроме того, предполагается контроль эффективно-

⁵ Атаманчук Г. В. Теория государственного управления : учебник. М. : Омега-Л, 2010. С. 26.

⁶ СЗ РФ. 1993. № 24. Ст. 857 ; 2024. № 1 (ч. I). Ст. 61.

⁷ Приказ Минсельхоза России от 18.01.2011 № 12 «О порядке согласования структуры органа исполнительной власти субъекта Российской Федерации, осуществляющего переданные полномочия в области ветеринарии» // Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. 2011. № 10.

⁸ Приказ Минсельхоза России от 04.06.2020 № 306 (ред. от 19.04.2022) «Об утверждении Порядка осуществления контроля за эффективностью и качеством осуществления органами государственной власти субъектов Российской Федерации переданных им для осуществления полномочий Российской Федерации в области ветеринарии» // URL: <http://www.pravo.gov.ru>. 14.09.2020.

⁹ Лесной кодекс Российской Федерации от 04.12.2006 № 200-ФЗ // СЗ РФ. 2006. № 50. Ст. 5278.

¹⁰ Постановление Правительства РФ от 25.11.2021 № 2046 (ред. от 28.03.2024) «Об утверждении методики распределения между субъектами Российской Федерации субвенций из федерального бюджета для осуществления отдельных полномочий Российской Федерации в области лесных отношений, реализация которых передана органам государственной власти субъектов Российской Федерации, и о признании утратившими силу некоторых решений Правительства Российской Федерации» // URL: <http://www.pravo.gov.ru>. 30.11.2021.

¹¹ Постановление Правительства РФ от 10.06.2023 № 963 (ред. от 08.07.2024) «Об утверждении Правил определения общего объема субвенций, предоставляемых из федерального бюджета бюджетам субъектов Российской Федерации для осуществления полномочий Российской Федерации в области лесных отношений, переданных в соответствии с частью 1 статьи 83 Лесного кодекса Российской Федерации, и о признании утратившим силу постановления Правительства РФ от 11 сентября 2020 г. № 1404» // СЗ РФ. 2023. № 25. Ст. 4585.

¹² Приказ Минприроды России от 22.11.2016 № 613 «Об утверждении Порядка проведения экспертизы ненормативных правовых актов органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации, осуществляющих переданные полномочия Российской Федерации в области лесных отношений» // URL: <http://www.pravo.gov.ru>. 04.04.2017.

сти выполнения полномочий¹⁴. При анализе можно увидеть нестыковки в датах принятия (отсутствует последовательность при передаче и выполнении переданных полномочий).

Передача полномочий может быть не только в части предметов ведения, но и в части функций. Например, передача функций управления территориями. Такая передача полномочий осуществляется путем заключения соглашений¹⁵.

Динамический аспект связан с реальным взаимодействием. Содержательно здесь взаимодействие выступает как функция, позволяющая получить итоговый результат. Основы структурного и функционального взаимодействия заложены в Конституции РФ. Так, в соответствии со ст. 80 Президент РФ «обеспечивает согласованное функционирование и взаимодействие органов, входящих в единую систему публичной власти». Кроме того, часть 3 ст. 132 Конституции РФ, определяя структуру единой публичной власти, состоящей из органов местного самоуправления и органов государственной власти, закрепляет их взаимодействие. Устанавливается и цель такого взаимодействия — наиболее эффективное решение задач в интересах местного населения.

И если Конституция РФ закрепляет за Президентом РФ обеспечение взаимодействия, то осуществляет взаимодействие органов публичной администрации Правительство РФ (п. 2 ч. 1 ст. 13 Федерального конституционного закона от 06.11.2020 № 4-ФКЗ «О Правительстве Российской Федерации»)¹⁶.

Дальнейшее нормативно-правовое регулирование функционального аспекта административно-организационного взаимодейст-

вия осуществляется в Федеральном законе от 21.12.2021 № 414-ФЗ (ред. от 08.08.2024) «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации»¹⁷. Так, согласно ч. 4 ст. 1 Закона порядок взаимодействия органов государственной власти субъектов РФ устанавливается законами и подзаконными актами. При этом взаимодействие органов федерального, регионального и муниципального уровней выступает принципом деятельности (п. 6 ч. 1 ст. 2 Закона). Необходимо сказать, что цель взаимодействия, закрепленная для регионального уровня, сформулирована иначе, чем в Конституции РФ.

Правовую основу организационного взаимодействия на федеральном уровне определяет постановление Правительства РФ от 19.01.2005 № 30 «О Типовом регламенте взаимодействия федеральных органов исполнительной власти». В соответствии с данным постановлением функция взаимодействия должна быть формально выражена путем принятия федеральными органами исполнительной власти регламентов ее осуществления. Для отдельных видов взаимодействия разработаны правила заключения соглашения о взаимодействии.

Можно выделить следующие признаки взаимодействия:

- регулируется нормами административно-го и административно-процессуального права;
- количество участвующих субъектов не менее двух;
- субъектами выступают органы публичной администрации и организации, осуществляющие публичные функции;
- это направленное действие;

¹³ Постановление Правительства РФ от 29.06.2011 № 524 (ред. от 11.11.2015) «Об утверждении Правил отмены правовых актов органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации, осуществляющих переданные полномочия Российской Федерации в области лесных отношений» // СЗ РФ. 2011. № 28. Ст. 4217.

¹⁴ Постановление Правительства РФ от 12.11.2016 № 1158 «Об утверждении Положения об осуществлении контроля за достоверностью сведений о санитарном и лесопатологическом состоянии лесов и обоснованностью мероприятий, предусмотренных актами лесопатологических обследований, утвержденными уполномоченными органами государственной власти субъектов Российской Федерации, осуществляющими переданные им полномочия Российской Федерации в области лесных отношений» // СЗ РФ. 2016. № 47. Ст. 6642 ; постановление Правительства РФ от 18.07.2024 № 981 «Об утверждении критериев оценки эффективности деятельности органов государственной власти субъектов Российской Федерации по осуществлению переданных полномочий Российской Федерации в области лесных отношений» // СЗ РФ. 2024. № 30. Ст. 4387.

¹⁵ Постановление Правительства РФ от 01.08.2023 № 1250 «Об утверждении Правил заключения соглашения о передаче полномочий по управлению рекреационной деятельностью национального парка» // СЗ РФ. 2023. № 32 (ч. II). Ст. 6371.

¹⁶ СЗ РФ. 2020. № 45. Ст. 7061.

¹⁷ СЗ РФ. 2021. № 52 (ч. I). Ст. 8973.

— воздействие осуществляется субъектами совместно;

— результатом деятельности являются взаимные изменения, которые недостижимы при самостоятельном одностороннем действии.

Классифицировать административно-организационное взаимодействие можно по различным признакам. Так, по признаку подчиненности выделяется взаимодействие:

— в структуре конкретного органа публичной администрации;

— органа исполнительной власти со своими структурными подразделениями и подведомственными организациями (взаимодействие с подчиненными субъектами);

— органов и организаций, выполняющих публичные функции (взаимодействие с неподчиненными субъектами, которое может быть как вертикальным, так и горизонтальным).

По отношению к единой системе органов публичной администрации взаимодействие может осуществляться следующим образом:

1) между органами публичной власти:

а) на одном уровне власти. Такое взаимодействие направлено на предоставление одним органом сведений другому органу, выполнение и реализацию полномочий и др. Функция может быть закреплена как на федеральном уровне, так и на региональном, например порядок взаимодействия органов исполнительной власти г. Москвы при осуществлении комплексного развития незастроенных территорий города;

б) на разных уровнях власти. Например, взаимодействие органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации и территориальных органов федеральных органов исполнительной власти. При осуществлении земельного контроля регламентируется взаимодействие органов государственного и муниципального земельного контроля. В теоретических исследованиях отраслевого характера также затрагиваются проблемы взаимодействия органов публичной администрации, например, Г. И. Калинин рассматривал данную функцию, анализируя государственное управление в сфере ветеринарии;

2) межорганизационное взаимодействие — согласованные действия органов публичной власти и организаций, выполняющих публичные функции. Так, страховые организации, банки, иные участники рынка финансовых услуг, являющиеся юридическими лицами, в рамках такого взаимодействия обязаны предоставлять информацию Федеральной налоговой

службе о клиентах — иностранных организациях, запросах от иностранных налоговых органов. При осуществлении отдельных публичных полномочий регламентируется взаимодействие Российской академии наук и Министерства науки и высшего образования РФ. Можно также увидеть примеры правового регулирования взаимодействия в отношениях между организациями: так, Федеральный фонд данных дистанционного зондирования Земли из космоса взаимодействует с другими государственными фондами в рамках передачи копий данных и информации о данных и копиях данных;

3) смешанное взаимодействие — согласованные действия органа публичной власти с широким кругом субъектов. Например, взаимодействие органов МВД России с органами публичной власти и организациями при выявлении фактов несоблюдения гражданином Российской Федерации, который считается не имеющим гражданства Украины, обязанности не совершать действий, связанных с реализацией прав и исполнением обязанностей, предусмотренных для граждан Украины, либо поступления информации об этом факте.

В зависимости от видов деятельности взаимодействие можно разделить на следующие виды:

1) информационное — представляет собой согласованные действия по обмену информацией. В нормативных правовых актах можно увидеть информационное взаимодействие органов при выполнении административно-публичных функций. Так, для ведения государственного лесного реестра осуществляется взаимодействие Федеральной службы государственной регистрации, кадастра и картографии, Федерального агентства лесного хозяйства, а также таможенных органов.

Следует учесть, что информационное взаимодействие предусматривает разные процессуальные процедуры. Часть процедур предполагает инициативный запрос и порядок ответа на него; другая часть, основанная на выполнении организациями обязанностей по предоставлению информации, устанавливает сроки, содержание и форму предоставления полученной информации в органы публичной администрации;

2) информационно-технологическое — связано с не столько с информацией, сколько со способами ее передачи, характером применяемых технологий. В подзаконных актах встречается взаимодействие на платформах, не выступающих субъектами права, — инфор-

мационных систем. При этом технологическое обеспечение такого взаимодействия, его заказчик и оператор, процедуры подключения регулируются постановлением Правительства РФ от 08.09.2010 № 697¹⁸. Взаимодействие между органами государственной власти, органами местного самоуправления, а также организациями осуществляется в рамках единой системы межведомственного электронного взаимодействия;

3) взаимодействие для организации централизованных закупок. Для федеральных органов исполнительной власти предусмотрен и такой вид взаимодействия, направленный на решение общих для всех органов вопросов;

4) взаимодействие при осуществлении оперативно-розыскной деятельности и обеспечении безопасности. Основой такого взаимодействия являются Федеральный закон от 12.08.1995 № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» и нормативные правовые акты о безопасности. Так, предоставление технических средств для осуществления оперативно-розыскной деятельности по характеру является еще и информационным и информационно-технологическим взаимодействием. В целях оповещения населения о возникающих опасностях регламентируется взаимодействие органов публичной власти с операторами связи и редакциями средств массовой информации. Взаимодействие для проведения поиска и спасения терпящих или потерпевших бедствие воздушных судов, их пассажиров и экипажей, космонавтов, а также людей, терпящих или потерпевших бедствие на море, закрепляется для поисково-спасательных органов, органов федеральной исполнительной власти и государственной корпорации «Роскосмос»;

5) взаимодействие при осуществлении контроля (надзора). Такое взаимодействие регламентируется для органов контроля (надзора) между собой, а также с национальным органом по аккредитации.

С учетом того что взаимодействие связывает между собой органы и организации разных уровней, следует проанализировать нормативные правовые акты, в которых закрепляются правила поведения при взаимодействии. В зависимости от источников административно-правового регулирования нормы об организационном взаимодействии могут содержаться:

1) в правовых актах:

— на федеральном уровне: в указах Президента РФ, постановлениях Правительства РФ, приказах федеральных органов исполнительной власти (принятые одним органом или несколькими органами);

— на уровне субъектов РФ: в постановлениях и распоряжениях высшего исполнительного органа субъекта РФ, приказах иных исполнительных органов субъектов РФ;

2) в административно-правовых договорах — межведомственных соглашениях о взаимодействии. Такие соглашения заключаются федеральными органами исполнительной власти, субъектами РФ и органами местного самоуправления как по вертикали, так и по горизонтали. Например, Соглашение о сотрудничестве и взаимодействии между Контрольно-счетной палатой Московской области и Контрольно-счетной палатой городского округа Люберцы Московской области¹⁹ от 26.11.2018.

Рассмотрение административно-организационного взаимодействия невозможно без характеристики и анализа правовых форм, выражающих его как правовую категорию. По мнению А. И. Стахова, административно-организационные формы деятельности органов публичной администрации представлены адресно-правовыми действиями органов исполнительной власти и органов местного самоуправления, их должностных лиц по обеспечению внутренней организации данных органов, а также их взаимодействием с иными органами публичной власти²⁰. То есть взаимодействие представляет собой самостоятельную форму наряду с действиями и решениями.

На наш взгляд, деятельность органов публичной администрации может осуществляться органом самостоятельно и совместно с другими органами. В свою очередь, совместные действия юридически выражены во взаимодействии, а также в его вариантах: содействии и согласовании.

При анализе административно-правовых актов, закрепляющих организационное взаимодействие, встает вопрос о принадлежности данных форм к материальным или процессуальным, так как, на первый взгляд, правовые акты, устанавливающие порядок взаимодействия, следует рассматривать как процессуаль-

¹⁸ СЗ РФ. 2010. № 38. Ст. 4823.

¹⁹ URL: https://ksplub.ru/sites/default/files/soglashenie_s_ksp_mo_-2.pdf.

²⁰ Стахов А. И., Кононов П. И. Указ. соч. С. 330.

ные акты. Однако следует учитывать, что сегодня в теории процесса в отношении форм уже устоялись определенные точки зрения. Так, с учетом сложившейся теории процессуальных форм можно выделить следующие их признаки: многократная повторяемость юридических действий; установленная последовательность действий, которая направлена на получение конкретного результата; ограниченность во времени; закрепленность в правовом акте²¹. И в теории административного процесса А. И. Стахов, дифференцируя его на судебный и внесудебный, указывает следующие признаки форм внесудебной процессуальной деятельности: 1) комплекс взаимосвязанных и взаимообусловленных действий; 2) как правило, в них находят внешнее выражение административно-публичные функции органов публичной администрации, реализуемые во взаимодействии с иными участниками отношений; 3) результатом является принятие промежуточных или итоговых решений органов публичной администрации; 4) цель — разрешение внесудебного административного дела; 5) регулируются административным законодательством, включающим федеральное и региональное²².

Административно-организационное взаимодействие, являясь действием, не отвечает признакам процессуальных форм, и следует выделить его внепроцессуальный характер. Использование термина «внепроцессуальный» позволяет говорить о том, что взаимодействие нельзя отнести к процессуальным формам, а значит, его следует рассматривать как материальную форму. Это проявляется в отсутствии стадийности, а следовательно, отсутствии решений (промежуточных и итоговых), влекущих юридические последствия. Взаимодействие в общем невозможно рассматривать как комплекс действий, скорее как совокупность нескольких связанных простых действий либо как простое действие — в зависимости от формы его реализации.

Отдельным признаком является также отсутствие индивидуального дела, разрешение

которого для процесса обязательно. То есть в рамках взаимодействия не подлежит разрешению административное дело.

Следует говорить о том, что каждый орган единой системы публичной власти в пределах своей компетенции, осуществляя закрепленные за ним полномочия, для достижения целей должен действовать эффективно, используя оптимальные механизмы. В вопросах, где орган публичной власти не может достичь результата самостоятельно, необходимо привлечение других участников отношений для совершения совместных действий. То есть взаимодействие само по себе не является самостоятельным действием, оно обеспечивает достижение результата наиболее эффективным способом. Поэтому важен не сам формальный результат взаимодействия, а конкретные совместные действия.

В зависимости от отношений, в которых реализуется взаимодействие, можно говорить о специфике данной формы. Так, взаимодействие может обеспечивать внесудебный административный процесс в виде административного производства. Например, при реализации административно-санкционирующей функции осуществляется лицензирование производства и оборота этилового спирта. Для выдачи лицензии постановлением Правительства РФ от 09.02.2013 № 106 закрепляется взаимодействие с федеральными органами исполнительной власти в форме электронного межведомственного запроса на получение документов и сведений из них²³. Такое взаимодействие позволяет реализовать административно-публичные функции органов публичной администрации. В данном примере взаимодействие обеспечивает эффективное разрешение административного дела (о выдаче лицензии) по существу.

В другой ситуации оперативная деятельность органов публичной администрации внутри своей системы, направленная на решение внутриорганизационных задач, также будет основываться на взаимодействии. Однако ад-

²¹ См., например: Теория юридического процесса / под ред. В. М. Горшенева. Харьков, 1985. С. 74; Лукьянова Е. Г. Теория процессуального права. М.: Норма, 2003. С. 202; Чулюкин Л. Д., Гурьянова В. В., Исаев Э. Е. Проблемы процессуальной формы // Вестник экономики, права и социологии. 2022. № 2. С. 89.

²² Административное право: учебник и практикум для вузов / А. И. Стахов [и др.]; под ред. А. И. Стахова. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2024. С. 336.

²³ Постановление Правительства РФ от 09.02.2013 № 106 (ред. от 19.01.2024) «О представлении документов (сведений, содержащихся в них) в электронной форме для получения лицензий на производство и оборот этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции» // СЗ РФ. 2013. № 7. Ст. 651.

министративное дело здесь не формируется и не разрешается. Это позволяет говорить о том, что и взаимодействие используется не для разрешения органом публичной администрации конкретных юридико-фактических ситуаций.

В результате можно сказать, что взаимодействие является материальной (процедурной) формой, а не процессуальной. Можно выделить несколько процедур взаимодействия, закрепленных административным законодательством. Так, постановлением Правительства РФ от 12.08.2004 № 410 (ред. от 09.12.2022) «О порядке взаимодействия органов государственной власти субъектов Российской Федерации и органов местного самоуправления с территориальными органами федерального органа исполнительной власти, уполномоченного по контролю и надзору в области налогов и сборов» порядок закреплен в виде процедурных норм электронного обмена определенной в постановлении информацией²⁴.

Более детализирован порядок взаимодействия в рамках государственных закупок, для которого регламентируются права и обязанности участников и операторов, а также сроки совершаемых действий и принимаемых решений²⁵. Для решения не установлена обязательная письменная форма, однако о принятом решении участнику обязательно направляется уведомление.

Вариантом взаимодействия является запрос одного органа, подписанный соответствующим должностным лицом, и последующий ответ или исполнение (в виде действия)²⁶.

У ФАС России, Росимущества, Росприроднадзора и других органов исполнительной власти действуют приказы, регулирующие взаимодействие с уполномоченным по правам человека в субъекте РФ и порядок содействия ему. При этом содействие в данных актах не выделено в качестве конкретного действия. Совсем иначе выглядит содействие сотрудников ОВД приставам-исполнителям, в рамках которого на основании запросов сотрудники ОВД предоставляют сведения, совершают действия (принимают меры), информируют о принимаемых решениях²⁷.

Взаимодействие осуществляется и путем создания межведомственных комиссий. Такая форма предполагает правила создания такой комиссии, порядок проведения заседания и правила принятия решений. Результаты комиссии могут оформляться протоколом²⁸ или решением²⁹.

Анализ правовых форм взаимодействия позволяет сделать вывод об их материальном (внепроцессуальном) характере. Таким образом, представляется, что формой административно-организационного взаимодействия является деятельность (совместная), где правовой результат не имеет материального выражения.

В итоге можно сделать следующие выводы.

Во-первых, административно-организационное взаимодействие — это урегулированные нормами административного права совместные действия органов публичной администрации и организаций, выполняющих публичные функции, направленные на общий результат,

²⁴ СЗ РФ. 2004. № 33. Ст. 3497.

²⁵ Постановление Правительства РФ от 14.09.2019 № 1202 (ред. от 31.10.2022) «О порядке взаимодействия участника закупки и оператора электронной площадки, оператора специализированной электронной площадки» // СЗ РФ. 2019. № 38. Ст. 5315.

²⁶ Приказ Генпрокуратуры России № 405, министра обороны РФ № 484, Минпромторга России № 2193, ФАС России № 677/15 от 31.07.2015 «Об утверждении Положения о порядке взаимодействия в сфере оборонно-промышленного комплекса» (документ опубликован не был) // СПС «КонсультантПлюс».

²⁷ Приказ Минюста России № 178, МВД России № 565 от 29.08.2018 «Об утверждении Порядка оказания сотрудниками органов внутренних дел содействия судебным приставам-исполнителям в ходе исполнительного производства, в том числе при осуществлении розыска должника, его имущества или розыска ребенка, а также при розыске на основании судебного акта по гражданскому делу гражданина-ответчика» // URL: <http://www.pravo.gov.ru>. 10.09.2018.

²⁸ Указ Президента РФ от 08.02.2022 № 45 «О Межведомственной комиссии по вопросам формирования, сохранения и использования коллекций генетических ресурсов растений» // СЗ РФ. 2022. № 7. Ст. 945.

²⁹ Указ Президента РФ от 11.03.2024 № 177 «Об утверждении Положения о порядке принятия Межведомственной комиссией по защите государственной тайны решений об ограничении права на выезд из Российской Федерации лиц, замещавших должности, предусмотренные перечнем должностей, при замещении которых лица считаются допущенными к государственной тайне» // СЗ РФ. 2024. № 12. Ст. 1600.

который недостижим при самостоятельном одностороннем действии.

Во-вторых, взаимодействие не является самостоятельной функцией административной деятельности. Оно обеспечивает реализацию административно-публичных и административно-организационных функций, выступая системной, связующей функцией.

В-третьих, административно-организационное взаимодействие имеет статический и динамический аспекты.

В-четвертых, системным видом административно-организационного взаимодействия является взаимодействие по переданным полномочиям, которое не имеет целостного административно-правового регулирования.

В-пятых, административно-организационное взаимодействие можно классифицировать по

следующим признакам: по подчиненности, по отношению к единой системе органов публичной администрации, в зависимости от видов деятельности.

В-шестых, административно-организационное взаимодействие закрепляется подзаконными актами разного уровня и двух- и многосторонними соглашениями.

В-седьмых, правовой формой административно-организационного взаимодействия являются административно-процедурные совместные действия (взаимодействие). В отличие от процессуальных форм, к которым относятся действия и решения, взаимодействие представлено в форме действий. Последние являются внепроцессуальными формами, так как отсутствуют признаки процесса как формы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Атаманчук Г. В. Теория государственного управления : учебник. М. : Омега-Л, 2010.
- Берендтс Э. Н. Опыт системы административного права. Ярославль : Типо-лит. Э. Г. Фальк, 1898.
- Лукьянова Е. Г. Теория процессуального права. М. : Норма, 2003.
- Стахов А. И. Публичная администрация и административно-публичная деятельность в Российской Федерации // Административное право и процесс. 2024. № 9. С. 9–18.
- Стахов А. И., Кононов П. И. Административное право России : учебник для вузов. 5-е изд., перераб. и доп. М. : Юрайт, 2024.
- Теория юридического процесса / под ред. В. М. Горшенева. Харьков, 1985.
- Чулюкин Л. Д., Гурьянова В. В., Исаев Э. Е. Проблемы процессуальной формы // Вестник экономики, права и социологии. 2022. № 2.

REFERENCES

- Atamanchuk GV. Theory of Public Administration. Moscow: Omega-L Publ.; 2010. (In Russ.).
- Berendts EN. Experience of the Administrative Law System. Yaroslavl: Typo-lithography. E.G. Falk Publ.; 1898. (In Russ.).
- Chulyukin LD, Guryanova VV, Isaev EE. Problems of the legal process form. *Vestnik ekonomiki, prava i sotsiologii*. 2022;2:87-92. (In Russ.).
- Gorshenev VM (ed.). The Theory of Legal Procedure. Kharkiv; 1985. (In Russ.).
- Lukyanova EG. Theory of Procedural Law. Moscow: Norma Publ.; 2003. (In Russ.).
- Stakhov AI. Public administration and administrative and public activities in the Russian Federation. *Administrative Law and Procedure*. 2024;9:9-18. (In Russ.).
- Stakhov AI, Kononov PI. Administrative Law of Russia. 5th ed. Moscow: Yurait Publ.; 2024. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Калинина Лариса Евгеньевна, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры административного и таможенного права Российской таможенной академии
д. 4, Комсомольский пр., г. Люберцы 140009, Российская Федерация
klari2008@rambler.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Larisa E. Kalinina, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Department of Administrative and Customs Law, Russian Customs Academy, Lubertsy, Russian Federation
klari2008@rambler.ru

Материал поступил в редакцию 7 ноября 2024 г.

Статья получена после рецензирования 24 ноября 2024 г.

Принята к печати 15 июля 2025 г.

Received 07.11.2024.

Revised 24.11.2024.

Accepted 15.07.2025.

DOI: 10.17803/1729-5920.2025.225.8.072-083

Н. С. КоневаЮжно-Уральский государственный университет
(национальный исследовательский университет)
г. Челябинск, Российская Федерация

Участие государства в развитии кампусов международного уровня: модели взаимодействия публичной власти и академического сообщества в инновационной образовательной среде

Резюме. Статья посвящена анализу нормативно-правовых и институциональных особенностей публично-правового участия государства в развитии кампусов международного уровня в Российской Федерации. В фокусе исследования — дихотомия между императивами обеспечения национальной безопасности, включая механизмы контроля за обменом информацией и технологиями, и необходимостью поддержания академической свободы как основополагающего принципа, гарантирующего свободу научных исследований и международную академическую мобильность. Публичная власть сталкивается с задачей нахождения этого баланса через сочетание законодательных, административных и институциональных мер, которые стимулируют развитие науки и образования, но при этом в целях защиты национальных интересов ограничивают определенные аспекты академической автономии университетов. В статье представлен анализ концептуальных основ создания межвузовских кампусов международного уровня в России с акцентом на противоречия между обозначенными задачами. Эмпирическая база исследования формируется посредством анализа действующего законодательства РФ, изучения практики участия государства как публично-властного субъекта в реализации моделей кампусов. В работе исследуется понятие кампуса как объекта публично-правового регулирования, анализируется нормативная база и выявляются критерии эффективного государственного участия как публично-властного субъекта, воплощающего в рамках кампуса национальные приоритеты в образовании и науке. Рассматриваются модели взаимодействия государства, бизнеса и университетов, такие как «тройная спираль», «пентаспираль» и «треугольник знаний», преимущества и недостатки каждой из них. Анализируются тенденции публично-властного участия государства в реализуемых кампусах, включая законодательное регулирование, государственно-частное партнерство и развитие региональных кампусов.

Ключевые слова: межвузовский кампус; публично-правовое участие; академическая свобода; академическая автономия; национальная безопасность; высшее образование; публичная власть; публичный интерес; конституционное регулирование; национальный приоритет

Для цитирования: Конева Н. С. Участие государства в развитии кампусов международного уровня: модели взаимодействия публичной власти и академического сообщества в инновационной образовательной среде. *Lex russica*. 2025. Т. 78. № 8. С. 72–83. DOI: 10.17803/1729-5920.2025.225.8.072-083

Благодарности. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-28-20273, <https://rscf.ru/project/24-28-20273/> «Организационно-правовая модель социальной и научно-образовательной инклюзии на базе современных кампусов научной кооперации организаций Челябинской области с использованием новой региональной инфраструктуры научно-образовательной среды (кампуса международного уровня)».

The Role of the State in the Development of International Campuses: Models of Interaction between Public Authorities and the Academic Community in an Innovative Educational Environment

Natalia S. Koneva

South Ural State University
(National Research University)
Chelyabinsk, Russian Federation

Abstract. The paper provides for the analysis of regulatory and institutional features of public law participation of the State in the model of international campuses in the Russian Federation. The study focuses on the dichotomy between the imperatives of ensuring national security, including mechanisms for monitoring the exchange of information and technology, and the need to maintain academic freedom as a fundamental principle that guarantees freedom of scientific research and international academic mobility. Public power faces the challenge of finding this balance through a combination of legislative, administrative and institutional measures that stimulate the development of science and education, but at the same time limit certain aspects of academic autonomy of universities in order to protect national interests. The paper presents an analysis of the conceptual foundations of the creation of international university campuses in Russia with an emphasis on the contradictions between the designated tasks. The empirical basis of the study is formed through the analysis of the current legislation of the Russian Federation, and examination of the practice of state participation as a public authority in the implementation of the campus model. The author elucidates the concept of campus as an object of public law regulation, analyzes the regulatory framework and identifies criteria for effective state participation as a public authority that implements national priorities in education and science in the campus. The paper explains such models of interaction between the State, business and universities as the «triple spiral», «pentaspiral» and «the knowledge triangle», the advantages and disadvantages of each of them. The paper provides for trends in public-power participation of the State in implemented campuses, including legislative regulation, public-private partnerships and the development of regional campuses.

Keywords: an inter-university campus; public law participation; academic freedom; academic autonomy; national security; higher education; public power; public interest; constitutional regulation; national priority

Cite as: Koneva NS. The Role of the State in the Development of International Campuses: Models of Interaction between Public Authorities and the Academic Community in an Innovative Educational Environment. *Lex russica*. 2025;78(8):72-83. (In Russ.). DOI: 10.17803/1729-5920.2025.225.8.072-083

Acknowledgements. The study was carried out at the expense of the grant No. 24-28-20273 from the Russian Science Foundation, <https://rscf.ru/project/24-28-20273/> «Organizational and legal model of social and scientific-educational inclusion on the basis of modern campuses of scientific cooperation of organizations of the Chelyabinsk region using the new regional infrastructure of the scientific and educational environment (international campus)».

Введение

Актуальность исследования вопросов публично-правового участия государства в реализации моделей междууниверситетских кампусов обусловлена необходимостью модернизации системы высшего образования, развития науки и технологий и повышения конкурентоспособности российских исследований — достижение этих стратегических задач невозможно без эффективного участия государства в реализации проектов междууниверситетских кампусов.

Сегодня создание кампусов международного уровня в России — важный элемент государственной политики, направленной на развитие

образования, науки и инноваций и интеграцию в глобальное образовательное пространство. Проекты междууниверситетских кампусов, реализуемые в рамках и в общей логике национальных стратегий, поставили перед государством двуединую задачу: с одной стороны, обеспечение национальной безопасности и национальных интересов в сфере науки, образования и инноваций, а с другой — поддержание академической свободы, необходимой для полноценного функционирования научных и образовательных учреждений, миссия которых как ключевого субъекта социально-экономического и культурного развития предполагает сегодня всё более широкое общественное воздействие,

ориентированное на национальные интересы, социальную эффективность и внедрение определенной системы духовно-нравственных ценностей. Реализация таких проектов сопряжена с рядом правовых, организационных и этических вызовов, и государство, выступая в роли ключевого актора в этой сфере, ищет оптимальный баланс между необходимостью привлечения инвестиций, иностранных научных кадров, защитой национальных интересов и выполнением своих публично-властных функций.

Для целей исследования проанализированы: Студенческий кампус мирового уровня «Арктическая звезда» (г. Архангельск, Архангельская область); Современный университетский кампус особой экономической зоны «Новгородская» (г. Великий Новгород, Новгородская область); Современный межвузовский многофункциональный студенческий кампус «Будущее Пармы» (г. Пермь, Пермская область); Международный межвузовский кампус IT-направления (г. Самара); Научно-технологический кампус «Сириус» (пгт Сириус, Краснодарский край); Современный межвузовский кампус (г. Томск, Томская область); Межуниверситетский кампус мирового уровня Челябинской области (г. Челябинск, Челябинская область); Кампус УРФУ — Центр цифровой трансформации (г. Екатеринбург, Свердловская область).

Кампус международного уровня: концепция и цели

Кампус международного уровня представляет собой образовательно-научный комплекс, консолидирующий передовые научные исследования, инновационные технологические решения и разветвленную сеть международного сотрудничества. Основная цель создания кампусов — привлечение мотивированных обучающихся и квалифицированных научно-педагогических работников из глобальной научно-образовательной среды, что, в свою очередь, призвано повысить конкурентоспособность национальной системы образования в контексте глобальной академической мобильности и международного научного обмена.

Легальное определение понятия «кампус» было закреплено в постановлении Правительства РФ от 28.07.2021 № 1268 (в ред. от 16.11.2024) «О реализации проекта по созданию

инновационной образовательной среды (кампусов) с применением механизма концессионных соглашений в рамках федерального проекта «Создание сети современных кампусов» национального проекта «Молодежь и дети»»¹.

Изначально кампус определялся как «планируемый к созданию (строительству) и (или) реконструкции и последующему использованию (эксплуатации) в рамках исполнения соглашения комплекс зданий, плоскостных сооружений для обучающихся, научно-педагогических работников, научных работников и иных категорий сотрудников образовательных организаций высшего образования и научных организаций для их проживания или размещения, самостоятельной работы, досуга и занятий спортом, который может включать в том числе объекты образования, культуры, спорта, объекты, используемые для организации отдыха граждан и туризма, иные объекты социального обслуживания населения». В редакции постановления от 26.07.2023 кампус определяется как «совокупность функционально связанных объектов недвижимого имущества и движимого имущества, технологически связанного с таким недвижимым имуществом и предназначенного для его эксплуатации, объединенных единым назначением по комплексному обеспечению образовательной, инновационной, научной, научно-технической деятельности, предназначенных в том числе для проживания и (или) размещения, медицинского обеспечения, отдыха и туризма, занятий физической культурой и спортом, организации питания, культурной деятельности, удовлетворения иных потребностей обучающихся, педагогических, научных и других работников образовательных организаций высшего образования и (или) научных организаций».

Приведенные определения отличаются сферой применения, целями использования, структурой и составом объектов, а также подходом к эксплуатации объектов. И если изначально определение кампуса было ориентировано на планирование, создание и реконструкцию объектов в рамках соглашения, включая здания, плоскостные сооружения, объекты образования, культуры, спорта, отдыха и туризма, а также другие объекты социального обслуживания, то определение, введенное в оборот в редакции постановления от 26.07.2023, охватывает уже существующие объекты недви-

¹ СЗ РФ. 2021. № 32. Ст. 6008.

жимости и движимого имущества, технологически связанные с недвижимостью и предназначенные для ее эксплуатации, с акцентом на комплексное обеспечение образовательной, инновационной, научной и научно-технической деятельности. Таким образом, смысл изменений заключается в более четком определении целей и состава кампуса, а также в акцентировании внимания на планировании и развитии в рамках конкретных соглашений, что может быть вызвано желанием создать более функциональный и разнообразный кампус, удовлетворяющий современным потребностям обучающихся и сотрудников образовательных и научных организаций.

Как объект публично-правового регулирования кампус — это уникальная образовательная и научная инфраструктура, объединяющая ресурсы нескольких вузов. В России такие проекты активно развиваются в рамках национальных инициатив, таких как программа «Приоритет-2030» и создание научно-образовательных центров (НОЦ). При этом автономия университетов, закрепленная в Федеральном законе от 29.12.2012 № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации»², предполагает самостоятельность в принятии решений по вопросам образовательной, научной и финансовой деятельности, что в условиях междууниверситетского кампуса приводит к необходимости координировать действия участников и предопределяет важную роль государства как регулятора в этом процессе.

Реализация концепции кампусов международного уровня в Российской Федерации обусловлена стратегической необходимостью повышения глобальной конкурентоспособности национальной системы образования и науки. С точки зрения публичных интересов целеполагание таких проектов включает: 1) привлечение высококвалифицированных кадров из числа как российских, так и иностранных

обучающихся; 2) стимулирование формирования региональных инновационных кластеров посредством развития образовательной инфраструктуры; 3) содействие технологическому и научно-техническому прогрессу в стране. Проекты кампусов предусматривают также строительство современных жилых комплексов, лабораторий, технопарков и образовательных пространств, что потенциально делает их ключевыми элементами пространственного развития территорий регионов³.

Концептуальные основы участия государства в реализации междууниверситетских кампусов

В качестве концептуальной основы реализации междууниверситетских кампусов могут быть названы модели «тройная спираль», «пента-спираль» и «треугольник знаний», каждая из которых предоставляет определенные институциональные, организационные и функциональные преимущества реализации совместных проектов государства и университетов в развитии науки и поддержании инноваций.

Модель «тройная спираль» (triple helix) представляет собой взаимодействие между тремя основными институтами — государством, бизнесом и университетами, — каждый из которых принимает на себя дополнительные функции, не характерные для него, а более традиционные (характерные) для других участников, что в итоге способствует инновационному развитию⁴. Такая модель предполагает сотрудничество между различными секторами экономики и государства и усиливает инновационный потенциал за счет синергии науки, бизнеса и государства⁵. Эффективно выстроенное взаимодействие между участниками снижает неопределенность и экономические издержки, обеспечивая различные виды внешней экономики⁶, как следствие — повышает адаптивность к изменениям

² СЗ РФ. 2012. № 53 (ч. 1). Ст. 7598.

³ Университетские кампусы и город: кооперация ради конкурентоспособности / Н. А. Трунова, В. С. Бочарова, Т. И. Караваева [и др.] // URL: <https://www.csr.ru/upload/iblock/3f0/kbpm276p3tau6knlzdia3d6ozz0fve0e.pdf>.

⁴ Никитская Е. Ф. Роль вузов в системной интеграции инновационного развития России // *Фундаментальные исследования*. 2014. № 9–12. С. 2747.

⁵ Смородинская Н. Тройная спираль как новая матрица экономических систем // *Инновации*. 2011. № 4. С. 66–67.

⁶ Бондаренко Н. Е., Дубовик М. В., Губарев Р. В. «Тройная спираль» как основа создания инновационных систем // *Вестник РЭА имени Г.В. Плеханова*. 2018. № 2 (98). С. 4.

внешней среды, а это важно в условиях быстрого технологического прогресса⁷. Достаточно часто модель тройной спирали используется для формирования региональных кластеров и генерирования инноваций, что ускоряет экономический рост регионов. Однако данная модель требует и весьма существенных ресурсов для поддержания взаимодействия между институтами⁸; ее может быть достаточно сложно реализовать из-за существенных различий в интересах и целях участников⁹; кроме того, для успешной реализации модели, как правило, требуется создание гибридных институциональных форм¹⁰.

Модель «пентаспираль», по сути, расширяет модель triple helix путем включения в нее более широкого круга участников: помимо государства, бизнеса, университетов в механизм взаимодействия включены институты гражданского общества. Она тоже направлена на комплексное управление инновационной деятельностью, учитывая взаимодействие всех участников национальной инновационной системы. Но, по сравнению с традиционной «тройной спиралью», эта модель за счет более широкого круга участников потенциально позволяет сделать подход к инновациям комплексным. При этом и она требует значительных ресурсов для поддержания взаимодействия между различными институтами, включая институты гражданского общества, которые, как правило, не отличаются (и не должны отличаться) той же степенью институционализации, что институты государства, академического и научного сообщества.

Еще одна традиционная модель взаимодействия государства, бизнеса и университетов, обозначаемая как **«треугольник знаний»**, акцентирует внимание на формировании интегративных связей и взаимозависимостей между сферой образования, фундаментальными и прикладными научными исследованиями, а также инновационной деятельностью, рассматривая последние в качестве имманентной основы и катализатора поступательного инновационного развития университетских комплексов¹¹. Эта модель делает упор на значимость образования для инноваций, она ориентиро-

вана в первую очередь на внутренние ресурсы университетов и академических сообществ. Вместе с тем и ее применение сопряжено с определенными рисками, в числе которых ограниченность университетской, академической средой, возможное игнорирование влияния внешней среды (бизнеса, запросов потенциальных заказчиков, работодателей, реального сектора экономики), недостаточная оценка роли государства и бизнеса в инновационном развитии — всё это может существенно снижать эффективность модели.

Национальная безопасность как государственный приоритет при реализации межуниверситетских кампусов

В первом приближении, если рассматривать междууниверситетские кампусы как сложные проекты, объединяющие акторов с разнонаправленными интересами, основной задачей выступает выбор (из названных выше) оптимальной модели участия всех субъектов (государства и университетов) в реализации кампуса. Однако специфика публично-властных функций государства — как на уровне федеральном, так и на уровне субъектов Федерации — ставит вопрос более широко: речь идет о поиске такой модели, которая обеспечит баланс между национальными интересами и сохранением академической свободы университетов и научного (академического) сообщества.

Постановка вопроса о необходимости поиска такого баланса подтверждает тезис о том, что реализация кампусов не может ограничиться образовательной функцией, а со стороны государства — финансированием из федерального бюджета, созданием и регулированием механизма привлечения внебюджетных источников. Стратегическая значимость кампусов явно выходит за эти рамки, кампусы рассматриваются публичной властью как инструменты обеспечения национальной безопасности и национальных интересов, а это, в свою очередь, требует внимания, в том числе и к таким аспектам, как

⁷ Смородинская Н. Указ. соч. С. 67.

⁸ Кириллова Е. А., Дли М. И., Какатунова Т. В., Епифанов В. А. Трансформация модели тройной спирали в условиях формирования инновационных экосистем в промышленности // Дискуссия. Discussion. Journal of Scientific Publications on Economic. 2022. № 110 (1). С. 18.

⁹ Бондаренко Н. Е., Дубовик М. В., Губарев Р. В. Указ. соч. С. 6.

¹⁰ Бондаренко Н. Е., Дубовик М. В., Губарев Р. В. Указ. соч. С. 6.

¹¹ Никитская Е. Ф. Указ. соч. С. 2747.

защита интеллектуальной собственности, предотвращение утечки данных, контроль над международным сотрудничеством в научной сфере.

С. В. Кабышев отмечает: научно-технологическое развитие является безусловным приоритетом, а его задачи, имеющие социально ориентированный характер, должны решаться в системной взаимосвязи с реализацией социально-экономического и пространственно-территориального развития¹². Вместе с тем инновационно ориентированный, предполагающий активное стимулирование и ускоренное внедрение изобретений экономический рост не может рассматриваться только с позиции повышения благосостояния, а должен быть непременно направлен на создание предпосылок для эффективного освоения, обустройства и удержания территории как пространственной и материальной основы полновластия российского многонационального народа, достойной жизни и свободного развития человека¹³.

При создании междуниверситетских кампусов международного уровня неизбежно возникает противоречие: как сохранить открытость образовательной среды для международного сотрудничества, одновременно защищая национальные интересы? Обзор научных работ и практики реализации моделей междуниверситетских кампусов в России позволяет выявить основные сферы, где такие противоречия потенциально могут возникнуть. Во-первых, это контроль над иностранным участием, поскольку привлечение зарубежных студентов и преподавателей может быть ограничено из-за рисков утечки информации или угрозы национальной безопасности. Второе — это законодательные ограничения на исследования в определенных областях, которые могут потенциально препятствовать развитию науки. И третье — формирование «финансовой зависимости», поскольку участие государства в финансировании кампусов усиливает его влияние на университеты, что может ограничивать их автономию¹⁴.

При анализе реализуемых сегодня в России кампусов можно выявить несколько тенденций, определяющих особенности публично-властного участия государства в этих проектах:

— законодательное регулирование через установление стандартов образовательной среды для кампусов с учетом как требования национальной безопасности, так и создания необходимых условий для инновационного развития¹⁵;

— реализация модели государственно-частного партнерства, позволяющего привлекать частные инвестиции к развитию кампусов при одновременном сохранении государственного контроля над стратегическими аспектами функционирования кампусов;

— а также масштабное развитие региональных кампусов, что в перспективе должно способствовать децентрализации науки и образования, снижать риски концентрации критически важных исследований в одном университете (кампусе) и повышать устойчивость системы¹⁶.

Модели публично-правового участия государства в науке и инновациях при реализации концепции междуниверситетских кампусов: преимущества и недостатки

При анализе потенциальных моделей участия государства в реализации концепции междуниверситетских кампусов можно выявить в каждой из них ряд преимуществ и недостатков, учет которых позволяет не только более эффективно подойти к выбору конкретной модели, но и учесть необходимость выполнения государством публичных функций в сфере науки и инноваций в процессе реализации концепции междуниверситетского кампуса. Эти функции могут быть обозначены как формирование единой образовательной среды, а также развитие научного потенциала регионов: междуниверситетские кампусы создаются как площадки

¹² Кабышев С. В. Наукограды Российской Федерации в механизме реализации государственной научно-технической политики: конституционно-правовые аспекты // Журнал российского права. 2023. № 9. С. 16.

¹³ Кабышев С. В. Указ. соч. С. 16.

¹⁴ Университетские кампусы и город: кооперация ради конкурентоспособности / Н. А. Трунова, В. С. Бочарова, Т. И. Караваева [и др.].

¹⁵ В первом полугодии 2024 г. должны быть построены 19 объектов кампусов мирового уровня в пяти российских городах // URL: <https://www.minobrnauki.gov.ru/press-center/news/novosti-ministerstva/75193/>.

¹⁶ В первом полугодии 2024 г. должны быть построены 19 объектов кампусов мирового уровня в пяти российских городах.

для научных исследований и технологического предпринимательства, что помогает удерживать талантливую молодежь и привлекать новых студентов. Осуществление этих публичных функций предопределяет, что в фокусе внимания государства при выборе и в процессе реализации модели междуниверситетских кампусов будут находиться: многофункциональность (как правило, кампусы проектируются как многофункциональные пространства, которые включают не только учебные аудитории и лаборатории, но и жилые помещения, спортивные комплексы и зоны для отдыха); учет потребностей региона, местных образовательных и академических традиций; интеграция в городскую среду; научно-технологическое развитие.

Основные возможные модели участия государства:

1. *Прямое государственное финансирование и регулирование.* Эта модель позволяет обеспечить стабильность и масштабность проектов, создать четкие строгие правила для участников, что особенно важно для фундаментальных долгосрочных проектов. В ряде исследований доказано, что стабильность связей в рамках государственного финансирования влияет на инновационную производительность: стабильные связи, поддерживаемые государственным финансированием, способствуют долгосрочным исследованиям и снижают неопределенность для участников¹⁷. Так, исследуя, как государственное финансирование может обеспечить стабильность и масштабность проектов, особенно в области фундаментальных исследований, авторы подчеркивают, что четкие правила, установленные государством, в состоянии стимулировать инвестиции и снизить неопределенность ожиданий¹⁸. В то же время очевидно, что чрезмерное правовое

регулирование и администрирование способно значительно ограничивать адаптивность и гибкость инновационных проектов, а зависимость от прямого государственного финансирования делает научные исследовательские проекты уязвимыми при изменении в направлениях и приоритетах государственной политики¹⁹.

2. *Модель государственно-частного партнерства.* Государственно-частное партнерство является одной из наиболее востребованных форм участия государства как публично-правового партнера в развитии образования и науки наряду с такими формами, как концессионные соглашения, институциональные модели партнерства, в рамках которых формируются совместные предприятия или кластеры, объединяющие университеты, компании и государственные структуры²⁰; программно-проектные формы партнерства (совместное финансирование программ профессиональной подготовки, переподготовки кадров или реализации научных проектов); экосистемные партнерства (альянсы вузов, компаний и государственных структур²¹).

Государственно-частное партнерство позволяет объединить ресурсы государства и частного сектора, повышая эффективность и результативность проектов, снижает нагрузку на государственный бюджет за счет использования частных инвестиций и имеет своей целью развитие на договорной основе имущественного комплекса, принадлежащего государству²². При этом такая модель требует разработки и применения сложных договорных и управленческих механизмов, что существенно увеличивает затраты на администрирование, а также несет риск потенциальных конфликтов интересов между партнерами, если цели государства и частного сектора не совпадают²³.

¹⁷ Yinghuan Wang, Jingjing Zhang, Yan Yan, Jiancheng Guan. The bidirectional causality of tie stability and innovation performance // Research Policy. 2024. Vol. 53. Iss. 10. 105102.

¹⁸ Zeigermann U., Ettelt S. Spanning the boundaries between policy, politics and science to solve wicked problems: policy pilots, deliberation fora and policy labs // Sustain Sci. 2023. No. 18 (2). P. 809–821. DOI: 10.1007/s11625-022-01187-y.

¹⁹ Коданева С. И. Правовое регулирование научной и инновационной деятельности : учеб. пособие / отв. ред. Е. В. Алферова. М., 2022.

²⁰ Лыбанева М. В. Государственно-частное партнерство в сфере образовательных услуг в условиях модернизации высшей школы в России : дис. ... канд. экон. наук : 08.00.05. СПб., 2017.

²¹ Интеграционные процессы в высшем образовании. Результаты мониторинга информации о тенденциях развития высшего образования в мире и в России. Вып. 8. М., 2022 // URL: <https://www.rea.ru/~file/76149/Выпуск+8.+Интеграцион.+процессы.pdf>.

²² Родионов А. Н., Дьяконова М. А. Государственно-частное партнерство (ГЧП): теория вопроса и мировой опыт реализации ГЧП проектов // Путеводитель предпринимателя. 2023. № 16 (4). С. 228.

Анализ научных публикаций показывает, что в России развитие университетских кампусов на основе государственно-частного партнерства происходит преимущественно по инициативе государства в рамках национального проекта, что позволяет увязать государственные приоритеты в области развития образования с коммерческими интересами частных инвесторов.

Особенностью модели является и эксплуатация построенных объектов, предполагающая, что новые кампусы не потребуют бюджетного финансирования на стадии эксплуатации и будут управляться негосударственными операторами, что должно повысить эффективность использования созданной инфраструктуры, внедрить передовые практики управления и в долгосрочной перспективе снизить нагрузку на государственный бюджет.

3. *Модель децентрализованного управления кампусами* дает больше свободы и автономии университетам и регионам в управлении своими ресурсами и выработке стратегии развития. С одной стороны, это стимулирует инновации на уровне регионов, позволяет учитывать региональные особенности и интересы и более эффективно использовать ресурсы²⁴. С другой стороны — реализация модели децентрализованного управления кампусами содержит риск неравномерного распределения ресурсов и результатов между регионами, усугубляя и без того объективно существующие региональные диспропорции.

4. *Модели прямого корпоративного управления кампусами*. Этим названием объединены ряд управленческих моделей, которые с учетом специфических потребностей образовательных учреждений могут быть использованы для управления кампусами. В литературе к ним относят статические модели: CREM (Corporate Real Estate Management), предлагающую интегрировать механизмы управления корпоративной недвижимостью в образовательные процессы, что позволяет учитывать стратегические, функциональные, финансовые и физические аспекты управления кампусом; модель управления FM

(Facilities Management), рассматривающую кампус как систему, где управление осуществляется через координацию спроса и предложения, а также оценку ценности элементов инфраструктуры²⁵. Кроме того, для более гибкого управления, учета изменений в образовательной среде и учета потребностей студентов и преподавателей предлагается применять динамические модели, такие как Business Model Canvas²⁶.

В целом система корпоративного управления может поддерживать устойчивое развитие кампуса за счет стратегического планирования и мониторинга его деятельности, давая возможность оперативно реагировать на изменения в образовательной среде и адаптировать стратегии, эффективно использовать ресурсы кампуса. В то же время прямое корпоративное управление кампусом может оказаться неэффективным из-за административных барьеров и отсутствия рыночной конкуренции, приводя к конфликтам интересов между государственными и частными интересами.

Вопросы разграничения компетенции между уровнями публичной власти при создании и функционировании междууниверситетских кампусов

Эффективность публично-правового регулирования создания и функционирования междууниверситетских кампусов напрямую зависит от определения их правовой природы и целей, соответствующих публичным интересам, соблюдения конституционных принципов разграничения компетенции между уровнями публичной власти. При этом конструирование конкретной модели публично-правового участия государства в реализации междууниверситетских кампусов подчиняется общей логике правового моделирования. Нам близок подход, согласно которому правовая модель представляет собой прогнозируемый вариант оптимального правового регулирования, включающий систему взаимосвязанных правовых регуляторов, а также рас-

²³ Литовка Е. А. Преимущества и недостатки государственно-частного партнерства // Инновационная экономика: от теории к практике : сборник научных трудов по материалам Международной научно-практической конференции, Новосибирск, 24–25 октября 2014 г. / под общ. ред. Н. В. Фадейкиной. Т. 1–2. Новосибирск : Сибирская академия финансов и банковского дела, 2014. С. 264.

²⁴ Liu Y., Yao X., Xue Y. A case study of decentralization reform in a Chinese university // Asia Eur J. 2023. No. 21. P. 273–290. URL: <https://doi.org/10.1007/s10308-022-00650-w>.

²⁵ Репина Е. А., Лопатина Л. Е. Кампус: модели управления // Innovative Project. 2016. Т. 1. № 2. С. 105.

²⁶ Репина Е. А., Лопатина Л. Е. Указ. соч. С. 105.

четы ожидаемых результатов и последствий²⁷. Но понимание правовой модели как системы правовых регуляторов не подразумевает, что модель ограничивается лишь совокупностью норм. Реализация правовой модели — это процесс воплощения ее идеальной формы в тело правовой нормы и ее последующая реализация в возникающих правоотношениях²⁸.

В России создание кампусов осуществляется в рамках национального проекта «Наука и университеты», что обеспечивает целенаправленное финансирование и поддержку со стороны государства, позволяет сосредоточить ресурсы на формировании высококачественных образовательных пространств. В рамках проекта кампусы строятся в 23 регионах страны, включая такие города, как Москва, Новосибирск, Челябинск, Тюмень и Томск.

Конституция РФ устанавливает разграничение компетенции между федеральным центром и субъектами РФ в сферах образования, науки и инноваций (ст. 71, 72). К уровню Федерации отнесены регулирование и управление в сфере образования, установление федеральных государственных образовательных стандартов, лицензирование и аккредитация образовательных организаций, а также финансирование федеральных образовательных организаций. На уровне субъекта РФ выполняются регулирование и управление в сфере образования, установление региональных компонентов образовательных стандартов, финансирование региональных образовательных организаций, реализация программ развития образования.

Конституция закрепляет принцип единой социально ориентированной научно-технической государственной политики, основанной на сохранении и укреплении научного потенциала России (п. «в» и «в.1» ч. 1 ст. 114). Оценивая это положение в системной связи с положениями п. «е» ст. 71 (к ведению Российской Федерации отнесены установление основ федеральной политики и федеральные программы в области научно-технологического развития РФ), С. В. Кабышев отмечает, что в результате был не просто расширен состав программно-политических задач федерального уровня, в решении

которых (с учетом оставшихся неизменными положений п. «е» ч. 1 ст. 72, закрепляющих в качестве предмета совместного ведения Российской Федерации и субъектов РФ общие вопросы науки) должны принимать действенное участие субъекты РФ, но, по сути, данными нормами задан политико-правовой режим научной обоснованности и научно-технологического подкрепления в достижении комплекса взаимосвязанных целей государственного, экономического, экологического, социального, культурного и национального развития²⁹.

Создание и функционирование междуниверситетских кампусов, как правило, требует координации усилий различных уровней публичной власти, при котором федеральный центр может выступать инициатором создания кампуса, предоставлять финансирование и устанавливать общие требования к его функционированию. Субъекты РФ предоставляют земельные участки, инфраструктуру и осуществляют поддержку образовательных и научных организаций, входящих в состав кампуса. Органы местного самоуправления могут оказывать коммунальные услуги и обеспечивать безопасность на территории кампуса.

Однако на практике возникают проблемы разграничения компетенции между уровнями публичной власти в процессе создания и функционирования междуниверситетских кампусов, как правило, при определении полномочий органов государственной власти Российской Федерации, субъектов РФ и органов местного самоуправления в отношении управления имуществом кампуса, финансирования образовательных и научных организаций, реализации образовательных программ и проведения научных исследований.

Комплекс мер по совершенствованию законодательного и управленческого ландшафта, регламентирующего деятельность междуниверситетских кампусов, может включать: разработку и принятие федерального закона, определяющего правовой статус, порядок создания и функционирования междуниверситетского кампуса, а также механизмы разграничения компетенций и защиты академической автономии

²⁷ Правовые модели и реальность : монография / О. А. Акопян, Н. В. Власова, С. А. Грачева [и др.] ; отв. ред. Ю. А. Тихомиров, Е. Е. Рафалюк, Н. И. Хлуденева. М. : ИЗИСП при Правительстве РФ : Инфра-М, 2014. С. XIV, 189.

²⁸ Рафалюк Е. Е., Кичигин Н. В. Реализация правовых моделей: проблемы и поиск решений // Журнал российского права. 2014. № 5. С. 136.

²⁹ Кабышев С. В. Указ. соч. С. 17.

университетов; унификацию договорных отношений между федеральным центром, субъектами РФ и органами местного самоуправления посредством разработки типовых соглашений о сотрудничестве; формирование коллегиальных органов управления с участием представителей различных уровней власти и академического сообщества; внедрение механизмов защиты академической автономии, в том числе путем создания независимых комиссий; установление особого правового режима для кампусов, предусматривающего упрощенные процедуры землепользования и налоговые льготы; активизацию государственно-частного партнерства для привлечения инвестиций; обеспечение открытости и прозрачности деятельности через обязательную публикацию информации о ключевых аспектах функционирования.

Заключение и выводы

Анализ российской практики создания межвузовских кампусов выявляет основные закономерности выбора организационной модели кампуса, обусловленные тем, что одним из субъектов является государство как публично-властный субъект. Государственное участие в таких проектах выполняет двойную роль: с одной стороны, обеспечивает необходимое финансирование и инфраструктурную поддержку; с другой — определяет стратегические векторы развития образования и науки как на федеральном уровне, так и на уровне субъектов РФ.

Модели государственно-частного партнерства демонстрируют сегодня свою эффективность в оптимизации использования ресурсов как государственного, так и частного секторов, что позволяет достигать общих образовательных целей с меньшими издержками для каждого из участников. Однако успешная реализация таких проектов требует балансирования между обеспечением национальной безопасности и сохранением академической свободы — задачей, которая в условиях современной геополитической напряженности становится особенно актуальной и сложной.

Российский опыт показывает, что государство активно ищет оптимальные механизмы интеграции интересов всех участников образовательного процесса — университетов, бизнес-структур и гражданского общества. Через инструменты государственно-частного партнерства и сетевые образовательные программы удается частично разрешать возникающие противоречия, но для их полного устранения необходимы дальнейшие реформы в управлении университетами и совершенствование законодательной базы с учетом региональной специфики.

Регуляторное воздействие государства на межвузовские кампусы в России сталкивается с противоречиями, в основе которых лежит двуединая задача стимулирования инноваций, с одной стороны, и сохранения академической автономии вузов — с другой. Решение этой задачи требует комплексного подхода, учитывающего как интересы государства, так и потребности научного сообщества.

Создание кампусов международного уровня представляет собой многозадачный процесс и инструмент не только для развития образования и науки, но и для укрепления геополитических позиций России; реализация требует четкого определения приоритетов государственной политики в образовании, уважения принципов академической автономии и разработки более прозрачной правовой базы, которая бы обеспечивала необходимый уровень контроля одновременно со стимулированием международного сотрудничества. Дальнейшие исследования в данной области должны быть направлены на изучение международного опыта, проведение сравнительного анализа правовых систем и разработку практических рекомендаций по оптимизации правового регулирования в сфере создания и функционирования межвузовских кампусов, выявление влияния децентрализации управления на региональные инновации.

Создание кампусов международного уровня представляет собой многозадачный процесс и инструмент не только для развития образования и науки, но и для укрепления геополитических позиций России; реализация требует четкого определения приоритетов государственной политики в образовании, уважения принципов академической автономии и разработки более прозрачной правовой базы, которая бы обеспечивала необходимый уровень контроля одновременно со стимулированием международного сотрудничества. Дальнейшие исследования в данной области должны быть направлены на изучение международного опыта, проведение сравнительного анализа правовых систем и разработку практических рекомендаций по оптимизации правового регулирования в сфере создания и функционирования межвузовских кампусов, выявление влияния децентрализации управления на региональные инновации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Бондаренко Н. Е., Дубовик М. В., Губарев Р. В. «Тройная спираль» как основа создания инновационных систем // Вестник РЭА имени Г.В. Плеханова. 2018. № 2 (98). С. 3–15.

В первом полугодии 2024 г. должны быть построены 19 объектов кампусов мирового уровня в пяти российских городах // URL: <https://www.minobrnauki.gov.ru/press-center/news/novosti-ministerstva/75193/>.

- Интеграционные процессы в высшем образовании. Результаты мониторинга информации о тенденциях развития высшего образования в мире и в России. Вып. 8. М. : РЭУ имени Г.В. Плеханова, 2022. 135 с.
- Кабышев С. В. Наукограды Российской Федерации в механизме реализации государственной научно-технической политики: конституционно-правовые аспекты // Журнал российского права. 2023. № 9. С. 15–27.
- Кириллова Е. А., Дли М. И., Какатунов Т. В., Епифанов В. А. Трансформация модели тройной спирали в условиях формирования инновационных экосистем в промышленности // Дискуссия. Discussion. Journal of Scientific Publications on Economic. 2022. № 110 (1). С. 16–32.
- Коданева С. И. Правовое регулирование научной и инновационной деятельности : учеб. пособие / отв. ред. Е. В. Алферова. М., 2022. 182 с.
- Литовка Е. А. Преимущества и недостатки государственно-частного партнерства // Инновационная экономика: от теории к практике : сборник научных трудов по материалам Международной научно-практической конференции, Новосибирск, 24–25 октября 2014 г. / под общ. ред. Н. В. Фадейкиной. Т. 1–2. Новосибирск : Сибирская академия финансов и банковского дела, 2014. С. 263–266.
- Лыбанева М. В. Государственно-частное партнерство в сфере образовательных услуг в условиях модернизации высшей школы в России : дис. ... канд. экон. наук. СПб., 2017. 241 с.
- Никитская Е. Ф. Роль вузов в системной интеграции инновационного развития России // Фундаментальные исследования. 2014. № 9–12. С. 2745–2750.
- Правовые модели и реальность : монография / О. А. Акопян, Н. В. Власова, С. А. Грачева [и др.] ; отв. ред. Ю. А. Тихомиров, Е. Е. Рафалюк, Н. И. Хлуденева. М. : ИЗСП при Правительстве РФ : Инфра-М, 2014. 280 с.
- Рафалюк Е. Е., Кичигин Н. В. Реализация правовых моделей: проблемы и поиск решений // Журнал российского права. 2014. № 5. С. 135–140.
- Репина Е. А., Лопатина Л. Е. Кампус: модели управления // Innovative Project. 2016. Т. 1. № 2. С. 104–108.
- Родионов А. Н., Дьяконова М. А. Государственно-частное партнерство (ГЧП): теория вопроса и мировой опыт реализации ГЧП проектов // Путеводитель предпринимателя. 2023. № 16 (4). С. 226–232.
- Сморodinская Н. Тройная спираль как новая матрица экономических систем // Инновации. 2011. № 4. С. 66–78.
- Университетские кампусы и город: кооперация ради конкурентоспособности / Н. А. Трунова, В. С. Бочарова, Т. И. Караваева [и др.] // URL: <https://www.csr.ru/upload/iblock/3f0/kbpm276p3tau6knldla3d6ozz0fvе0e.pdf>.
- Liu Y., Yao X., Xue Y. A case study of decentralization reform in a Chinese university // Asia Eur J. 2023. No. 21. P. 273–290. URL: <https://doi.org/10.1007/s10308-022-00650-w>.
- Yinghuan Wang, Jingjing Zhang, Yan Yan, Jiancheng Guan. The bidirectional causality of tie stability and innovation performance // Research Policy. 2024. Vol. 53. Iss. 10. 105102. URL: <https://doi.org/10.1016/j.respol.2024.105102>.
- Zeigermann U., Ettelt S. Spanning the boundaries between policy, politics and science to solve wicked problems: policy pilots, deliberation fora and policy labs // Sustain Sci. 2023. No. 18 (2). P. 809–821. DOI: 10.1007/s11625-022-01187-y.

REFERENCES

- Akopyan OA, Vlasova NV, Gracheva SA, et al. Legal Models and Reality. Tikhomirov YuA, Rafalyuk EE, Khlyudeneva NI (eds.). Moscow: Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation Publ.; Infra-M Publ.; 2014. (In Russ.).
- Bondarenko NE, Dubovik MV, Gubarev RV. The Triple Spiral as the Foundation for Creating Innovative Systems. *Vestnik of the Plekhanov Russian University of Economics*. 2018;2(98):3-15. (In Russ.).
- Integration Processes in Higher Education. Results of the Monitoring of Information on Trends in the Development of Higher Education Globally and in Russia. Issue 8. Available at: <https://www.rea.ru/~file/76149/Выпуск+8.+Интеграцион.+процессы.pdf>. (In Russ.).
- Kabyshv SV. Science cities of the Russian Federation in the mechanism of implementation of the national scientific and technological policy: constitutional and legal aspects. *Journal of Russian Law*. 2023;9:15-27. (In Russ.).
- Kirillova EA, Dli MI, Kakatunov TV, Epifanov VA. Transformation of triple helix model in the conditions of innovative ecosystems formation in industry. *Discussion. Journal of Scientific Publications on Economic*. 2022;110(1):16-32. (In Russ.).

- Kodaneva SI. Legal Regulation of Scientific and Innovative Activities. Moscow; 2022. (In Russ.).
- Litovka EA. Advantages and Disadvantages of Public-Private Partnerships. In: Fadeykina NV. Innovative Economy: From Theory to Practice: Collection of Scientific Papers from the International Scientific and Practical Conference; Novosibirsk. October 24–25, 2014. Vol. 1–2. Novosibirsk: Siberian Academy of Finance and Banking Publ.; 2014. (In Russ.).
- Liu Y, Yao X, Xue Y. A case study of decentralization reform in a Chinese university. *Asia Europe Journal*. 2023;21:273-290. Available at: <https://doi.org/10.1007/s10308-022-00650-w>.
- Lybaneva MV. Public-Private Partnership in Educational Services amidst the Modernization of Higher Education in Russia. Cand. Sci. (Economics) Diss. St. Petersburg; 2017. (In Russ.).
- Nikitskaya EF. The role of universities in the system integration of innovation development of Russia. *Fundamental Research*. 2014;9-12:2745-2750. (In Russ.).
- Rafalyuk EE, Kichigin NV. Implementation of Legal Models: Challenges and Pursuit of Solutions. *Journal of Russian Law*. 2014;5:135-140. (In Russ.).
- Repina EA, Lopatina LE. Campus Management Models. *Innovative Project*. 2016;1(2):104-108. (In Russ.).
- Rodionov AN, Dyakonova MA. Public-Private Partnership (PPP): Theory of the Issue and World Experience in Implementing PPP Projects. *Entrepreneur's Guide*. 2023;16(4):226-232. (In Russ.).
- Smorodinskaya N. Triple Helix as a New Matrix of Economic Systems. *Innovatsii*. 2011;4:66-78. (In Russ.).
- University Campuses and Cities: Cooperation for Competitiveness. Available at: <https://www.csr.ru/upload/iblock/3f0/kbpm276p3tau6knlzdl3d6ozz0fve0e.pdf>. (In Russ.).
- In the first half of 2024, 19 world-class campus facilities are scheduled to be constructed across five Russian cities. Available at: <https://www.minobrnauki.gov.ru/press-center/news/novosti-ministerstva/75193/>. (In Russ.).
- Yinghuan W, Jingjing Zh, Yan Y, Jiancheng G. The bidirectional causality of tie stability and innovation performance. *Research Policy*. 2024;53(10):105102. Available at: <https://doi.org/10.1016/j.respol.2024.105102>.
- Zeigermann U, Ettelt S. Spanning the boundaries between policy, politics and science to solve wicked problems: policy pilots, deliberation fora and policy labs. *Sustain Sci*. 2023;18(2):809-821, doi: 10.1007/s11625-022-01187-y.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Конева Наталья Сергеевна, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры конституционного и административного права Южно-Уральского государственного университета (национального исследовательского университета)
д. 76, Ленина пр., г. Челябинск 454080, Российская Федерация
konevans@susu.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Natalia S. Koneva, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Department of Constitutional and Administrative Law, South Ural State University (National Research University), Chelyabinsk, Russian Federation
konevans@susu.ru

*Материал поступил в редакцию 13 ноября 2024 г.
Статья получена после рецензирования 14 марта 2025 г.
Принята к печати 15 июля 2025 г.*

*Received 13.11.2024.
Revised 14.03.2025.
Accepted 15.07.2025.*

СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ COMPARATIVE STUDIES

DOI: 10.17803/1729-5920.2025.225.8.084-096

А. О. Иншакова

Кубанский государственный университет
Волгоградская академия МВД России
Волжский институт экономики, педагогики и права

Ю. А. Тымчук

Волжский институт экономики, педагогики и права
Кубанский государственный университет

Стандартизация правового регулирования «умного» сельского хозяйства в Китае: адаптация полезного регулятивного опыта

Резюме. В работе проводится анализ правовой регламентации процессов внедрения «умных» технологий в сельское хозяйство в Китае. Обосновывается выбор законодательства данной страны для целей исследования, в том числе в контексте реализуемой в России Стратегии развития агропромышленного и рыбохозяйственного комплексов Российской Федерации на период до 2030 года. Выявляются общие тенденции развития законодательства в рассматриваемой сфере в России и Китае. На основе анализа доктринальных подходов зарубежных исследователей выявляются факторы ускоренного развития сельского хозяйства в Китае, влияние цифровизации на процессы внедрения «умных» технологий в сельское хозяйство, а также способы предотвращения нарушения прав, возникающих в связи с их использованием. Внимание акцентируется на тенденции развития нормативного регулирования цифровизации сельского хозяйства в Китае, его детальной проработке, в том числе обсуждении различных стандартов и правил, касающихся вопросов применения конкретных технологий Индустрии 4.0, используемых в сельском хозяйстве. Обоснована целесообразность обращения к передовому опыту Китая в вопросах правового обеспечения внедрения и использования технологий Индустрии 4.0 в сельскохозяйственной деятельности. В частности, авторы считают полезной адаптацию регулятивного опыта Китая по разработке стандартов использования конкретных «умных» технологий в сельском хозяйстве и аргументированно доказывают это в статье.

Ключевые слова: сельское хозяйство; цифровая экономика; устойчивое развитие; экспериментальный правовой режим в сфере цифровых инноваций; «умное» сельское хозяйство; продовольственная безопасность; законодательство Китая; стандарты для «умных» технологий сельского хозяйства; сельскохозяйственные беспилотные авиационные системы; блокчейн

Для цитирования: Иншакова А. О., Тымчук Ю. А. Стандартизация правового регулирования «умного» сельского хозяйства в Китае: адаптация полезного регулятивного опыта. *Lex russica*. 2025. Т. 78. № 8. С. 84–96. DOI: 10.17803/1729-5920.2025.225.8.084-096

Благодарности. Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда, проект № 25-28-00269 «“Умное” сельское хозяйство и LegalTech в агропромышленном комплексе: правовая модель “Агро 4.0” в условиях устойчивого развития».

© Иншакова А. О., Тымчук Ю. А., 2025

Standardization of Legal Regulation for «Smart» Agriculture in China: Adapting Beneficiary Regulatory Experience

Agnes O. Inshakova

Kuban State University, Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia

Volzhsky Institute of Economics, Pedagogy, and Law

Yulia A. Tymchuk

Volzhsky Institute of Economics, Pedagogy, and Law

Kuban State University

Abstract. This paper analyzes the legal regulation of the processes involved in implementing «smart» technologies in agriculture in China. The choice of Chinese legislation as the subject of research is justified, including in the context of Russia's Strategy for the Development of the Agro-Industrial and Fishery Complexes of the Russian Federation until 2030. The general trends in the development of legislation in this field in Russia and China are identified. Based on an analysis of doctrinal approaches by foreign researchers, the factors contributing to the accelerated development of agriculture in China are revealed, along with the impact of digitalization on the adoption of «smart» technologies in agriculture and methods for preventing rights violations arising from their use. Emphasis is placed on the trend of developing regulatory frameworks for agricultural digitalization in China, their thorough elaboration, including discussions on various standards and rules concerning the application of specific Industry 4.0 technologies used in agriculture. The authors argue for the relevance of studying China's advanced experience in legal support for the implementation and use of Industry 4.0 technologies in agricultural activities. In particular, they consider it beneficial to adapt China's regulatory experience in developing standards for the use of specific «smart» technologies in agriculture and provide reasoned arguments in support of this position.

Keywords: agriculture; digital economy; sustainable development; experimental regime in the field of digital innovation; smart agriculture; food security; Chinese legislation; standards for smart agricultural technologies; agricultural unmanned aircraft systems; blockchain

Cite as: Inshakova AO, Tymchuk YuA. Standardization of Legal Regulation for «Smart» Agriculture in China: Adapting Beneficiary Regulatory Experience. *Lex Russica*. 2025;78(8):84-96. (In Russ.). DOI: 10.17803/1729-5920.2025.225.8.084-096

Acknowledgements. The study was supported by a grant from the Russian Science Foundation; Project No. 25-28-00269 under the title «Smart» Agriculture and Legal Tech in the Agro-Industrial Complex: Agro 4.0 Legal Model in the Context of Sustainable Development.

Введение

Сельское хозяйство играет важную роль в обеспечении устойчивого развития. Его основной вклад состоит в обеспечении продовольственной безопасности¹. При сохранении доцифрового технологического уклада возможности данного вклада следует считать в достаточной степени ограниченными, поскольку высокая зависимость от природно-климатических факторов определяет границы производственных мощностей сельскохозяйственных предприятий, производительность непредсказуема и слабо поддается контролю и управлению, эффективность сельскохозяйственного предпринимательства в большинстве случаев низкая, и оно

балансирует на грани убыточности, что, соответственно, препятствует притоку инвестиций в развитие агропромышленного комплекса.

Максимизировать вклад сельского хозяйства в обеспечение продовольственной безопасности позволяет цифровизация, однако ее влияние противоречиво. Потенциально «умное» сельское хозяйство способствует налаживанию высокопроизводительного и высокоэффективного сельскохозяйственного предпринимательства на любых территориях, даже с неблагоприятными природно-климатическими условиями. Этот тезис подтверждается опытом дружественной России страны — Китая. Посредством автоматизации можно контролировать, создавать оптимальные условия (температура, влажность,

¹ Матыцин Д. Е. Инвестиционные сделки в интернет-пространстве для развития сельского хозяйства и обеспечения продовольственной безопасности: вопросы правового регулирования // Экономика сельского хозяйства России. 2023. № 10. С. 30–36.

удобрения и т.д.) и задавать целевые свойства для каждого растения, способствуя росту его урожайности и полезных свойств (например, витаминного и минерального состава).

В то же время потенциал максимизации вклада сельского хозяйства в обеспечение продовольственной безопасности с помощью применения технологий Индустрии 4.0 реализуется далеко не полностью.

Основная часть

Острая потребность в цифровизации агропромышленного комплекса возникла в России в 2023 г. По данным аналитиков, в этот период стало очевидным исчерпание так называемых легких возможностей для роста, в связи с чем агропромышленный комплекс России стал остро нуждаться в глубокой цифровизации².

В Стратегии развития агропромышленного и рыбохозяйственного комплексов Российской Федерации на период до 2030 г.³ (далее — Стратегия) цифровизация указанных отраслей обозначена в качестве новой точки роста. Из содержания распоряжения Правительства РФ от 23.11.2023 № 3309-р⁴ следует, что на период до 2030 г. запланировано внедрение ряда технологий, среди которых нейротехнологии и технологии искусственного интеллекта, технологии работы с большими данными, производственные технологии, технологии робототехники и сенсорики, технологии систем распределенного реестра, отраслевые цифровые технологии. Такой амбициозный проект планируется реализовать в достаточно сжатые сроки в условиях констатируемого в этом же документе недостаточного уровня развития цифровой инфраструктуры, отсутствия квалифицированных кадров

и других серьезных проблем. Помимо этого, по информации Росстата, в 2024 г. объем производства сельскохозяйственной продукции в стране снизился⁵.

Нельзя не обратить внимание на то, что функционирование технологий Индустрии 4.0 зависит от наличия Интернета. Так, на территории нашей необъятной страны далеко не в каждом селе, в котором потенциально возможно было бы заниматься сельским хозяйством, в том числе с использованием новейших технологий, имеется стабильный высокоскоростной Интернет. Процесс подключения к Интернету сел и деревень, включая малочисленные, продолжается до настоящего времени⁶.

Для консолидации информации в сфере сельского хозяйства и создания условий для получения юридическими и физическими лицами, осуществляющими деятельность в этой сфере, различных услуг (например, в целях господдержки) к 1 марта 2026 г. запланирован запуск информационной системы цифровых сервисов. Нормативной основой для реализации этого мероприятия стала вступившая в силу с 1 сентября 2024 г. статья 17.1 «Информационная система цифровых сервисов в сфере сельского хозяйства» Федерального закона от 29.12.2006 № 264-ФЗ «О развитии сельского хозяйства»⁷. Из содержания статьи, а именно из положений ее ч. 3, возможно спрогнозировать предполагаемую архитектуру указанной информационной системы, которая будет сконцентрирована на нескольких блоках информации: информационный блок (сведения о мерах господдержки с учетом регионального компонента); организационно-операционный блок (обмен информацией: формирование/подача заявок для получения мер господдержки, получение решений по поданным заявкам, направление

² Цифровизация в агропромышленном комплексе России // Tadviser. URL: <https://www.tadviser.ru/index.php> (дата обращения: 03.04.2025).

³ Распоряжение Правительства РФ от 08.09.2022 № 2567-р «Об утверждении Стратегии развития агропромышленного и рыбохозяйственного комплексов Российской Федерации на период до 2030 года» // СЗ РФ. 2022. № 38. Ст. 6481.

⁴ Распоряжение Правительства РФ от 23.11.2023 № 3309-р «Об утверждении стратегического направления в области цифровой трансформации отраслей агропромышленного и рыбохозяйственного комплексов Российской Федерации на период до 2030 года» // СЗ РФ. 2023. № 50. Ст. 909.

⁵ Почему в России снизился выпуск продовольствия в 2024 году // Российская газета. 2 апреля 2025 г. URL: https://rg.ru/2025/04/02/vypusk-prodovolstviiia-snizilsia-iz-za-nepogody.html?ysclid=m90cajx0f286696894&utm_referrer=https%3A%2F%2Fya.ru%2F (дата обращения: 02.04.2025).

⁶ Около 1,6 тыс. деревень и сел получают доступ к Интернету в 2025 году // Минцифры. URL: <https://digital.gov.ru/news/okolo-16-tys-dereven-i-syol-poluchat-dostup-k-internetu-v-2025-godu> (дата обращения: 01.02.2025).

⁷ СЗ РФ. 2007. № 1 (ч. I). Ст. 27.

отчетности, обращений, уведомлений, сбор информации и пр.). С технической точки зрения предполагается, что информационная система будет интегрирована с порталом «Госуслуги», что является логичным в контексте реализации концепции электронного правительства.

Несмотря на давно назревшую потребность в создании такой информационной системы, остается неясным, почему ее потенциал не предлагается задействовать для реализации отдельных направлений, обозначенных в Стратегии. Очевидно, что положения новой ст. 17.1 Закона о развитии сельского хозяйства сформулированы по всем правилам юридической техники на высоком уровне абстракции. Представляется, что как в ст. 17.1 (например, сформулировав как бланкетную норму), так и в перспективе в архитектуре информационной системы следовало отразить и сведения об отраслях сельского хозяйства и наиболее релевантных с учетом их специфики технологиях, внедрение которых запланировано в Стратегии. Это позволило бы заинтересованным в повышении эффективности своей деятельности сельхозпредприятиям ознакомиться с достоверной информацией о возможностях новых технологий, их преимуществах и пр., т.е. прежде всего с общей информацией, и принять решение о целесообразности внедрения конкретной технологии (например, использование сельскохозяйственных беспилотных авиационных систем (СБАС)). В свою очередь, государство для реализации запланированного в Стратегии мероприятия может использовать традиционные механизмы, а именно предоставление льготных кредитов на приобретение и внедрение новых технологий. Для реализации мероприятия потребуется также внести изменения и дополнения в приказ Минсельхоза России от 12.02.2024 № 61 «Об утверждении Порядка определения направлений целевого использования льготных кредитов»⁸.

В качестве положительной тенденции, связанной с реализацией указанного нормативного положения, сто́ит обозначить и ожидаемое объединение под эгидой информационной си-

стемы цифровых сервисов в сфере сельского хозяйства других ключевых государственных информационных систем, в числе которых ФГИС «Семеноводство», ЕФГИС ЗСН и ФГИС «Зерно», и их интеграцию с ФГИС Россельхознадзора⁹.

Очевидно, что в целом вопрос цифровой трансформации агропромышленного комплекса не может быть решен без создания соответствующего правового обеспечения, поскольку бесконтрольное внедрение технологий Индустрии 4.0 (т.е. само по себе, без какого-либо государственного контроля) потенциально несет в себе риски, что с учетом специфики отрасли может повлиять и на продовольственную безопасность, и на здоровье конечных потребителей сельхозпродукции.

Несмотря на наличие в России правовой базы для регулирования сферы сельского хозяйства, следует констатировать, что вопросам внедрения и использования технологий Индустрии 4.0 в ходе осуществления сельскохозяйственной деятельности уделено недостаточно внимания. В данном контексте интерес представляет положительный зарубежный опыт правового регулирования внедрения и использования технологий Индустрии 4.0 в агропромышленном комплексе, в том числе его ведущих отраслях.

Рассмотрим нормативный опыт Китая. Выбор указанной страны для целей исследования обусловлен рядом факторов, среди которых:

1) лидирующая позиция страны в мире в сфере производства сельхозпродукции, невзирая на многочисленные проблемы, связанные с незначительной площадью пахотных земель, кадрами и пр. (в частности, по версии международного образовательного онлайн-центра ресурсов Bsolarly¹⁰ и иных рейтингов). Кроме того, столь пристальное внимание Китая к сфере сельского хозяйства обусловлено рядом причин, в ряду которых исторически сложившийся в силу избранного политического курса страны вектор на создание сильного сельского хозяйства в интересах китайской нации, наличие традиционной проблемы продовольственной безопасности, а также растущее стратегическое

⁸ Официальный интернет-портал правовой информации. URL: pravo.gov.ru. 16 февраля 2024 г. pravo.gov.ru, 16 февраля 2024 г.

⁹ Цифровизация аграрного сектора: шаг к эффективному сельскому хозяйству // Официальный сайт ФГБУ «Центр цифровой трансформации в сфере АПК». URL: <https://cctmxc.ru/o-tsentre/novosti/3378/> (дата обращения: 01.04.2024).

¹⁰ Countries with the Highest Agricultural Output 2024: Top 14 // Bsolarly. URL: <https://bsolarly.com/countries-with-the-highest-agricultural-output/> (дата обращения: 25.02.2024).

соперничество с США¹¹. Фактически Китай является примером страны, где технологические инновации и всесторонняя поддержка государства позволили компенсировать физические ограничения в земельных и водных ресурсах и добиться высокой производительности и эффективности сельского хозяйства;

2) членство России и Китая в БРИКС, взаимодействие в рамках этой организации сотрудничества между странами по вопросам продовольственной безопасности и устойчивого развития сельского хозяйства¹²;

3) высокий уровень сельскохозяйственного сотрудничества между Россией и Китаем (с экономической точки зрения)¹³;

4) наличие двусторонних документов как программного, так и специального характера, направленных на развитие сотрудничества по различным вопросам агропромышленного комплекса¹⁴;

5) сходные тенденции развития сельхозсектора в части задействования потенциала электронной торговли¹⁵ (специализированных маркетплейсов) для реализации продукции (например, в России как один из элементов так называемого AgroTech¹⁶, в который также входят Smart Farming (беспилотники, системы управления агропредприятиями, точное земледелие), биотехнологии в агросфере (геномика и селективные технологии, альтернативный

белок, биотех для растениеводства и животноводства), альтернативные фермы, венчурные фонды, акселераторы и др.), увеличения инвестиций, а также реализации пилотных проектов, правовой основой для которых, как правило, служит экспериментальный правовой режим (в частности, в России — экспериментальный правовой режим в сфере цифровых инноваций¹⁷).

Остановимся подробнее на последней тенденции, наличие которой, как представляется, свидетельствует о взвешенном и обдуманном подходе к решению вопроса о внедрении «умных» технологий для ведения сельского хозяйства со стороны как китайского, так и российского законодателей.

Так, на территории отдельных субъектов РФ действует постановление Правительства РФ от 16.09.2023 № 1510, которым введен экспериментальный правовой режим в сфере цифровых инноваций по эксплуатации сельскохозяйственных беспилотных авиационных систем¹⁸. Экспериментальный правовой режим предполагает применение при ведении сельского хозяйства на территории 12 субъектов РФ (Республика Татарстан, Алтайский край, Ставропольский край, Астраханская и Волгоградская области и др.) ряда цифровых инноваций (ст. 2 Федерального закона от 31.07.2020 № 258-ФЗ «Об экспериментальных правовых режимах в

¹¹ Zhang Hongzhou. China's Agricultural Power Strategy: What Is It All About? // IDSS Paper. 2023. March 29. No. 032. URL: <https://rsis.edu.sg/wp-content/uploads/2023/03/IP23032.pdf> (дата обращения: 07.04.2024).

¹² Рабочая группа БРИКС по сельскому хозяйству провела первое заседание в 2025 году // Tvbrics. URL: <https://tvbrics.com/news/rabochaya-gruppa-briks-po-selskomu-khozyaystvu-provela-pervoe-zasedanie-v-2025-godu/?ysclid=m99n6cu5p0150593058> (дата обращения: 07.04.2024).

¹³ Чжао Инь, Гнатюк Г. А. Изучение основных направлений углубления сельскохозяйственного сотрудничества между китайской провинцией Хэйлунцзян и российским Дальним Востоком // Экономические науки. 2024. № 3 (232). С. 101.

¹⁴ Меморандум о взаимопонимании в области межрегионального и приграничного сотрудничества между Министерством регионального развития Российской Федерации и Государственным комитетом Китайской Народной Республики по развитию и реформам (подписан в г. Шанхае 20 мая 2014 г.) // СПС «КонсультантПлюс».

Китай. Ветеринарные требования // Официальный сайт Россельхознадзора. URL: <https://fsvps.gov.ru/importexport/kitay/veterinarnye-trebovaniya-45/?ysclid=m90c1q3c53410684187> (дата обращения: 01.03.2024).

¹⁵ Mary Ma Agriculture: A new battlefield for China's internet giants // TechNode. URL: <https://technode.com/2023/02/27/agriculture-a-new-battlefield-for-chinas-internet-giants/> (дата обращения: 30.03.2024).

¹⁶ AgroTech. Карта российского рынка // Rusbase. URL: <https://rb.ru/agrotech/> (дата обращения: 31.03.2024).

¹⁷ Матыцин Д. Е. Инвестиции в новые цифровые объекты в условиях правового вакуума и применение экспериментальных правовых режимов // Современное право. 2023. № 1. С. 22–26.

¹⁸ СЗ РФ. 2023. № 39. Ст. 7025.

сфере цифровых инноваций в Российской Федерации»¹⁹), а именно: технологий работы с большими данными, производственных технологий в области управления производством, технологий робототехники и сенсорики и др.

Определение понятия беспилотных авиационных систем (без учета специфики отрасли применения) возможно обнаружить в ст. 32 Воздушного кодекса РФ²⁰. Одновременно с этим в действующем на момент написания настоящей работы ГОСТ Р 57258-2016²¹ содержится классификация беспилотных воздушных судов, анализ которой позволяет утверждать, что в ее основу положены такие критерии, как особенности конструкции и вес (взлетная масса). Сказанное в полной мере относится к положениям Воздушного кодекса РФ.

Между тем действующее в России нормативное регулирование не учитывает отраслевую специфику применения беспилотных систем, игнорируя такой критерий, как сфера применения (иначе, целевое использование). В то же время в ряде субъектов РФ использование беспилотных летательных аппаратов для нужд сельского хозяйства в настоящее время фактически заблокировано в связи с проведением специальной военной операции и установленными региональными органами власти запретами на запуск беспилотных авиационных систем²². Немаловажно и то, что в отечественном законодательстве фактически созданы существенные административные барьеры, препятствующие повсеместному использованию сельскохозяйственных беспилотных авиационных систем²³.

На наш взгляд, внедрение иных «умных» технологий в сельское хозяйство в России

тормозится и отсутствием соответствующих программ банковского кредитования, предназначенных именно для их приобретения или оснащения сельхозпроизводства (например, в экосистеме «Свое фермерство» от Россельхозбанка существует программа «Кредит под залог приобретаемой техники или оборудования», которая распространяется на ограниченный перечень видов техники/оборудования, причем конкретно «умные» технологии в перечне не поименованы).

Говоря об опыте Китая, стоит принять во внимание тот факт, что обсуждения, касающиеся вопросов устойчивого развития сельского хозяйства, способов и проблем его достижения, в Китае начались еще задолго до того, как эта тема стала мейнстримом²⁴.

В Китае, как и в России, основу правового регулирования сельского хозяйства составляет специальный закон. В Китае это Сельскохозяйственный закон КНР (99 статей, 8 глав), вступивший в силу с 1 марта 2003 г.²⁵ Государство ставит сельское хозяйство во главу угла развития национальной экономики (ст. 3 указанного Закона).

В статье 6 Сельскохозяйственного закона КНР закреплено, что государство придерживается политики содействия развитию сельского хозяйства посредством науки, технологий и образования, а также обеспечения устойчивого развития сельского хозяйства. Государство принимает меры по содействию строительству сельскохозяйственной инфраструктуры, сельскохозяйственной механизации, информатизации и индустриализации, защите экологии и повышению комплексного потенциала сельскохозяйственного производства.

¹⁹ СЗ РФ. 2020. № 31 (ч. I). Ст. 5017.

²⁰ СЗ РФ. 1997. № 12. Ст. 1383.

²¹ ГОСТ Р 57258-2016. Национальный стандарт Российской Федерации. Системы беспилотные авиационные. Термины и определения (утв. и введен в действие приказом Росстандарта от 10.11.2016 № 1674-ст). М. : Стандартинформ, 2018.

²² См. подробнее: Ланцева В. Ю. Вопросы правового регулирования эксплуатации сельскохозяйственных беспилотных авиационных систем // Хозяйство и право. 2025. № 1. С. 78–89.

²³ Для сельхоздронов попросили упростить регистрацию в Росавиации // РБК. URL: <https://www.rbc.ru/business/18/06/2024/66704de89a79479e4157c5f7?ysclid=m941ohehz332726070> (дата обращения: 07.04.2024).

²⁴ Shao X. Rural community development in China and the industrial shift of the rural population: summary of an international symposium // Chin J Popul Sci. 1991. No. 3 (1). P. 11–15. PMID: 12343678.

Zhao J., Luo Q., Deng H., Yan Y. Opportunities and challenges of sustainable agricultural development in China // Philos Trans R Soc Lond B Biol Sci. 2008. Feb 27. No. 363 (1492). P. 893–904. DOI: 10.1098/rstb.2007.2190. PMID: 17766236. PMCID: PMC2610116.

²⁵ 中华人民共和国农业法 // 中国政府门户网站. URL: https://www.gov.cn/banshi/2005-09/12/content_69776.htm (дата обращения: 07.04.2025).

Примечательно, что положения об устойчивом развитии сельского хозяйства появились в отечественном законодательстве, в частности в ст. 4.1 Закона о развитии сельского хозяйства, лишь в июле 2024 г.

В контексте настоящего исследования интерес представляет и Закон КНР о содействии развитию сельскохозяйственных технологий²⁶. В нем содержится определение соответствующих понятий «сельскохозяйственная технология», «продвижение сельскохозяйственных технологий», а также закреплена система распространения сельскохозяйственных технологий, определены мероприятия по продвижению и применению сельскохозяйственных технологий и меры ответственности за несоблюдение положений Закона.

С 1 мая 2025 г. вступит в силу Закон КНР о сельских коллективных экономических организациях (8 глав, 67 статей)²⁷, который был принят в целях защиты законных прав и интересов сельских коллективных хозяйственных организаций и их членов, стандартизации сельских коллективных хозяйственных организаций, их деятельности и управления, содействия качественному развитию нового типа сельского коллективного хозяйства и др. (ст. 1). При этом под сельскими коллективными хозяйственными организациями (на уровне волости, деревни и пр.) в Законе понимаются региональные хозяйственные организации, основанные на коллективной собственности на землю, осуществляющие права собственности от имени своих членов коллективно (ст. 2). Эти организации будут поддерживаться государством (налоговые льготы и пр.) в целях укрепления новой сельской коллективной экономики.

Помимо указанных специальных законов, в Китае сфере «умного» сельского хозяйства и вопросам ускоренного цифрового развития агропромышленного комплекса посвящены многочисленные программные документы,

которые регулярно обновляются и дополняются с учетом анализа достигнутых на предыдущих этапах реализации результатов. Среди них:

— 14-й пятилетний план содействия модернизации сельского хозяйства (2021–2025 гг.)²⁸;

— Национальный план действий по развитию «умного» сельского хозяйства (2024–2028 гг.), в котором в качестве ключевых задач обозначены: создание национальной платформы больших данных по сельскому хозяйству, единой карты сельскохозяйственного землепользования, разработка базовой модели для «умного» сельского хозяйства (в том числе алгоритмы моделей в различных отраслях сельского хозяйства), создание «умных» ферм (животноводство и рыболовство), содействие цифровой трансформации всей цепочки агропромышленного комплекса и пр.²⁹;

— План ускоренного строительства сельскохозяйственной державы (2024–2035 гг.). Основная цель, заложенная в Плане, — добиться значительного прогресса в построении сильной аграрной страны к 2027 г. Планом предусмотрено содействие комплексной модернизации сельскохозяйственной техники и оборудования, всесторонней интеграции цифровых технологий в сельское хозяйство, а именно: совершенствование интегрированной сети наблюдения за сельским хозяйством «небо — земля», системы сельскохозяйственных статистических обследований и мониторинга, создание платформы больших данных по сельскому хозяйству и сельским районам, охватывающей все области, а также поощрение развития кластеров интеллектуального сельского хозяйства с замкнутыми цепочками и скоординированными связями³⁰.

Анализ специальных исследований китайских ученых о влиянии цифровизации на развитие сельского хозяйства позволил выявить технологии ведения «умного» сельского хозяйства, которые были внедрены благодаря значительным инвестициям в инфраструктуру,

²⁶ 中华人民共和国农业技术推广法 // 中华人民共和国农业农村部. URL: http://www.moa.gov.cn/gk/zcfg/fl/202409/t20240912_6462413.htm (дата обращения: 07.04.2024).

²⁷ 中华人民共和国农村集体经济组织法 // 维基文库. URL: <https://zh.wikisource.org/wiki/%E4%B8%AD%E5%8D%8E%E4%BA%BA%E6%B0%91%E5%85%B1%E5%92%8C%E5%9B%BD%E5%86%9C%E6%9D%91%E9%9B%86%E4%BD%93%E7%BB%8F%E6%B5%8E%E7%BB%84%E7%BB%87%E6%B3%95> (дата обращения: 07.04.2024).

²⁸ 国务院关于印发十四五推进农业农村现代化规划的通知 // 中国政府网. URL: https://www.gov.cn/zhengce/content/2022-02/11/content_5673082.htm (дата обращения: 07.04.2024).

²⁹ 农业农村部关于印发《全国智慧农业行动计划(2024–2028年)》的通知 // 中华人民共和国农业农村部. URL: https://www.moa.gov.cn/govpublic/SCYJXXS/202410/t20241025_6465041.htm (дата обращения: 07.04.2024).

³⁰ 中共中央 国务院印发《加快建设农业强国规划(2024–2035年)》 // 中国政府网. URL: https://www.gov.cn/zhengce/202504/content_7017469.htm (дата обращения: 07.04.2024).

исследования и разработки. Среди них такие технологии, которые существенно повлияли на преобразование традиционных методов ведения сельского хозяйства: большие данные, искусственный интеллект (в качестве основных направлений его использования исследователи обозначают: точное земледелие, мониторинг посевов, сельскохозяйственную робототехнику и чат-боты, оптимизацию цепочек поставок и адаптацию к изменению климата³¹), Интернет вещей (IoT) и блокчейн³².

В Китае пионером внедрения цифровых технологий в сельское хозяйство стал город Хэби. В этой провинции в одной из первых в Китае с учетом наличия высокоскоростного мобильного Интернета была предпринята попытка соединить онлайн и офлайн в сельском хозяйстве за счет создания сетевой платформы, формирования интегрированной системы производственных и операционных услуг: «сбор информации + торговля сельскохозяйственной продукцией + консультации по сельскохозяйственной информации + удаленная диагностика + основные услуги + логистика и распределение». Кроме того, в городе созданы промышленный парк 5G, промышленный парк цифровой экономики и другие цифровые промышленные парки и базы, которые способствовали внедрению технологий Индустрии 4.0 в сельское хозяйство. Здесь уделяется особое внимание использованию современных информационных технологий, таких как спутниковое и дистанционное зондирование сельскохозяйственных угодий, технология совместной инверсии информации для автоматического сбора сведений об окружающей среде и их передачи в режиме реального времени, интеллектуального анализа и

своевременной публикации, что способствует развитию сельского хозяйства³³.

Одной из развитых провинций является Шаньдун, в ней также широко используются научно-техническое оборудование и цифровые технологии: беспилотники, большие данные и интеллектуальные модели искусственного интеллекта для истинно научного земледелия³⁴.

В некоторых провинциях Китая (Гуанси, Фуцзянь, Чжэцзян, Цзянсу, Аньхой и Хунань) были апробированы и успешно применяются сельскохозяйственные интеллектуальные очки дополненной реальности (AR) для мониторинга и исследования в полевых условиях (болезней растений, появления вредителей и пр.). Преимущества этой технологии состоят в ускорении и повышении эффективности полевых исследований, которые традиционно проводятся лишь визуально и требуют колоссальных временных и трудовых затрат (так называемый ручной метод)³⁵.

В целом китайские исследователи придерживаются точки зрения, согласно которой именно стремительное развитие цифровой экономики способствовало и высококачественному развитию сельского хозяйства³⁶, подчеркивая, что именно за счет укрепления сельской цифровой инфраструктуры и вложения в человеческий капитал в сельской местности возможно достичь устойчивого развития сельского хозяйства³⁷. С данными тезисами сложно не согласиться.

В то же время в отдельных работах китайских авторов встречается и достаточно оригинальный подход к малоисследованному в контексте рассматриваемой проблематики вопросу об ответственности производителей «умных» технологий, внедряемых в сельское хозяйство.

³¹ Раевская Е. Г. Применение искусственного интеллекта в сельском хозяйстве Китая (обзор) // *Аграрная наука Евро-Северо-Востока*. 2024. № 25 (5). С. 739–753. URL: <https://doi.org/10.30766/2072-9081.2024.25.5.739-753>.

³² *Khahro D.* China's Evidence on the Facilitating Impact of the Digital Economy for Superior Agricultural Development // *Journal of Global Economics*. 2024. Vol. 12. Iss. 2. P. 1–2.

³³ *Jianhua Zhao, Yanyu Gong.* Analysis on the Mechanism of Digital Economy Boosting the High-quality Development of Agriculture in China // *E3S Web Conf.* 2020. Vol. 218. 02009. DOI: <https://doi.org/10.1051/e3sconf/202021802009>.

³⁴ 山东: 科技春耕绘«丰»景 // URL: http://www.agri.cn/zt/zhzz/zxd/202504/t20250402_8723172.htm (дата обращения: 06.04.2024).

³⁵ 金禾天成农业AR眼镜为智慧植保锻造«火眼金睛» // URL: http://www.agri.cn/zt/zhzz/zxd/202310/t20231020_8052715.htm (дата обращения: 07.04.2024).

³⁶ *Yao Wen, Sun Zhuo.* The Impact of the Digital Economy on High-Quality Development of Agriculture: A China Case Study // *Sustainability*. 2023. No. 15. 5745. DOI: <https://doi.org/10.3390/su15075745>.

³⁷ *Lin Y., Li C.* Towards sustainable development: research on the green growth effect of digital agriculture in China. *Environ Sci Pollut Res Int.* 2023. Jun 30. DOI: 10.1007/s11356-023-28367-2. Epub ahead of print. PMID: 37391557.

Сущность обосновываемой ими позиции состоит в том, что наличие специальных санкций административно-правового характера, применяемых к компаниям — производителям цифровых технологий для сельского хозяйства, может способствовать цифровизации сельского хозяйства за счет того, что компании в целях снижения собственных рисков привлечения к административной ответственности будут увеличивать инвестиции в производственные технологии, повышая тем самым качество производимой продукции («умных» технологий). Это позволит избежать неблагоприятных последствий в ходе их внедрения непосредственно в сельское хозяйство. Соответственно, сдерживающий эффект административных санкций будет способствовать развитию сельскохозяйственной цифровизации³⁸.

С точки зрения права успехи в развитии «умного» сельского хозяйства в Китае породили ряд нарушений, а именно осуществление незаконной деятельности по производству и продаже поддельных семян и их незаконному использованию, незаконное использование запрещенных и ограниченных к применению химикатов, которые ставят под угрозу продовольственную безопасность и качество сельскохозяйственной продукции. Вместе с тем увеличилось и количество судебных споров, связанных с нарушением исключительных прав на географическое указание и наименование места происхождения товара (GI), выражающихся, в частности, в незаконном нанесении их на сельскохозяйственную продукцию (в том числе этикетки), что, в свою очередь, создает риски и для конечных потребителей такой продукции³⁹.

Первым шагом на пути решения этой проблемы стало опубликование Минсельхозом

Китая уведомления о проведении в 2025 г. операции по обеспечению правопорядка «Зеленый меч для защиты продовольственной безопасности» (правоохранительная акция), направленной на повышение эффективности деятельности по выявлению, пресечению и расследованию вышеперечисленных случаев нарушений. Ключевыми задачами правоохранительной акции выступают обеспечение соблюдения законодательства в области качества и безопасности сельскохозяйственной продукции, карантина животных и растений, убоя скота и птицы, а также надзор за биобезопасностью генетически модифицированных сельскохозяйственных продуктов⁴⁰.

Отчасти рассматриваемая проблема может быть решена посредством внедрения системы отслеживания качества и безопасности сельскохозяйственной продукции на основе технологии блокчейн⁴¹. Использование этой технологии в сельском хозяйстве имеет очевидные преимущества (устойчивость к фальсификации информации за счет децентрализации, безопасность передачи информации и пр.)⁴² и влияет в конечном итоге на повышение доверия конечных потребителей к производителям сельскохозяйственной продукции.

В данном контексте следует также обратить внимание на одну из тенденций развития нормативного регулирования цифровизации сельского хозяйства в Китае, которая заключается в детальной проработке, в том числе обсуждении, различных стандартов и правил, касающихся вопросов применения конкретных технологий Индустрии 4.0, используемых в сельском хозяйстве.

Примерами могут служить письмо о запросе мнений по стандарту сельскохозяйственной

³⁸ Yuran Sun, Canping Chen. How do administrative penalties for digital technologies affect the digitization of agriculture: Evidence from China // Preprint (Version 1). Research Square. 2024. January 18. URL: <https://doi.org/10.21203/rs.3.rs-3872457/v1>. URL: <https://www.researchsquare.com/article/rs-3872457/v1> (дата обращения: 07.04.2024).

³⁹ Li L., Chen Y., Gao H., Li C. How to Regulate the Infringements of Geographical Indications of Agricultural Products—An Empirical Study on Judicial Documents in China // Int J Environ Res Public Health. 2023. Mar 11. Vol. 20 (6):4946. DOI: 10.3390/ijerph20064946. PMID: 36981856; PMCID: PMC10049200.

⁴⁰ 农业农村部部署开展2025年绿剑护粮安»执法行动 // 中华人民共和国农业农村部. URL: http://www.moa.gov.cn/ztl/ymksn/xhsbd/202504/t20250407_6472797.htm (дата обращения: 07.04.2024).

⁴¹ Cai Z. Agricultural Product Quality and Safety Traceability System Based on Blockchain Technology // 2nd International Conference on Artificial Intelligence and Autonomous Robot Systems (AIARS). Bristol, United Kingdom, 2023. P. 421–426. DOI: 10.1109/AIARS59518.2023.0.

⁴² Lou C., Liu T., Fu D., Yue S. Design of a Blockchain-Based Agricultural Product Traceability and Recommendation System // International Conference on Computers, Information Processing and Advanced Education (CIPAE). Ottawa, ON, Canada, 2024. P. 225–230. DOI: 10.1109/CIPAE64326.2024.00046.

отрасли «Спецификация сбора информации о качестве и безопасности овощей с использованием блокчейна и отслеживания»⁴³, письмо о запросе предложений по созданию и пересмотру стандартов сельскохозяйственной информационной отрасли в 2024 г.⁴⁴ и пр. Всего же по состоянию на октябрь 2022 г. действовало 135 стандартов⁴⁵.

Наличие нормативной основы для внедрения технологий Индустрии 4.0, бесспорно, стоит оценить положительно. В то же время необходимо признать, что развитие сельского хозяйства в Китае осуществляется далеко не безоблачно. Одной из проблем, характерных для агропромышленного комплекса как Китая, так и России, является нехватка квалифицированных кадров, заинтересованных в работе в сфере сельского хозяйства. Ввиду этого представляет интерес инициатива по созданию национального фонда талантов в области инноваций в сфере агротехнологий для обучения и подготовки высококвалифицированных кадров, знания и навыки которых позволят внедрять и использовать новые технологии для ведения «умного» сельского хозяйства⁴⁶. Кроме того, разработка программ поддержки, которые содержали бы реальные, а не иллюзорные финансовые стимулы для специалистов, доступ к «умным» технологиям и государственная поддержка в связи с их внедрением потенциально могут привлечь специалистов, в том числе молодых, в сельское хозяйство.

Заключение

Проведенный анализ показал, что Китаю благодаря большому объему инвестиций и различным механизмам государственной поддержки внедрения «умных» технологий в сельское хозяйство удалось добиться лидирующих позиций в сельхозпроизводстве, даже несмотря на наличие внешних неблагоприятных факторов.

Помимо этого, положительной оценки заслуживает разработка и общественное обсуждение стандартов использования конкретных «умных» технологий при ведении сельского хозяйства в Китае. Указанный подход позволяет не только учесть мнение всех заинтересованных во внедрении в сельское хозяйство конкретных «умных» технологий лиц, но и предотвратить потенциальные риски при их использовании. Представляется, что подобный регламентационный подход может быть успешно адаптирован к нуждам национального законодательства, в котором применительно к рассматриваемой проблематике количество стандартов (ГОСТ, национальный стандарт; предварительный национальный стандарт) крайне невелико⁴⁷.

Рекомендуется прежде всего разработать и принять в России концепцию построения цифровой системы стандартов для сельского хозяйства по аналогии с принятыми в Китае Руководящими принципами построения цифровой системы стандартов для сельской местности⁴⁸, включающими базовые понятия, модели архитектуры и оценки, стандарты цифровой инфраструктуры (для инфраструктуры информационных сетей, функционирующих в сфере сельского хозяйства и используемых

⁴³ 关于征求《区块链+蔬菜质量安全溯源信息采集规范》农业行业标准意见的函 // 无障碍中华人民共和国农业农村部. URL: http://www.agri.cn/zx/zxdt/202401/t20240116_8601774.htm (дата обращения: 01.04.2024).

⁴⁴ 关于征集2024年农业信息化行业标准项目制修订立项建议的函 // 无障碍中华人民共和国农业农村部. URL: http://www.agri.cn/xhx/xhzbz/202311/t20231127_8063788.htm (дата обращения: 01.04.2024).

⁴⁵ 中华人民共和国农业农村部公告 第576号 // 中华人民共和国农业农村部. URL: http://www.moa.gov.cn/govpublic/ncpzlaq/202207/t20220718_6404976.htm (дата обращения: 01.04.2024).

⁴⁶ Strategies for China's Agricultural Development Toward 2050 / The Comprehensive Group for Research on Agricultural Development Strategy in China by 2050 // Strategic Study of CAE. 2022. Vol. 24. Iss. 1. P. 1–10. URL: <https://doi.org/10.15302/J-SSCAE-2022.01.001>.

⁴⁷ ГОСТ Р 59920-2021. Национальный стандарт Российской Федерации. Системы искусственного интеллекта. Системы искусственного интеллекта в сельском хозяйстве. Требования к обеспечению характеристик эксплуатационной безопасности систем автоматизированного управления движением сельскохозяйственной техники (утв. и введен в действие приказом Росстандарта от 02.12.2021 № 1669-ст) // СПС «КонсультантПлюс».

⁴⁸ 四部门印发《数字乡村标准体系建设指南》到2025年初步建成数字乡村标准体系 // URL: <https://news.ifeng.com/c/8lxhxlRL3Mo> (дата обращения: 08.04.2024).

технологий), стандарты управления ресурсами данных о сельском хозяйстве, стандарты информатизации сельскохозяйственного производства, цифровизации государственных услуг и цифровизации мониторинга окружающей среды, стандарты строительства и управления (в части цифрового сельского планирования и проектирования, инвестиций и строительства, эксплуатации и управления), а также стандар-

ты безопасности (включая безопасность технологических приложений, безопасность данных и т.д.). После этого возможно инициировать подготовку и общественное обсуждение конкретных нормативно-технических актов по вопросам использования «умных» технологий в сельском хозяйстве (национальных стандартов использования блокчейна, беспилотных авиационных систем и др.).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Ланцева В. Ю. Вопросы правового регулирования эксплуатации сельскохозяйственных беспилотных авиационных систем // *Хозяйство и право*. 2025. № 1. С. 78–89.

Матыцин Д. Е. Инвестиции в новые цифровые объекты в условиях правового вакуума и применение экспериментальных правовых режимов // *Современное право*. 2023. № 1. С. 22–26.

Матыцин Д. Е. Инвестиционные сделки в интернет-пространстве для развития сельского хозяйства и обеспечения продовольственной безопасности: вопросы правового регулирования // *Экономика сельского хозяйства России*. 2023. № 10. С. 30–36.

Раевская Е. Г. Применение искусственного интеллекта в сельском хозяйстве Китая (обзор) // *Аграрная наука Евро-Северо-Востока*. 2024. № 25 (5). С. 739–753. URL: <https://doi.org/10.30766/2072-9081.2024.25.5.739-753>.

Чжао Инь, Гнатюк Г. А. Изучение основных направлений углубления сельскохозяйственного сотрудничества между китайской провинцией Хэйлунцзян и российским Дальним Востоком // *Экономические науки*. 2024. № 3 (232). С. 101–108.

Cai Z. Agricultural Product Quality and Safety Traceability System Based on Blockchain Technology // 2nd International Conference on Artificial Intelligence and Autonomous Robot Systems (AIARS). Bristol, United Kingdom, 2023. P. 421–426. DOI: 10.1109/AIARS59518.2023.0.

Jianhua Zhao, Yanyu Gong. Analysis on the Mechanism of Digital Economy Boosting the High-quality Development of Agriculture in China // *E3S Web Conf.* 2020. Vol. 218. 02009. DOI: <https://doi.org/10.1051/e3sconf/202021802009>.

Khahro D. China's Evidence on the Facilitating Impact of the Digital Economy for Superior Agricultural Development // *Journal of Global Economics*. 2024. Vol. 12. Iss. 2. P. 1–2.

Li L., Chen Y., Gao H., Li C. How to Regulate the Infringements of Geographical Indications of Agricultural Products-An Empirical Study on Judicial Documents in China // *Int J Environ Res Public Health*. 2023. Mar 11. Vol. 20 (6):4946. DOI: 10.3390/ijerph20064946. PMID: 36981856. PMCID: PMC10049200.

Lin Y., Li C. Towards sustainable development: research on the green growth effect of digital agriculture in China // *Environ Sci Pollut Res Int*. 2023. Jun 30. DOI: 10.1007/s11356-023-28367-2. PMID: 37391557.

Shao X. Rural community development in China and the industrial shift of the rural population: summary of an international symposium // *Chin J Popul Sci*. 1991. No. 3 (1). P. 11–15. PMID: 12343678.

Zhang Hongzhou. China's Agricultural Power Strategy: What Is It All About? // *IDSS Paper*. 2023. March 29. No. 032. URL: <https://rsis.edu.sg/wp-content/uploads/2023/03/IP23032.pdf> (дата обращения: 07.04.2024).

Zhao J., Luo Q., Deng H., Yan Y. Opportunities and challenges of sustainable agricultural development in China // *Philos Trans R Soc Lond B Biol Sci*. 2008. Feb 27. No. 363 (1492). P. 893–904. DOI: 10.1098/rstb.2007.2190. PMID: 17766236. PMCID: PMC2610116.

Yao Wen, Sun Zhuo. The Impact of the Digital Economy on High-Quality Development of Agriculture: A China Case Study // *Sustainability*. 2023. No. 15. 5745. DOI: <https://doi.org/10.3390/su15075745>.

Yuran Sun, Canping Chen. How do administrative penalties for digital technologies affect the digitization of agriculture: Evidence from China // *Preprint (Version 1)*. Research Square. 2024. January 18. URL: <https://doi.org/10.21203/rs.3.rs-3872457/v1>. URL: <https://www.researchsquare.com/article/rs-3872457/v1> (дата обращения: 07.04.2024).

REFERENCES

Cai Z. Agricultural product quality and safety traceability system based on blockchain technology. 2nd International Conference on Artificial Intelligence and Autonomous Robot Systems (AIARS). 2023. Bristol, United Kingdom. 2023. P. 421–426. DOI: 10.1109/AIARS59518.2023.0.

Jianhua Zhao, Yanyu Gong. Analysis on the mechanism of digital economy boosting the high-quality development of agriculture in China. E3S Web Conf. 2020;218:02009. DOI: <https://doi.org/10.1051/e3sconf/202021802009>.

Khahro D. China's evidence on the facilitating impact of the digital economy for superior agricultural development. *Journal of Global Economics*. 2024;12(02):1-2.

Lantseva VYu. Issues of legal regulation of the operation of agricultural unmanned aircraft systems. *Khozyaystvo i pravo [Business and Law]*. 2025;1:78-89. (In Russ.).

Li L, Chen Y, Gao H, Li C. How to regulate the infringements of geographical indications of agricultural products—an empirical study on judicial documents in China. *International Journal of Environmental Research and Public Health*. 2023;20(6):4946. DOI: 10.3390/ijerph20064946. PMID: 36981856. PMCID: PMC10049200.

Lin Y, Li C. Towards sustainable development: Research on the green growth effect of digital agriculture in China. *Environmental science and pollution research international*. Jun 30. 2023. DOI: 10.1007/s11356-023-28367-2. PMID: 37391557.

Matytsin DE. Investing in new digital objects in a legal vacuum and applying experimental legal regimes. *Sovremennoe pravo [Modern law]*. 2023;1:22-26. (In Russ.).

Matytsin DE. Investment transactions in the Internet space for the development of agriculture and food security: Issues of legal regulation. *Ekonomika selskogo khozyaystva Rossii*. 2023;10:30-36. (In Russ.).

Raevskaya EG. Application of artificial intelligence in Chinese agriculture (review). *Agrarnaya nauka Evro-Severo-Vostoka*. 2024;25(5):739-753. (In Russ.). Available at: <https://doi.org/10.30766/2072-9081.2024.25.5.739-753>.

Shao X. Rural community development in China and the industrial shift of the rural population: Summary of an international symposium. *Chinese journal of population science*. 1991;3(1):11-15. PMID: 12343678.

Yao Wen, Sun Zhuo. The impact of the digital economy on high-quality development of agriculture: A China case study. *Sustainability*. 2023;15:5745. DOI: <https://doi.org/10.3390/su15075745>.

Yuran Sun, Canping Chen. How do administrative penalties for digital technologies affect the digitization of agriculture: Evidence from China. Preprint (Version 1). Research Square. 18 January 2024. Available at: <https://doi.org/10.21203/rs.3.rs-3872457/v1>. Available at: <https://www.researchsquare.com/article/rs-3872457/v1> [cited 2024 April 07].

Zhang Hongzhou. China's Agricultural Power Strategy: What Is It All About? IDSS Paper. No. 032/2023. 29 March 2023. Available at: <https://rsis.edu.sg/wp-content/uploads/2023/03/IP23032.pdf> [cited 2024 April 07].

Zhao Yin, Gnatyuk GA. Study of the main directions of deepening agricultural cooperation between the Chinese province of Heilongjiang and the Russian Far East. *Ekonomicheskie nauki*. 2024;3(232):101-108. (In Russ.).

Zhao J, Luo Q, Deng H, Yan Y. Opportunities and challenges of sustainable agricultural development in China. *Philosophical Transactions of the Royal Society, Series B, Biological Sciences*. 2008;363(1492):893-904. DOI: 10.1098/rstb.2007.2190. PMID: 17766236. PMCID: PMC2610116.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Иншакова Агнесса Олеговна, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры предпринимательского и международного частного права Кубанского государственного университета, профессор кафедры предварительного расследования учебно-научного комплекса по предварительному следствию в органах внутренних дел Волгоградской академии МВД России, ведущий научный сотрудник Волжского института экономики, педагогики и права, эксперт Российской академии наук
д. 149, Ставропольская ул., г. Краснодар 350040, Российская Федерация;
д. 130, Историческая ул., г. Волгоград 400075, Российская Федерация;
д. 6, Советская ул., г. Волжский, Волгоградская обл. 404111, Российская Федерация
ainshakova@list.ru

Тымчук Юлия Александровна, кандидат юридических наук, младший научный сотрудник Волжского института экономики, педагогики и права, младший научный сотрудник Кубанского государственного университета

д. 100, Университетский пр-т, г. Волгоград 400062, Российская Федерация;

д. 6, Советская ул., г. Волжский, Волгоградская обл. 404111, Российская Федерация

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Agnessa O. Inshakova, Dr. Sci. (Law), Professor, Professor, Department of Entrepreneurial and Private International Law, Kuban State University; Professor, Department of Preliminary Investigation, Educational and Scientific Complex for Preliminary Investigation, Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia; Leading Researcher, Volzhsky Institute of Economics, Pedagogy, and Law; Expert of the Russian Academy of Sciences

ul. Stavropolskaya, d. 149, Krasnodar, Russia 350040

ul. Istoricheskaya, d. 130, Volgograd, Russia 400075

ul. Sovetskaya, d. 6, Volzhsky, Volgograd Region, Russia 404111

ainshakova@list.ru

Yulia A. Tymchuk, Cand. Sci. (Law), Junior Researcher, Volzhsky Institute of Economics, Pedagogy, and Law; Junior Researcher, Kuban State University

Universitetsky prospekt, d. 100, Volgograd, Russia 400062

ul. Sovetskaya, d. 6, Volzhsky, Volgograd Region, Russia 404111

Материал поступил в редакцию 14 апреля 2024 г.

Статья получена после рецензирования 15 апреля 2025 г.

Принята к печати 15 июля 2025 г.

Received 14.04.2024.

Revised 15.04.2025.

Accepted 15.07.2025.

DOI: 10.17803/1729-5920.2025.225.8.097-110

Р. А. Шепенко

МГИМО МИД России

г. Москва, Российская Федерация

Правовые основы налоговых проверок в Китайской Республике (Тайвань): взгляд со стороны

Резюме. Концептуально налоговое законодательство всех государств и территорий одинаково. Вместе с тем есть и различия, которые связаны не только с нормами обложения, но и с тем, что привычное подразделение налоговых проверок на выездные и камеральные может четко не прослеживаться в национальном законодательстве. Один из примеров — налоговое законодательство Китайской Республики, более известной как Тайвань. В нем нет прямых указаний на виды проверок. Законодательство этого государства не кодифицировано, и положения о налоговых проверках содержатся в различных нормативных актах. При этом существует определенная специфика используемой терминологии. Обращение к законодательству и практике иностранных государств — это эффективный способ установления того, что называется лучшими практиками. Зачастую опыт отдельных территорий представляет больший интерес, чем общие сведения о нескольких статьях статутах заведомо сравнительно-правовых исследований. Основываясь в первую очередь на положениях различных законов (правил) и подзаконных актов, автор предпринял попытку комплексного рассмотрения вопросов, связанных с налоговыми проверками в Китайской Республике (Тайвань), включая закрепление прав и обязанностей участников правоотношений. В заключение сделан вывод, что количество норм налогового законодательства Китайской Республики, содержание которых ассоциируется с выездными налоговыми проверками, дает основание говорить об их редком применении на практике и указывает на то, что эффективное управление налогообложением возможно и без этой формы налогового контроля.

Ключевые слова: проверка; расследование; налоговая декларация; уклонение от уплаты налогов; обмен информацией; инцидент 228; права налогоплательщиков; Тайвань; КНР

Для цитирования: Шепенко Р. А. Правовые основы налоговых проверок в Китайской Республике (Тайвань): взгляд со стороны. *Lex russica*. 2025. Т. 78. № 8. С. 97–110. DOI: 10.17803/1729-5920.2025.225.8.097-110

Legal Foundations of Tax Audits in the Republic of China (Taiwan): An External Perspective

Roman A. Shepenko

MGIMO University

Moscow, Russian Federation

Abstract. Conceptually, the tax legislation of all states and territories follows the same principles. However, there are differences, not only in taxation rules but also in that the usual division of tax audits into on-site and desk inspections may not be clearly traced in national legislation. One such example is the tax legislation of the Republic of China, more commonly known as Taiwan. Its laws do not directly specify the types of tax audits. The legislation of this state is not codified, and provisions on tax audits are scattered across various regulatory acts. Additionally, there is a certain specificity in the terminology used. Examining the legislation and practices of foreign states is an effective way to identify what are known as best practices. Often, the experience of specific territories is more insightful than general information about statutory provisions from jurisdictions frequently featured in comparative legal studies. Primarily based on the provisions of various laws (regulations) and subordinate

© Шепенко Р. А., 2025

legal acts, the author attempts a comprehensive analysis of issues related to tax audits in the Republic of China (Taiwan), including the rights and obligations of the parties involved in legal relations. In conclusion, the study finds that the number of provisions in the Republic of China's tax legislation associated with on-site inspections suggests their infrequent use in practice. This indicates that effective tax administration is possible even without this form of tax control.

Keywords: audit; investigation; tax return; tax evasion; information exchange; 228 incident; taxpayers' rights; Taiwan; PRC

Cite as: Shepenko RA. Legal Foundations of Tax Audits in the Republic of China (Taiwan): An External Perspective. *Lex russica*. 2025;78(8):97-110. (In Russ.). DOI: 10.17803/1729-5920.2025.225.8.097-110

Введение

Применительно к налоговому праву иностранных государств и территорий обычно выделяются налоговая проверка и расследование как одни из наиболее важных мер, используемых налоговыми органами для обеспечения надлежащего исполнения требований налогового законодательства в целях содействия согласию налогоплательщиков¹.

Известно, например, что так называемая Служба внутренних доходов Сингапура (IRAS) следует системе оценки с четырьмя уровнями проверки: обработка данных, камеральная проверка, выездная проверка и расследование². Выездные проверки проводятся крайне редко³. Расследование сфокусировано на вопросах уклонения от уплаты налогов⁴.

В специальных статутах этого государства употребляются различные термины для указания на соответствующие действия. Так, в Акте Сингапура 1993 г. «О налоге на товары и услуги» неоднократно встречаются английские термины *audit*, *inspection*, *investigation*, некоторые из них переводятся на русский язык дословно⁵.

Языком права Китайской Республики является китайский. Для указания на налоговую (таможенную) проверку в законодательстве используются различные иероглифы, но, как правило, вместе с иероглифом 查, первое его значение — «проверка».

В Законе 1931 г. «О налоге с оборота с добавленной стоимостью и без нее» задействованы иероглифы 查定 (проверять) и иероглифы 稽查 (контролировать, контроль), в Законе 1934 г. «О гербовом налоге» — 檢查 (проверять, осматривать), в Законе 1967 г. «О таможенном налоге» — 查驗 (проверка, досмотр) и 審查 (рассматривать, рассмотрение, проверить, проверка) и т.д.⁶ При этом наряду с ними в законах встречаются и другие иероглифы со значением проверки.

В названия подзаконных актов, именуемых критериями, включены иероглифы 查核 (расследовать и проверять).

Примечательно, что и в составе иероглифов 稽徵機關, используемых для идентификации налоговых органов, первый имеет значение «контролировать, контроль», а второй — «взимание, сбор», т.е. при дословном переводе получается орган по контролю и взиманию. Аналогичный комментарий уместен в отношении Закона 1976 г. «О сборе налогов», в названии которого также есть иероглиф 稽; при дословном переводе его можно обозначить как закон о контроле и взимании налогов.

В целом для налогового (таможенного) законодательства Китайской Республики характерно применение различных иероглифов, близких по своему содержанию к значению расследования и проверки. Такое многообразие несколько усложняет определение формы налогового контроля, что необходимо учитывать.

¹ См.: *Phyllis Mo*. Tax Avoidance and Anti-Avoidance Measures in Major Developing Economies. Westport : Praeger, 2003. P. 90.

² См.: *Das-Gupta A., Mookherjee D*. Incentives and Institutional Reform in Tax Enforcement: an Analysis of Developing Country Experience. Delhi : Oxford University Press, 1998. P. 368.

³ См.: *Chan B*. Singapore // *Tax Risk Management: From Risk to Opportunity* / A. Bakker, S. Kloosterhof (eds.). The Netherlands : IBFD, 2010. P. 369.

⁴ См.: *Shome P*. The Control of Tax Evasion and the Role of Tax Administration // *Tax Systems and Tax Reforms in South and East Asia* / L. Bernardy, A. Frascini, P. Shome (eds.). New York : Routledge, 2007. P. 53.

⁵ IRAS. Tax Acts // URL: <https://www.iras.gov.sg/quick-links/tax-acts> (дата обращения: 18.11.2024).

⁶ Здесь и далее использованы тексты нормативных актов, размещенных на сайте Министерства юстиции (法務部). 可於 // URL: <https://www.moj.gov.tw> (дата обращения: 18.11.2024).

Основная и наиболее распространенная категория выражена иероглифами 調查 (обследовать, расследовать, расследование).

Эти же иероглифы используются и в Методах Министерства финансов 1984 г. «О наложении компенсационных и антидемпинговых налогов». В результате нет терминологического различия между расследованием, предшествующим установлению антидемпинговых и компенсационных налогов, и тем, что, например, в России называется налоговой (таможенной) проверкой.

В налоговом законодательстве Китайской Республики есть нормы, в которых упоминаются уклонение от уплаты налогов и расследование. Однако нет оснований констатировать, что расследование сфокусировано на вопросах уклонения от уплаты налогов, т.е. относится только к выявлению преступлений.

На нормативном уровне к целям расследований отнесено, в частности, следующее:

— достоверность налоговой информации (ст. 30 Закона «О сборе налогов»);

— правильный расчет дохода и налога, подлежащего уплате (ст. 14-3 Закона 1943 г. «О налоге на доход», ст. 15-2 Правил 2005 г. «О базовом налоге на доход», ст. 2 Критериев Министерства финансов 2004 г. «О расследовании и проверке трансфертного ценообразования при налогообложении прибыли коммерческого предприятия»);

— правильная стоимость импортируемых товаров (ст. 42 Закона «О таможенном налоге»).

Отдельно в перечне целей выделяется проверка факта нарушения закона. На основании ст. 22 Закона «О гербовом налоге» любое лицо может сообщить налоговому органу о нарушении закона. В статье 14 инструкции Министерства финансов 1948 г. «О применении Закона “О гербовом налоге”» предусмотрено, что государственный служащий, раскрывший нарушение закона, должен сообщить об этом налоговому органу, который направляет должностное лицо для проверки.

Из анализа положений налогового законодательства следует, что на основе информации, полученной в ходе расследования, могут быть определены:

— цена сделки, расходы или стоимость (ст. 14-6 и 24-5 Закона «О налоге на доход»),

доход (ст. 2 Критериев Министерства финансов «О расследовании и проверке трансфертного ценообразования при налогообложении прибыли коммерческого предприятия»), объем продаж (ст. 22 Закона «О налоге с оборота с добавленной стоимостью и без нее»), цена продажи (ст. 18 Правил 2011 г. «О налоге на отдельные товары и услуги»), плата за пользование (ст. 38 Закона «О таможенном налоге»);

— гербовый налог, налог на стоимость земли, земельный налог, налог на жилье, налог с оборота, налог на развлечения (ст. 8 инструкции Министерства финансов 1993 г. «О применении Закона “О сборе налогов”»).

Эти предписания указывают на то, что расследование в Китайской Республике можно рассматривать как аналог налоговой (таможенной) проверки, что обосновано и в контексте значения соответствующих иероглифов. В некоторых случаях расследование выступает в роли как бы стадии процедуры уплаты налогов, не связанной с выявлением нарушений.

Принимая во внимание необходимость сохранения того, что называется духом права, представляется целесообразным использовать терминологию законодателя Китайской Республики.

Теоретические основы исследования представлены публикациями тайваньских юристов.

Характерная особенность правовой культуры Китайской Республики — значительное количество работ на английском языке. Это обусловлено тем, что большинство специалистов и ученых обучались и получили свои степени за границей⁷. Есть изыскания о становлении районов экспортной переработки и о налоговых правах местных органов власти. Этого нельзя сказать в отношении налоговых проверок. Даже при рассмотрении такого вопроса, как налоговое избежание, налоговые проверки могут не упоминаться⁸.

Российская школа китаеведения богата своими работами, в том числе по праву Китайской Республики, но правовые основы налоговых проверок не привлекли пока внимания ученых. Вместе с тем институт налоговых проверок, безусловно, представляет интерес не только с теоретической, но и с практической точки зрения.

⁷ См.: *Wen-Chen Chang, Jiunn-Rong Yeh. Judges as Discursive Agent: The Use of Foreign Precedents by the Constitutional Court of Taiwan // The Use of Foreign Precedents by Constitutional Judges / by T. Groppi, M-C. Ponthoreau. Oxford : Bloomsbury Publishing, 2013. P. 379.*

⁸ См.: *Keh-Chang Gee, Yuan-Chun (Martin) Lan. Taiwan // A Comparative Look at Regulation of Corporate Tax Avoidance / K. B. Brown (ed.). London ; New York : Springer Science & Business Media, 2011. P. 299–304.*

Система организации налоговых проверок в государстве (территории) важна как для обеспечения поступления налоговых доходов, так и для реализации налоговой политики и, в частности, привлечения иностранных инвесторов. При проведении опросов иностранных инвесторов на предмет того, что играет важную роль в принятии решений об инвестировании, например, в Грузию, лишь шесть из 25 респондентов поставили на первое место величину налоговых ставок, тогда как остальные — именно администрирование налогов⁹.

При рассмотрении правовых основ налоговых проверок в Китайской Республике использовались сравнительно-правовой и формально-логический методы.

В условиях некодифицированного налогового законодательства Китайской Республики цель исследования заключается в том, чтобы посредством комплексного рассмотрения различных нормативных актов охарактеризовать правовые основы налоговых проверок в Китайской Республике, включая закрепление прав и обязанностей участников правоотношений с выделением характерных особенностей регламентации. Это предусматривает и сопоставление с нормами законодательства других государств, в том числе КНР.

В качестве гипотезы можно предположить, что на правовые основы налоговых проверок повлияли историческое наследие и общие тенденции правового регулирования налоговых отношений, осложненных иностранным элементом.

Правовые основы

Источником правового регулирования налоговых проверок служит национальное налоговое законодательство. Международные договоры также могут содержать положения, связанные с налоговыми проверками. Ввиду этого в национальное налоговое законодательство включаются специальные предписания.

Правовые основы налоговых проверок в Китайской Республике были заложены в конце 60-х гг. XX в. По некоторым данным, по пред-

ложению учрежденной в 1968 г. Комиссии по налоговой реформе одновременно с изменением системы налогов была внедрена система налоговых проверок¹⁰.

В Китайской Республике есть определенная специфика в названиях нормативных актов. Например, Законодательная палата принимает правила, равные по своей юридической силе законам, а Министерство финансов, наряду с инструкциями, издает методы и критерии.

Налоговое законодательство не кодифицировано. Есть общий и специальные налоговые законы (правила), а также подзаконные акты. Многие нормативные акты были приняты еще в 30-е и 40-е гг. XX в., и в последующем в них вносились изменения.

Общим налоговым законом является Закон «О сборе налогов». Положения о расследованиях есть как в нем, так и в других нормативных актах.

В связи с проведением расследований в специальных налоговых законах и подзаконных актах содержатся отсылки к положениям общего закона и к другим нормативным актам.

Ссылки на Закон «О сборе налогов» включены в ст. 79 Закона «О налоге на доход», ст. 21 Закона «О гербовом налоге», ст. 33 Критериев Министерства финансов «О расследовании и проверке трансфертного ценообразования при налогообложении прибыли коммерческого предприятия».

В последнем предложении ст. 31 Закона «О сборе налогов» предусмотрено, что в отношении других вопросов, касающихся обыска и выемки, применяются положения Закона 1928 г. «Об уголовном процессе»; в силу ст. 25 Закона «О гербовом налоге» лица, препятствующие проверке уплаты гербового налога, подлежат наказанию за воспрепятствование исполнению государственной функции в соответствии с Уголовным законом 1935 г.

В специальном законе может не быть каких-либо положений о расследовании или проверке, равно как и отсылки к общему закону. Нет их и в Правилах 1998 г. «О налоге на торговлю фьючерсами».

В Законе «О сборе налогов» положения о расследованиях выделены в разд. 6, состоящий

⁹ См.: Купарадзе Г. Налоговая политика и прямые иностранные инвестиции (на примере Грузии) // Кавказ & Глобализация. 2013. Т. 7. Вып. 3–4. С. 103.

¹⁰ См.: Jia-Dong Shea. The Liu-Tsang Proposals for Economic Reform in Taiwan: A Retrospective // Taiwan's Development Experience: Lessons on Roles of Government and Market / E. Thorbecke, H. Wan (eds.). New York : Springer Science & Business Media, 2012. P. 172–173.

из пяти статей (ст. 30–34), но нормы о расследованиях встречаются и в других статьях. В этом разделе нет привычного отечественным специалистам подразделения проверок (расследований) на камеральные и выездные¹¹.

В статье 30 закреплено, что для расследования (проверки) налоговой информации назначенное налоговым органом или Министерством финансов должностное лицо может проводить расследование в отношении организаций или отдельных лиц, запрашивать бухгалтерские книги и иные документы, вызывать налогоплательщиков.

Проведение обыска регламентировано статьей 31. В ней, в частности, установлено, что при подозрении в уклонении от уплаты налога на доход и налога на предпринимательскую деятельность налоговый орган может обратиться в судебный орган за ордером и совместно с местной полицией или иным должностным лицом провести обыск по возможному месту хранения бухгалтерских книг и иных документов.

Это один из немногих случаев, когда в налоговом законодательстве Китайской Республики предусмотрено осуществление действий на определенной территории, т.е. пример того, что обычно ассоциируется с выездной налоговой проверкой. В следующей статье Закона «О сборе налогов» закреплены обязанность представителя налогового органа или следователя, назначенного Министерством финансов, предъявлять свои документы и право проверяемого отказаться от расследования при неисполнении этой обязанности.

Согласно изданному Министерством финансов Руководству о налогах Китайской Республики 2023 г. налоговый орган должен каждый год производить отбор документов для проверки на месте. Выборочная проверка осуществляется в соответствии с количеством должностных лиц, уполномоченных на проведение проверок, и количеством документов, рассмо-

тренных налоговым органом. Иных указаний о выездных налоговых проверках в этом руководстве нет¹².

Практикующие специалисты знают, что проведение в России выездных налоговых проверок в начале 2000-х гг. имело недостатки, что подтверждалось и последующими судебными решениями в пользу налогоплательщиков. В публикациях, наоборот, обычно уделяется много внимания выездным налоговым проверкам и отмечается, что они являются наиболее эффективной формой налогового контроля и т.д.¹³

В общем бюджете на 2024 финансовый год налоговые доходы Китайской Республики должны были составить 84,9 %¹⁴. Международным валютным фондом Тайвань классифицируется как одно из 42 государств с развитой экономикой¹⁵.

Сведения о практике налоговых органов Сингапура и ограниченное количество норм налогового законодательства Китайской Республики, содержание которых ассоциируется с выездными налоговыми проверками, показывают, что налогообложение возможно и без этой формы налогового контроля.

В Законе «О сборе налогов» определена также ответственность в виде штрафов за нарушение требований, связанных с расследованиями.

В статье 46 этого Закона установлена ответственность коммерческих организаций за отказ от расследования, непредоставление информации (штраф от 3 до 30 тыс. NT\$) и за неявку налогоплательщика или его представителя (штраф до 3 тыс. NT\$).

Статьей 46-1 предусмотрена ответственность ведомств, учреждений, коммерческих организаций и отдельных лиц за отказ от расследования, непредоставление информации в нарушение ст. 5-1, посвященной соглашениям об обмене информацией и взаимной помощи (штраф от 3 до 300 тыс. NT\$).

Идентификация Закона «О сборе налогов» как общего закона не означает какую-либо нор-

¹¹ См.: Налоговое право России : учебник / отв. ред. Ю. А. Крохина. 3-е изд. М. : Норма, 2007. С. 323.

¹² R. O. C. Guide to ROC Taxes / Ministry of Finance // URL: <https://www.mof.gov.tw/Eng/singlehtml/254?cntId=7f6fffaa87074dfbaa61ee27d5e8e71b> (дата обращения: 18.11.2024).

¹³ См.: Ковалев В. Н., Харламов М. Ф. Выездные налоговые проверки: планирование и подготовка // Налоговый контроль: налоговые проверки и производство по фактам налоговых правонарушений : учеб.-практ. пособие / под ред. Ю. Ф. Кваши. М. : Юрист, 2001. С. 129.

¹⁴ 行政院主計總處 (Директорат по учету Исполнительной палаты). 可於 // URL: <https://ws.dgbas.gov.tw/001/Upload/462/refile/10310/2289/1.pdf> (дата обращения: 18.11.2024).

¹⁵ См.: Country Composition of WEO Groups / IMF // URL: <https://www.imf.org/en/Publications/WEO/weo-database/2023/April/groups-and-aggregates> (дата обращения: 18.11.2024).

мативную монополию на те или иные вопросы. Так, аналогичное ст. 46 данного Закона положение об ответственности за отказ от расследования содержится в ст. 75 Закона «О таможенном налоге».

Эта ситуация несколько отличается от распределения норм в налоговом законодательстве КНР, которое также не кодифицировано.

Например, в ст. 49 Закона КНР 2007 г. «О налоге на доход предприятий» указано, что за исключением предусмотренного в этом Законе, подлежит применению Закон КНР 1992 г. «Об управлении взиманием налогов», т.е. в специальном законе дана отсылка к общему закону¹⁶. В самом Законе КНР «О налоге на доход предприятий» расследование упоминается только в ст. 43, устанавливающей, что в случаях, когда налоговый орган проводит расследование деятельности связанных сторон, предприятие и связанные с ним стороны, а также другие предприятия, имеющие отношение к расследованию, должны предоставить соответствующую информацию. Иных положений о налоговых проверках в названном специальном законе нет.

В специальных законах Китайской Республики наиболее развернутые положения о расследованиях содержатся в разд. 3 Закона «О налоге на доход» (ст. 80–86) и в разд. 3 Закона 1973 г. «О налоге на наследование или дарение» (ст. 37–42). В Законе «О таможенном налоге» проверкам (досмотрам) посвящен раздел 1 (ст. 16–28).

Как и в случае с Законом «О сборе налогов», положения о расследованиях (проверках) содержатся не только в этих разделах.

Согласно абз. 1 ст. 80 Закона «О налоге на доход» порядок рассмотрения документов, проверка счетов и другие способы и методы расследования, а также критерии расследования и проверки расчета, влияющего на доход, налогооблагаемую сумму и налоговый вычет, определяются Министерством финансов.

В абзацах 2 и 3 той же статьи закреплено, что с учетом количества местных налогоплательщиков налоговый орган может применить метод выборочного расследования и утвердить

стандарты дохода; если сумма дохода, указанная налогоплательщиком, превышает этот стандарт, то он принимается за основу для налогообложения.

Положения абз. 2 и 3 ст. 80 Закона «О налоге на доход» допустимо сравнивать со статьями 34 и 35 Методов Министерства финансов «О наложении компенсационных и антидемпинговых налогов», ограничивающими расследования разумным числом заинтересованных сторон или товаров и расчет средней демпинговой разницы. В антидемпинговом регулировании это называется выборкой (англ. — sample).

Таким образом, в законодательстве Китайской Республики прослеживается связь разных расследований, обусловленная не только терминологией, но и методами.

Правоприменительная практика абз. 3 ст. 80 Закона «О налоге на доход» была предметом рассмотрения Конституционного суда.

Налоговым управлением Северного района провинции Тайвань в 1997 г. было издано Руководство об упрощенной проверке в школах, детских садах и яслях, пунктом 7 которого предусмотрено выборочное расследование 10 % налоговых деклараций. В толковании Судебной палаты 2008 г. № 640 констатируется, что это положение не соответствует абз. 3 ст. 80 Закона «О налоге на доход», увеличивает процессуальное бремя налогоплательщика и нарушает ст. 19 Конституции (1946 г.)¹⁷.

В исследованиях обращается внимание на ограничение регламентации налоговых расследований именно нормами закона¹⁸.

Раздел 3 Закона «О налоге на наследование или дарение» посвящен представлению отчетов и расследованиям. Хотя собственно процедура расследований этим разделом не регламентирована. Единичное упоминание расследований содержится в ст. 39. В ней, как и в ст. 31 Закона «О сборе налогов», определено, что в случаях подозрения уклонения от уплаты налога налоговый орган обращается в судебный орган за ордером на обыск.

Положения разд. 1 Закона «О таможенном налоге» также охватывают не только проверки (досмотры), но и декларирование.

¹⁶ 中华人民共和国中央人民政府 (Центральное народное правительство КНР). 可于 // URL: https://www.gov.cn/banshi/2005-08/31/content_146791.htm (дата обращения: 18.11.2024).

¹⁷ 司法院 (Судебная палата). 可於 // URL: <https://cons.judicial.gov.tw/docdata.aspx?fid=100&id=310821> (дата обращения: 18.11.2024).

¹⁸ См.: 黃俊杰, 黃智謙, 蔡松均. 稅捐規範之司法審查 (Хуан Цзюньцзе, Хуан Чжицянь, Цай Сонцзюнь. Судебный пересмотр налогового закона) // 月旦財經法雜誌. 2013. 第 33 期. 第 98 頁.

В исследованиях на английском языке для идентификации действий, совершаемых таможенными органами, используется, в частности, слово *examination*. Проверка рассматривается как один из пяти шагов процесса таможенной очистки, и обращается внимание на ст. 18 Закона «О таможенном налоге»¹⁹, согласно которой для ускорения таможенного оформления импортируемых товаров таможенный орган может обложить налогом, осмотреть и выпустить товары на основе данных, задекларированных налогоплательщиком, а затем проверить их.

Статьей 13 Закона «О таможенном налоге», не входящей в раздел о декларировании и проверке (досмотре), регламентирована процедура последующего контроля, в рамках которого таможенный орган может провести расследование и истребовать документы.

На основании этой статьи Министерством финансов изданы Методы 2001 г. «О проведении последующего контроля».

Вопросы проведения налоговых проверок выделены в отдельные разделы (главы) в Законе «О налоге с оборота с добавленной стоимостью и без нее» и в Законе «О гербовом налоге».

В первом случае раздел 4 состоит из одной статьи. В статье 44 определено, что контролеры, назначенные Министерством финансов, должны записать имя предпринимателя, время, место, предмет сделки и объем продаж, если они обнаружат, что предприниматель не оформил счет-фактуру, и направить дело в налоговый орган, который передает его в суд для вынесения взыскания.

Во втором случае глава 5 состоит из двух статей. Статьей 21 предусмотрено, что проверка уплаты гербового налога проводится компетентным органом Министерства финансов в

соответствии с положениями Закона «О сборе налогов», а в ст. 22 провозглашено право сообщить налоговому органу о нарушении закона.

Объединяет эти разделы (главы) то, что в них не используются иероглифы, имеющие значение «расследовать».

При осложнении налоговых отношений иностранным элементом для проведения налоговой (таможенной) проверки может понадобиться информация от компетентных органов другого государства (территории).

В конце 1930-х гг. при проведении опросов, организованных Налоговым комитетом Лиги наций, большинство представителей правительств отмечали трудности в процессе обмена информацией и называли соответствующие причины. Эти причины на первый взгляд казались разнообразными, но при более близком рассмотрении было очевидно, что в основе проблемы заявлены сложности изменения законодательства для разрешения правительствам требовать от их подданных информацию, необходимую не для внутренних целей, а для удовлетворения запроса другого государства²⁰.

В начале XXI в. вопрос обмена налоговой информацией занял центральное место в международной повестке дня. Соответствующие положения включены в многосторонние и двусторонние международные договоры, а также в национальное законодательство, например Сянган (Гонконг)²¹.

Международные организации, такие как Организация экономического сотрудничества и развития, регулярно публикуют списки налоговых юрисдикций, отказывающихся от сотрудничества в сфере обмена налоговой информацией. Чтобы избежать попадания в такой список, в 2017 г. Закон «О сборе налогов» дополнили статьями 5-1 и 46-1²².

¹⁹ См.: Tsai Eric, Hung Jui-Lung. Customs Law of Taiwan // Customs Law of East Asia / Chia-Jui Cheng, Jiarui Cheng (eds.). The Netherlands: Kluwer Law International, 2010. P. 210.

²⁰ См.: Report to the Council on the Seventh Session of the Committee. C. 490. M. 331. 1937. II. A. Geneva, 1937, October 11th to 16th / League of Nations. Fiscal Committee. P. 2.

²¹ В соответствии со ст. 3 и 9 Ордонанса 2010 г. «О внутреннем доходе (изменение)» статья 49 Ордонанса 1947 г. «О внутреннем доходе» и статья 58 Ордонанса 1995 г. «О персональных данных (частная жизнь)» были дополнены пунктами 1А. Кроме того, на основании п. 6 ст. 49 Ордонанса «О внутреннем доходе» главой администрации в Совете были приняты Правила 2010 г. «О внутреннем доходе (раскрытие информации)». См.: Шепенко Р. А. Международные налоговые правила : в 2 ч. М. : Юрлитинформ, 2012. Ч. I. С. 402–403.

²² См.: 張富強. 稅務資訊交換制度之研析 / 張富強, 張永明. 關永紅和其他作者. 所得稅法基本問題暨2018臺灣最佳稅法判決 (Чжан Фуцян. Исследование и анализ системы обмена налоговой информацией // Основные вопросы законодательства о подоходном налоге Тайваня и избранные решения за 2018 г. / Чжан Фуцян, Чжан Юнмин. Гуань Юнхун [и др.]). 元照出版公司, 2019. 第 207 頁.

Статьей 5-1 установлено, в частности, следующее:

— обмен информацией не производится, если другая договаривающаяся сторона не исчерпала средства, имеющиеся в ее распоряжении в рамках процедур расследования;

— положения Закона «О сборе налогов» и других законов о конфиденциальности не распространяются на информацию, запрошенную Министерством финансов или уполномоченным им органом при исполнении обязательств из международного договора.

Некоторые вопросы, связанные с проведением расследований, регламентированы также специальными подзаконными актами. В Методах Министерства финансов 2017 г. «Об обмене информацией для целей применения налоговых соглашений» расследования посвящены статьи 8, 13 и 27, а в Критериях Министерства финансов 2010 г. «О проверке соглашений о налоге на доход» — статьи 2, 4, 40 и 43.

Соответствующие положения могут быть темой отдельного исследования, и совокупность предписаний позволяет констатировать надлежащее правовое обеспечение исполнения обязательств из международных договоров.

Китайская Республика имеет статус непризнанного государства (государства де-факто²³), но с ее участием заключено несколько всесторонних соглашений, содержащих положения об обмене информацией.

Дополнительно (притом что страна даже не была членом Организации экономического сотрудничества и развития, но оказалась под давлением некоторых согласованных на многосторонней основе инициатив) были внесены изменения в национальное законодательство, хотя и сделаны определенные оговорки.

Участники правоотношений

Основными участниками правоотношений, возникающих в связи с проведением расследований, являются налоговые (таможенные) органы и налогоплательщики.

Право осуществления налогового контроля обычно предоставляется налоговым органам и их должностным лицам. Положения конституций и налоговых законов отдельных государств и территорий предусматривают наделение

таким полномочием также органов местного самоуправления.

На основании п. 2 ст. 38 Конституции Мальты (утв. приказом 1964 г. «О независимости Мальты») властям местного управления и корпорациям, учрежденным для публичных целей, предоставлено право доступа в помещения любого лица для их инспектирования в целях взыскания любого налога, таксы или платы²⁴.

В Конституции Китайской Республики аналогичных указаний нет.

В налоговом законодательстве встречаются единичные упоминания о праве местных органов власти. Один из примеров — статья 48 Закона 1977 г. «О налоге на землю», которой предусмотрено, что при получении заявления об отсрочке должно быть направлено должностное лицо сельского (городского) поселения, города, района и при подтверждении информации заявление направляется на утверждение в налоговый орган и местный орган по продюльствию.

Полномочия налоговых и таможенных органов Китайской Республики на проведение расследований закреплены в органических законах (ст. 2 Общих правил 1968 г. «Об организации национальных налоговых управлений Министерства финансов в различных регионах и ст. 2 Закона 2012 г. «Об организации таможенного департамента Министерства финансов»).

В отношении демпинга и субсидий расследования отнесены к ведению двух министерств. Компетентным органом по расследованию субсидированного и демпингового импорта является Министерство финансов, в то время как по расследованию того, нанесен ли промышленности ущерб таким импортом, — Министерство экономики. При этом в ст. 3 Методов Министерства финансов «О наложении компенсационных и антидемпинговых налогов» оговаривается, что расследование Министерства экономики проводится Комитетом по торговым расследованиям.

Это так называемая bifurcated system (англ., разветвленная система), позаимствованная из практики США, где Департамент торговли устанавливает демпинг или субсидию, а Комиссия по международной торговле — ущерб.

Как и в случае с термином «расследование», в налоговом законодательстве используются различные термины для идентификации про-

²³ См.: Гудошников Л., Кокарев К. Политическая система Тайваня. М.: Комарм, 1999. С. 3.

²⁴ Legislation Malta // URL: <https://legislation.mt/eli/const/eng> (дата обращения: 18.11.2024).

веряющих, но вывести систему не представляется возможным.

В силу статей 30 и 32 Закона «О сборе налогов» и ст. 43 Критериев Министерства финансов «О проверке соглашений о налоге на доход» следователь может быть назначен Министерством финансов или налоговым органом; в ст. 44 Закона «О налоге с оборота с добавленной стоимостью и без нее» предусмотрено назначение Министерством финансов контролера.

Предоставленное налоговым (таможенным) органам право проведения расследования ограничено временными рамками.

Министерством финансов регулярно издаются Руководства о налогах Китайской Республики на английском языке. В них расследование обозначено английским термином *investigation*; в одном из разделов используется сочетание *gandom checks* (англ., выборочные проверки).

Расследование не выделено в общей части названного руководства, а описывается в контексте отдельных налогов. В руководстве нет указаний о сроках расследований.

В Законе «О сборе налогов» нет прямых аналогов, например, п. 2 ст. 88 и п. 6 ст. 89 Налогового кодекса РФ 1998 г.²⁵ Указания о сроке проведения расследований редко встречаются в специальных налоговых законах и подзаконных актах.

Статьей 29 Закона «О налоге на наследование или дарение» предусмотрено, что налоговый орган должен провести расследование и оценку в течение двух месяцев с даты получения налоговой декларации, определить сумму налога, подлежащую уплате, направить уведомление об уплате налога и уведомить налогоплательщика; при особых обстоятельствах этот срок может быть продлен с утверждения руководителя вышестоящего органа.

Аналогичное содержание имеет статья 18 Правил Правительства 1940 г. «О налоге на сделки», но в ней закреплено, что проверка должна быть завершена налоговым органом в течение 15 дней после получения налоговой декларации.

Таким образом, сроки проведения расследования различаются в зависимости от налога.

В налоговом законодательстве Китайской Республики установлены различные сроки, связанные с расследованиями. Выделяется несколько групп предписаний.

Первая группа — начало расследования.

Обычно проведение расследования обусловлено подачей или неподачей (отчета) налоговой декларации.

Статьями 80 и 102-4 Закона «О налоге на доход» предусмотрено направление налоговым органом следователя после получения отчета (налоговой декларации).

В статье 25 Закона 1946 г. «О налоге на товары» и ст. 33 Закона «О налоге на наследование или дарение» санкционировано проведение расследования при непредставлении (отчета) налоговой декларации в установленные соответствующими статьями сроки.

Эти положения сходны по своему содержанию с действиями в рамках камеральных проверок.

В отличие от этих законов в ст. 5 Правил 1965 г. «О налоге на операции с ценными бумагами» установлено, что налоговые органы могут провести расследование в любое время.

Вторая группа — периоды совершения отдельных действий и расследования.

В Законе «О сборе налогов» определены сроки возврата документов налогоплательщику и проведения обыска: в первом случае это 30 дней после получения от налогоплательщика или связанных с ним лиц (за исключением уклонения от уплаты налогов) с правом продления еще на 30 дней с утверждения руководителя вышестоящего органа (ст. 30), а во втором — 10 дней после выдачи ордера (ст. 31).

По статье 86 Закона «О налоге на доход» срок на возврат документов меньше — семь дней с правом продления, но на семь дней.

В статье 13 Закона «О таможенном налоге» установлено, что если таможенный орган уведомил лицо о проведении последующего контроля в течение шести месяцев со дня, следующего за выпуском импортируемых и экспортируемых товаров, то он может провести его в отношении налогоплательщика, экспортера товаров или связанных с ним лиц в течение двух лет со дня, следующего за выпуском импортируемых и экспортируемых товаров.

Таким образом, отличаются не только сроки проведения расследования, но и периоды совершения отдельных действий.

Полномочия налоговых (таможенных) органов сбалансированы правами лиц, в отношении которых проводится расследование.

Расследования в Китайской Республике косвенно связаны с печальной страницей в истории этого государства.

²⁵ СЗ РФ. 1998. № 31. Ст. 3824.

С 1895 по 1945 г. остров Тайвань (Формоза) был колонией Японии. К этому периоду относятся ряд изменений и нововведений в сфере налогообложения, например в 1910 г. был введен налог на доходы организаций²⁶. Для решения проблемы падения налоговых доходов были учреждены управления по монополиям, контролировавшие производство, поставки, продажи и использование опиума, алкогольных напитков, табака и камфары по установленным ценам; к 1919 г. за счет монополий было обеспечено 75 % налоговых доходов²⁷. После капитуляции Японии прибывший на остров в октябре 1945 г. губернатор провинции Тайвань сохранил систему монополий.

В 1947 г. произошел «инцидент 28 февраля»: следователи Управления монополии на табак при конфискации сигарет ударили продавщицу, и в пришедшей ей на помощь толпе был застрелен один из нападавших²⁸. На следующий день начались массовые беспорядки и при их подавлении, по некоторым оценкам, было убито около 8 тыс. человек²⁹.

Для заявления о том, что уроки истории повлияли на количество норм налогового законодательства, предусматривающих нахождение проверяющих на территории налогоплательщика, нет оснований. Однако не исключено, что из-за этого отрицательного опыта или, во всяком случае, приняв его к сведению в нормативных актах Китайской Республики достаточно заметное место отвели вопросам защиты прав налогоплательщиков при проведении расследований.

Среди относящихся правовых предписаний обращают на себя внимание нормы ст. 11 Закона 2016 г. «О защите прав налогоплательщиков». В ней провозглашено, в частности, следующее:

— методы расследования должны быть законными, необходимыми и не нарушать основные права налогоплательщика;

— налоговый орган несет бремя доказывания фактов, если иное не предусмотрено законом;

— доказательства, полученные в ходе незаконного расследования, не должны использоваться в качестве основания для определения налогообложения или взыскания;

— до определения налога или взыскания налогоплательщику должна быть предоставлена возможность заблаговременно дать объяснения.

Тайваньские ученые подчеркивают важность нормы о доказательствах, полученных в ходе незаконного расследования, характеризуя ее как запрет использования доказательств³⁰. После принятия Закона «О защите прав налогоплательщиков» начали меняться подходы к вопросу защиты прав налогоплательщиков: в январе 2017 г. на заседании судей Высшего административного суда было указано на необходимость учета прав и на то, что суд не связан доводами сторон³¹.

Положения Закона «О защите прав налогоплательщиков» являются уточнением некоторых норм общих и специальных налоговых законов (правил) и подзаконных актов.

Примерами выступают статья 30 Закона «О сборе налогов» и статья 9 Методов Министерства финансов 1986 г. «Об определении размера специального налога с оборота». В статье 30 закреплено, что расследование не должно выходить за рамки, необходимые для целей налогообложения, а в ст. 9 — что при несогласии предпринимателя с оценкой продаж налоговым органом должно быть направлено другое лицо для расследования и может быть сформирована группа для оценки.

В законодательстве Китайской Республики есть и другие положения, обеспечивающие защиту прав налогоплательщиков, таких как право на соблюдение конфиденциальности (ст. 12 Закона «О таможенном налоге», ст. 33 Закона «О налоге на доход») и др.

²⁶ См.: *Shunsuki Nakaoka*. The Colonial Taxation Policy, Income Tax and the Modern Japanese Empire // *Studies in the History of Tax Law* / P. Harris, D. de Cogan (eds). Oxford : Bloomsbury Publishing, 2021. P. 375.

²⁷ См.: *Tai-Ching Kuo, Myers R. H.* Taiwan's Economic Transformation: Leadership, Property Rights and Institutional Change 1949–1965. London ; New York : Routledge, 2012. P. 23–24.

²⁸ См.: 翁嘉禧. 二二八事件與台灣經濟發展 (Вэн Цзяси. Инцидент 28 февраля и экономическое развитие Тайваня). 巨流出版, 2007. 第 157 頁.

²⁹ См.: 褚静涛. 二二八事件研究 (Чу Цзинтао. Расследование инцидента, произошедшего 28 февраля). 社会科学文献出版社, 2012. 第 559 頁.

³⁰ См.: 陳清秀. 稅法總論 (Чэнь Цинсю. Общая теория налогового права). 元照出版公司, 2019. 第 193 頁.

³¹ См.: 蔡佩欣. 論推計課稅與漏稅罰 (Цай Пэйсинь. Удержание налогов и штрафы за уклонение от уплаты налогов). 元照出版公司, 2022. 第 70 頁.

В связи с этим, если сравнивать эти положения с посвященной налоговой проверке главой 4 Закона КНР «Об управлении взиманием налогов», то правами проверяемого лица, провозглашенными в ст. 59 этой главы, является лишь право на соблюдение конфиденциальности и право на отказ от проверки при непредставлении акта и уведомления о налоговой проверке.

Вопрос сопоставления с законодательством КНР, как и в случае со сроками проведения расследований в Китайской Республике, требует дополнительной проработки с учетом данных о правоприменительной практике, но на нормативном уровне заметны существенные отличия.

Заключение

Герой фильма «Красный угол» (1997 г., режиссер Дж. Эвнет) — американский юрист, арестованный в КНР по обвинению в убийстве, — просит передать ему Уголовный кодекс, переведенный на английский язык, после изучения апеллирует к его нормам в суде и в итоге признается виновным.

Вне рамок кинематографа ознакомление с текстом отдельно взятого нормативного акта (или даже нескольких законов и подзаконных актов) иностранного государства не образует достаточного источника информации. Иллюстрацией того, что «закон не есть право», являются правовые основы налоговых расследований в Китайской Республике.

Налоговое законодательство этого государства в части регламентации налоговых (таможенных) проверок характеризуется использованием различных, но близких по значению терминов (иероглифов). Основная категория — это расследование.

Языком права КНР также является китайский, но в законодательстве в основном используется лишь две группы иероглифов: 检查 (проверять, осматривать) и 调查 (обследовать, расследовать, расследование). Причем есть и сочетание 税务检查, которое переводится как налоговая проверка; в законодательстве Китайской Республики не выявлены случаи каких-либо определений расследований.

Общей целью расследования в Китайской Республике можно считать правильность определения налога, подлежащего уплате, что отличается от целей расследования, предшествующего установлению антидемпингового или компенсационного налогов.

Несмотря на использование широкого круга терминов, для идентификации отличающихся по своим целям расследований, предшествующих установлению антидемпинговых и компенсационных налогов, и того, что называется налоговой (таможенной) проверкой, задействован один и тот же термин. Наряду с этим в некоторых случаях совпадают и методы расследований.

Наличие общего налогового закона не противоречит включению в специальные законы положений о налоговой проверке. При некодифицированном налоговом законодательстве осложнена возможность определения административной нагрузки. Отсутствие общих положений о сроках ведет к тому, что различаются сроки не только проведения расследований, но и совершения отдельных действий.

Оценка норм налогового (таможенного) законодательства Китайской Республики о расследованиях при рассмотрении через призму наличия или отсутствия прямых аналогов норм отечественного закона представляется неверной. Например, что касается сроков, то практикующим юристам хорошо известны примеры, когда период проведения в России налоговых проверок выходит за нормативные рамки без формальных нарушений. Соответственно, академическое заявление об узаконении не всегда имеет практическую значимость.

Количество норм налогового законодательства Китайской Республики, содержание которых ассоциируется с выездными налоговыми проверками, дает основание говорить об их редком использовании на практике и указывает на то, что эффективное управление налогообложением возможно и без этой формы налогового контроля.

Данный вопрос актуален применительно к отечественной практике налогового контроля. В отсутствие формального моратория на проведение выездных налоговых проверок начиная с периода распространения новой коронавирусной инфекции такие проверки не проводились, в частности, в отношении организаций, осуществляющих транспортную обработку грузов, и аффилированных с ними лиц. Информации об отрицательных последствиях этой практики нет, и, соответственно, вероятно, это повод для переоценки соответствующей формы налогового контроля. Действительно, в условиях цифровизации, при наличии у налоговых органов в том числе права на осмотр систематические формальные выезды должностных лиц по месту

нахождения организаций в некоторых случаях выглядят архаично.

Тот факт, что Китайская Республика имеет статус непризнанного государства, не сказывается на влиянии на ее национальное законодательство согласованных на многосторонней

основе инициатив. Более того, хотя она даже не является членом соответствующей международной организации, в ее законодательстве достаточно подробно регламентированы вопросы, обеспечивающие исполнение обязательств по достигнутым договоренностям.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Гудошников Л., Кокарев К. Политическая система Тайваня. М. : Комарм, 1999. 198 с.
- Ковалев В. Н., Харламов М. Ф. Выездные налоговые проверки: планирование и подготовка // Налоговый контроль: налоговые проверки и производство по фактам налоговых правонарушений : учеб.-практ. пособие / под ред. Ю. Ф. Кваши. М. : Юрист, 2001. С. 103–232.
- Купарадзе Г. Налоговая политика и прямые иностранные инвестиции (на примере Грузии) // Кавказ & Глобализация. 2013. Т. 7. Вып. 3–4. С. 91–107.
- Налоговое право России : учебник / отв. ред. Ю. А. Крохина. 3-е изд. М. : Норма, 2007. 752 с.
- Chan B. Singapore // Tax Risk Management: From Risk to Opportunity / A. Bakker, S. Kloosterhof (eds.). The Netherlands : IBFD, 2010. P. 535–582.
- Das-Gupta A., Mookherjee D. Incentives and Institutional Reform in Tax Enforcement: an Analysis of Developing Country Experience. Delhi : Oxford University Press, 1998. 478 p.
- Jia-Dong Shea. The Liu-Tsang Proposals for Economic Reform in Taiwan: A Retrospective // Taiwan's Development Experience: Lessons on Roles of Government and Market / E. Thorbecke, H. Wan (eds.). New York : Springer Science & Business Media, 2012. P. 166–175.
- Keh-Chang Gee, Yuan-Chun (Martin) Lan. Taiwan // A Comparative Look at Regulation of Corporate Tax Avoidance / K. B. Brown (ed.). London ; New York : Springer Science & Business Media, 2011. P. 299–304.
- Phyllis Mo. Tax Avoidance and Anti-Avoidance Measures in Major Developing Economies. Westport : Praeger, 2003. 224 p.
- Shome P. The Control of Tax Evasion and the Role of Tax Administration // Tax Systems and Tax Reforms in South and East Asia / L. Bernardy, A. Frascini, P. Shome (eds.). New York : Routledge, 2007. 272 p.
- Shunsuki Nakaoka. The Colonial Taxation Policy, Income Tax and the Modern Japanese Empire // Studies in the History of Tax Law / P. Harris, D. de Cogan (ed.). Oxford : Bloomsbury Publishing, 2021. P. 363–388.
- Tai-Ching Kuo, Myers R. H. Taiwan's Economic Transformation: Leadership, Property Rights and Institutional Change 1949–1965. London ; New York : Routledge, 2012. 176 p.
- Tsai Eric, Hung Jui-Lung. Customs Law of Taiwan // Customs Law of East Asia / Chia-Jui Cheng, Jiarui Cheng (eds). The Netherlands : Kluwer Law International, 2010. P. 209–242.
- Wen-Chen Chang, Jiunn-Rong Yeh. Judges as Discursive Agent: The Use of Foreign Precedents by the Constitutional Court of Taiwan // The Use of Foreign Precedents by Constitutional Judges / by T. Groppi, M.-C. Ponthoreau. Oxford : Bloomsbury Publishing, 2013. P. 373–392.
- 張富強. 稅務資訊交換制度之研析 / 張富強, 張永明. 關永紅和其他作者. 所得稅法基本問題暨2018臺灣最佳稅法判決 (Чжан Фуцянь. Исследование и анализ системы обмена налоговой информацией // Основные вопросы законодательства о подоходном налоге Тайваня и избранные решения за 2018 г. / Чжан Фуцянь, Чжан Юнмин, Гуань Юнхун [и др.]). 元照出版公司, 2019. 頁. 205–224.
- 翁嘉禧. 二二八事件與台灣經濟發展 (Вэн Цзяси. Инцидент 28 февраля и экономическое развитие Тайваня). 巨流出版, 2007. 293頁.
- 蔡佩欣. 論推計課稅與漏稅罰 (Цай Пэйсинь. Удержание налогов и штрафы за уклонение от уплаты налогов). 元照出版公司, 2022. 144 頁.
- 褚靜濤. 二二八事件研究 (Чу Цзинтао. Расследование инцидента, произошедшего 28 февраля). 社会科学文献出版社, 2012. 615 頁.
- 陳清秀. 稅法總論 (Чэнь Цинсю. Общая теория налогового права). 元照出版公司, 2019. 850 頁.
- 黃俊杰, 黃智謙, 蔡松均. 稅捐規範之司法審查 (Хуан Цзюньцзе, Хуан Чжицянь, Цай Сонцзюнь. Судебный пересмотр налогового закона) // 月旦財經法雜誌. 2013. 第 33 期. 頁. 93–128.

REFERENCES

- Cai Peixin. Withholding taxes and penalties for tax evasion [蔡佩欣. 論推計課稅與漏稅罰]. 元照出版公司. 2022:144. (In Chinese).
- Chan B. Singapore. In: Bakker A, Kloosterhof S, editors. Tax Risk Management: From Risk to Opportunity. The Netherlands: IBFD; 2010. P. 535–582.
- Chen Qingxiu. General theory of tax law [陳清秀. 稅法總論]. 元照出版公司. 2019:850. (In Chinese).
- Chu Jintao. Investigation of the incident that occurred on February 28 [褚静涛.....]. 社会科学文献出版社. 2012:615. (In Chinese).
- Das-Gupta A, Mookherjee D. Incentives and institutional reform in tax enforcement: An analysis of developing country experience. Delhi: Oxford University Press; 1998.
- Gudoshnikov L, Kokarev K. Taiwan's political system. Moscow: Komarm Publ.; 1999. (In Russ.).
- Huang Junjie, Huang Zhiqian, Cai Songjun. Judicial review of the tax law [黃俊杰, 黃智謙, 蔡松均. 2013;33:93-128. (In Chinese).
- Jia-Dong Shea. The Liu-Tsang proposals for economic reform in Taiwan: A retrospective. In: Thorbecke E, Wan H, editors. Taiwan's development experience: Lessons on roles of government and market. New York: Springer Science & Business Media; 2012. P. 166–175.
- Keh-Chang Gee, Yuan-Chun (Martin) Lan. Taiwan. In: Brown KB, editor. A comparative look at regulation of corporate tax avoidance. London; New York: Springer Science & Business Media; 2011. P. 299–304.
- Kovalev VN, Kharlamov MF. On-site tax audits: planning and preparation. In: Kvasha YuF, editor. Tax control: Tax audits and proceedings on tax offenses. A study guide. Moscow: Yurist Publ.; 2001. Pp. 103–232. (In Russ.).
- Krokhina YuA. Tax control. In: Krokhina YuA, ed. Tax law of Russia: A textbook. 3rd ed. Moscow: Norma Publ.; 2007. (In Russ.).
- Kuparadze G. Tax policy and foreign direct investment (Georgia case study). *Kavkaz & globalizatsiya*. 2013;7(3-4):91-107. (In Russ.).
- Phyllis Mo. Tax avoidance and anti-avoidance measures in major developing economies. Westport: Praeger; 2003.
- Shome P. The control of tax evasion and the role of tax administration. In: Bernardy L, Frascini A, Shome P, editors. Tax systems and tax reforms in South and East Asia. New York: Routledge; 2007.
- Shunsuki Nakaoka. The colonial taxation policy, income tax and the modern Japanese Empire. In: Harris P, Cogan D de, editors. Studies in the history of tax law. Oxford: Bloomsbury Publishing; 2021. P. 363–388.
- Tai-Ching Kuo, Ramon Hawley Myers. Taiwan's economic transformation: Leadership, property rights and institutional change 1949–1965. London; New York: Routledge; 2012.
- Tsai Eric, Hung Jui-Lung. Customs law of Taiwan. In: Chia-Jui Cheng, Jiarui Cheng, editors. Customs law of East Asia. The Netherlands: Kluwer Law International; 2010. P. 209–242.
- Wen-Chen Chang, Jiunn-Rong Yeh. Judges as discursive agent: The use of foreign precedents by the Constitutional Court of Taiwan. In: Groppi T, Ponthoreau M-C. The use of foreign precedents by constitutional judges. Oxford: Bloomsbury Publishing; 2013. P. 373–392.
- Weng Jiayi. The February 28 incident and Taiwan's economic development [翁嘉禧. 二二八事件與台灣經濟發展]. 巨流出版. 2007:293. (In Chinese).
- Zhang Fuqiang. Research and analysis of the tax information exchange system. In: Zhang Fuqiang, Zhang Yongming, Guan Yonghong, et al. The main issues of Taiwan's income tax legislation and selected decisions for 2018 [張富強. 稅務資訊交換制度之研析 / 張富強, 張永明, 關永紅和其他作者. 2018]. 2019:205-224. (In Chinese).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Шепенко Роман Алексеевич, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры административного и финансового права международно-правового факультета МГИМО МИД России д. 76, Вернадского пр., г. Москва 119454, Российская Федерация
r.shepenko@inno.mgimo.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Roman A. Shepenko, Dr. Sci. (Law), Professor, Professor, Department of Administrative and Financial Law, Faculty of International Law, MGIMO University, Ministry of Foreign Affairs of Russia, Moscow, Russian Federation
r.shepenko@inno.mgimo.ru

*Материал поступил в редакцию 18 ноября 2024 г.
Статья получена после рецензирования 20 ноября 2024 г.
Принята к печати 15 июля 2025 г.*

*Received 18.11.2024.
Revised 20.11.2024.
Accepted 15.07.2025.*

DOI: 10.17803/1729-5920.2025.225.8.111-126

Б. А. Шахназаров

Московский государственный юридический
университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
г. Москва, Российская Федерация

Подходы КНР к охране интеллектуальных прав на программное обеспечение с открытым исходным кодом, а также на результаты, созданные с его помощью, включая решения на основе систем искусственного интеллекта и охрану авторских прав в процессе их обучения

Резюме. Подходы КНР к регулированию отношений, связанных с использованием открытых ресурсов, программного обеспечения с открытым исходным кодом, заслуживают особого внимания ввиду масштабного использования китайских решений в мире. Активность Китая в области программного обеспечения с открытым исходным кодом резко возросла в 2020 г., заложив основу для того типа инноваций, который можно констатировать сегодня. Энергично поощряя культуру создания программного обеспечения с открытым исходным кодом, Китай обеспечил широкий круг разработчиков доступом к инструментам искусственного интеллекта, а не ограничил их несколькими доминирующими компаниями. В обозначенном контексте возникает проблема охраны интеллектуальных прав на результаты интеллектуальной деятельности, созданные с помощью или на основе программного обеспечения с открытым исходным кодом, прежде всего посредством генеративного искусственного интеллекта. Важно понимать, что именно в законодательстве об авторском праве конкретного государства с учетом территориального принципа охраны интеллектуальной собственности могут быть реализованы те или иные режимы свободного использования произведений, к которым относятся и программы для ЭВМ. При этом, как представляется, невозможно игнорировать то обстоятельство, что использование открытого исходного кода и реализация с учетом этого различных решений и сервисов на основе искусственного интеллекта также зачастую предполагают творческую деятельность, сопряженную с созданием результатов интеллектуальной деятельности. Китайский подход предусматривает решение ключевых правовых проблем, связанных с широким применением систем искусственного интеллекта, и ввиду его модельного характера может быть использован при развитии законодательства в сфере искусственного интеллекта в России и в рамках БРИКС в целом.

Ключевые слова: программное обеспечение; программы для ЭВМ; открытый исходный код; искусственный интеллект; генеративный ИИ; свободные лицензии; DeepSeek; интеллектуальная собственность; open source; обучение ИИ; охрана авторских прав

Для цитирования: Шахназаров Б. А. Подходы КНР к охране интеллектуальных прав на программное обеспечение с открытым исходным кодом, а также на результаты, созданные с его помощью, включая решения на основе систем искусственного интеллекта и охрану авторских прав в процессе их обучения. *Lex russica*. 2025. Т. 78. № 8. С. 111–126. DOI: 10.17803/1729-5920.2025.225.8.111-126

Благодарности. Исследование выполнено в рамках программы стратегического академического лидерства «Приоритет-2030».

China's Approaches to Protecting Intellectual Property Rights in Open-Source Software and AI-Generated Products, Including Copyright Protection in AI Training

Benjamin A. Shakhnazarov

Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
Moscow, Russian Federation

Abstract. China's regulatory approaches to open-source resources and software deserve special attention due to the widespread global use of Chinese-developed solutions. China's activity in the open-source software sector surged in 2020, laying the foundation for the type of innovations seen today. By actively fostering an open-source development culture, China has provided a broad range of developers with access to AI tools rather than restricting them to a few dominant corporations. Within this context, the issue of protecting intellectual property rights over products created using or based on open-source software, particularly through generative AI, has become critical. It is important to recognize that copyright laws in a given country, governed by the territorial principle of IP protection, determine the specific regimes for the fair use of works, including computer programs. At the same time, it is impossible to ignore the fact that the use of open-source code and the development of AI-based solutions and services often involve creative efforts leading to new intellectual property. China's approach addresses key legal challenges arising from the widespread use of AI systems. Given its model-like adaptability, it could serve as a reference for the development of AI legislation in Russia and across the BRICS nations as a whole.

Keywords: software; computer programs; open source; artificial intelligence; generative AI; free licenses; DeepSeek; intellectual property; open source; AI training; copyright protection

Cite as: Shakhnazarov BA. China's Approaches to Protecting Intellectual Property Rights in Open-Source Software and AI-Generated Products, Including Copyright Protection in AI Training. *Lex russica*. 2025;78(8):111-126. (In Russ.). DOI: 10.17803/1729-5920.2025.225.8.111-126

Acknowledgements. The study was carried out within the framework of «Priority-2030» Strategic Academic Leadership Program.

Введение

Подходы КНР к регулированию отношений, связанных с использованием открытых ресурсов, программного обеспечения с открытым исходным кодом, заслуживают особого внимания ввиду широкого применения китайских решений в мире.

Понятие «открытый исходный код» относится к двум различным концепциям¹. Во-первых, и это самое важное, оно относится к нескольким лицензиям, распространяемым с открытым программным обеспечением. Особенно следует отметить лицензию GNU General Public License (GPL) и лицензию Berkeley Systems Distribution (BSD). Во-вторых, оно относится ко всей системе разработки программного обеспечения, которая предполагает прозрачность и распределенную ответственность как основу качественного программного обеспечения. Эти

два определения охватывают широкий спектр программного обеспечения с различными ограничениями авторских прав. Диапазон настолько велик, что Free Software Foundation (Фонд открытого программного обеспечения — некоммерческая организация) предоставляет исчерпывающий список определений и диаграмм, чтобы объяснить тонкости «открытого программного обеспечения» по сравнению с «открытым исходным кодом».

GPL-лицензия на открытое программное обеспечение, созданная в рамках проекта GNU в 1988 г., по которой автор передает программное обеспечение в общественное достояние, устанавливает несколько требований. Во-первых, исходный код должен быть свободно доступен «в том же месте», что и исполняемый файл. Обычно это означает, что исходный файл должен быть свободно загружен с того же веб-сайта или на том же диске, что и исполняемая программа.

¹ См.: Patel N. Open source and china: inverting copyright? // URL: <https://api.law.wisc.edu/repository-pdf/uwlaw-library-repository-omekav3/original/c87a5fdf9e9c4085f6dda91e88c697fc269c206e.pdf> (дата обращения: 25.02.2024).

Во-вторых, исходный код должен быть модифицируемым и распространяемым, то есть любой, кто хочет изменить код и распространить программу, должен иметь возможность сделать это. В-третьих, и это самое важное, любой, кто распространяет измененную версию программного обеспечения GPL, должен также лицензировать программное обеспечение по GPL. Таким образом, GPL часто называют вирусным, потому что оно пронизывает любое программное обеспечение, которое включает код GPL. Важное исключение из вирусной природы GPL — положение о «простом агрегировании», которое предполагает, что программное обеспечение GPL может распространяться с другим программным обеспечением, не являющимся GPL, если оно «просто агрегировано» в том же месте. Обозначенное предполагает, что, например, диск DVD-ROM, содержащий Linux (лицензированный по GPL), может также содержать другое программное обеспечение, не являющееся GPL².

Вирусная природа GPL проявляется только в том случае, если исходный код GPL изменяется и распространяется. Например, TiVo, Inc. продает персональный видеомаягнитофон, который использует специальную версию ядра Linux, работающую на оборудовании PowerPC. Его версия Linux свободно доступна в Интернете. Однако то, что большинство людей считают TiVo, на самом деле есть специальное приложение, работающее поверх операционной системы Linux, которую TiVo не лицензировала по GPL. Приложение «просто агрегируется» с Linux на жестком диске TiVo, и GPL не допускает просто использовать его. Linux — наиболее известное программное обеспечение GPL, доступное в настоящее время. Это полноценная операционная система, состоящая из основного ядра и пользовательской среды.

Стандартный дистрибутив Linux, такой как Red Hat Linux или Debian Linux, состоит из нескольких компонентов: загрузчика, который запускает машину; ядра, которое управляет системой; драйверов, которые взаимодействуют между оборудованием и ядром; пользовательской среды, которая может быть знакомым графическим пользовательским интерфейсом (далее GUI) или текстовой оболочкой, такой как `bash` или `tcsh`; и нескольких программ, которые позволяют пользователю выполнять общие задачи, такие как просмотр веб-стра-

ниц или обработка текста. Каждый из этих компонентов независим от других, что позволяет бинарному дистрибутиву Linux включать как GPL-, так и не-GPL-код в соответствии с положением «простой агрегации». Например, общий графический интерфейс Linux — это система X-Window, которая не лицензируется по GPL, но лицензируется по своей собственной лицензии — лицензии XFree86 Project. Некоторое популярное программное обеспечение, работающее в Linux, является полностью оригинальным (проприетарным, то есть принадлежащим разработчикам), например упомянутое выше приложение TiVo или версии Adobe Acrobat и RealPlayer для Linux. Последствия открытого программного обеспечения заключаются не в исключительном использовании GPL, а в природе компаний — разработчиков программного обеспечения, которые распространяют программное обеспечение с открытым исходным кодом, в частности Linux.

Такие компании, как Red Hat, не продают никакого оригинального программного обеспечения и не рассчитывают получать прибыль напрямую от продажи программного обеспечения с открытым исходным кодом. Поскольку весь код доступен, любой желающий может просто загрузить само программное обеспечение. Вместо этого Red Hat оказывает услуги по сервисному обслуживанию и поддержку. По сути, ее продукт — это снижение сложности, связанной с использованием Linux. Аналогично IBM продает мощные серверы, работающие под управлением Linux. Реклама IBM фокусируется на том факте, что эти серверы работают под управлением Linux, хотя Linux не дает прямого конкурентного преимущества — Linux работает практически на любом доступном оборудовании. IBM между тем с помощью маркетинга и рекламы продвигает свои специализированные навыки в обслуживании и поддержке, используя Linux как символ сложности.

В обозначенном контексте важно подчеркнуть, что, поскольку практически отсутствует стимул разрабатывать открытое программное обеспечение для прямого получения прибыли, открытое программное обеспечение существует далеко за пределами традиционного подхода к авторскому праву. Но открытое программное обеспечение по-прежнему требует своей защиты. Автор программного обеспечения с открытым исходным кодом, будь то кор-

² См.: Patel N. Op. cit.

порация или студент колледжа, явно отвергает эту монополию в пользу GPL (или какой-либо другой лицензии с открытым исходным кодом). Однако авторы программного обеспечения с открытым исходным кодом также явно зависят от законодательства об авторском праве, поскольку именно соответствующие нормативные основы придают силу и смысл различным лицензиям.

Важно понимать, что именно в законодательстве об авторском праве конкретного государства, с учетом территориального принципа охраны интеллектуальной собственности, могут быть реализованы те или иные режимы свободного использования произведений, к которым относятся и программы для ЭВМ. Рассматриваемый институт свободного использования произведений не является какой-либо формальностью и не должен быть использован в рамках выполнения каких-либо формальностей, так как это вытекает из положений п. 2 ст. 5 Бернской конвенции по охране литературных и художественных произведений, согласно которым для охраны авторских прав не требуется выполнение каких-либо формальностей и, помимо установленных Конвенцией положений, объем охраны, равно как и средства защиты, предоставляемые автору для охраны его прав, регулируются исключительно законодательством страны, в которой истребуется охрана.

Стоит отметить, что регулирование отношений по свободному использованию произведений будет осуществляться правом каждого конкретного государства, применительно к которому рассматривается возможность свободного использования произведения, в контексте коллизионной нормы *lex loci protectionis*.

Положениями ст. 9 Бернской конвенции предусмотрена охрана исключительного права автора разрешать воспроизведение произведений любым образом и в любой форме. При этом на уровне национального законодательства государства — участника Бернской конвенции может разрешаться воспроизведение произведений в определенных особых случаях при условии, что такое воспроизведение не наносит ущерба нормальному использованию произведения и не ущемляет необоснованным образом законные интересы автора.

Интересы автора положены в основу международно-правовой охраны авторских прав,

«нормальное использование» которых также обеспечивается положениями Бернской конвенции. При общей описательности обозначенных критериев Бернская конвенция содержит чуть больше конкретики применительно к некоторым случаям свободного использования произведений: цитаты; иллюстрации для обучения при указании источника и автора (ст. 10); дополнительные случаи возможного свободного использования произведений: определенных статей и произведений, переданных в эфир; произведений, показанных или оглашенных в связи с текущими событиями (ст. 10-bis).

Важно, что Бернская конвенция отдельно выделяет возможность передачи произведения для всеобщего сведения любым способом беспроводной передачи знаков, звуков или изображений, что также является исключительным правом авторов (ст. 11-bis). В то же время предусмотрена определенная дискреция государств — участников Конвенции. Так, именно национальным законодательством государств — участников Конвенции определяются условия осуществления прав передачи произведения для всеобщего сведения любым способом беспроводной передачи знаков, звуков или изображений, однако эти условия применяются только в тех странах, которые их установили. Но такие условия ни в коем случае не должны ущемлять личные неимущественные права автора или принадлежащее автору право на получение справедливого вознаграждения, которое, при отсутствии соглашения, устанавливается компетентным органом.

Таким образом, хотя Бернская конвенция не регулирует напрямую случаи свободного использования программ для ЭВМ с открытым исходным кодом, она в совокупности с положениями соглашения ТРИПС (ст. 10), устанавливающего охрану компьютерных программ как литературных произведений с ссылкой к положениям Бернской конвенции, по сути, закрепляет исключительное право автора передавать программы для ЭВМ для всеобщего сведения любым способом и право государств — участников Конвенции определять возможные случаи свободного произведения в обозначенном контексте.

Отмечается³, что интерес автора с открытым исходным кодом к защите авторских прав нетрадиционный (потому что нет ожидания прямой прибыли от программного обеспе-

³ См.: *Patel N. Op. cit.*

чения), но явный (потому что возможность предоставления лицензии вытекает из международного договора и законодательства об авторском праве многих государств). Так, пользователь программного обеспечения по GPL, который утверждает, что GPL не связывает его, как любая другая лицензия, требованиями законодательства об авторском праве, «просто открывает для себя ряд оснований для подачи в его адрес исковых заявлений»⁴ в соответствии с законодательством об авторском праве. Без по крайней мере теоретических основ об авторском праве такая лицензия, как GPL, не является юридически обязательной. Законодательство об авторском праве предоставляет автору соответствующее исключительное право на любые его произведения. Лицензия с открытым исходным кодом зависит от признания того, что автор произведения имеет исключительные права на произведение, определяя его юридическую судьбу. Лицензия, подобная GPL, эффективна только в том случае, если ее соблюдение можно обеспечить, а обеспечение соблюдения GPL происходит в сфере защиты авторских прав. Учитывая невероятное разнообразие программного обеспечения с открытым исходным кодом, следует признать очевидным то, что авторы программного обеспечения нашли альтернативный стимул для творчества. А с учетом повсеместного характера и зачастую высокого качества некоторого программного обеспечения с открытым исходным кодом — около 67 % веб-сайтов работают на Apache, веб-сервере с открытым исходным кодом, — еще одним следствием является то, что такой альтернативный стимул должен быть довольно эффективным.

В недавнем судебном споре Верховный народный суд Китая⁵ разъяснил правила определения принадлежности исключительного права на произведения и ответственности за нарушение, когда программное обеспечение разрабатывается на основе открытого исходного кода. Дело Netcom Technology (Suzhou) Co., Ltd. против Yimou Communication Technology Co., Ltd. было рассмотрено по поводу прав на программное обеспечение OfficeTen1800, разработанное Netcom Technology (Suzhou) Co., Ltd.

(Netcom) с использованием операционной системы OpenWRT с открытым исходным кодом. OpenWRT — это программное обеспечение для управления системой в области связи, исходный код которого доступен для свободного использования разработчиками программного обеспечения в соответствии с лицензионным соглашением с открытым исходным кодом GNU General Public License версии 2 (GPLv2). Netcom выполнила вторичную разработку на OpenWRT для создания OfficeTen1800, что включало изменение базового исходного кода OpenWRT, а также добавление нового исходного кода для реализации функциональности верхнего уровня. Затем Yimou Communication Technology Co., Ltd. (Yimou) наняла бывших сотрудников Netcom в Qimou Network Technology Co., Ltd. (Qimou). Эти сотрудники скопировали и изменили исходный код OfficeTen1800 для разработки существенно сходного программного обеспечения, которое Yimou и Qimou затем распространяли. Скопированный код содержал специальные маркеры из исходного кода Netcom. Netcom подала в суд на Yimou, Qimou и бывших сотрудников за нарушение авторских прав, требуя судебного запрета и возмещения ущерба в размере 3 млн юаней. Ответчики утверждали, что в соответствии с лицензией с открытым исходным кодом Netcom была обязана сделать свой исходный код общедоступным и свободно лицензировать его всем третьим лицам, поэтому у Netcom нет правовых оснований на иск.

Суд постановил, что программное обеспечение OfficeTen1800, разработанное Netcom на основе программного обеспечения с открытым исходным кодом с существенными инвестициями, было оригинальным, и его авторские права должны быть защищены. Доводы ответчиков лишь позволили доказать, что программное обеспечение шлюза содержало открытый исходный код, но не показали, что программное обеспечение просто использовало (добавило, изменило или удалило) открытый исходный код. Ключевым фактом было то, что Netcom не опубликовал свой исходный код, поэтому ответчики не выполнили предварительное условие для использования и создания производных продуктов по лицензии GPLv2.

⁴ См.: Patel N. Op. cit.

⁵ См.: Верховный народный суд Китая (2021 г.) (апелляция по делам интеллектуальной собственности, дело № 51). См. также: Sosna J. The Boundaries of Open Source: China's Supreme People's Court Upholds Copyright for Software Built on Open Source Code // URL: <https://www.lexology.com/library/detail.aspx?g=3c86ade6-854b-4657-bfeb-deb923125b6a> (дата обращения: 03.03.2025).

Особенно важно, что суд пояснил: вопрос о том, нарушила ли Netcom соглашение об открытом исходном коде, не зависит от того, владеет ли она авторскими правами⁶. В противном случае это бы необоснованно лишило или ограничило авторские права разработчика на основе его первоначального вклада. Даже если бы программное обеспечение имело дефекты заголовка из-за нарушения Netcom GPLv2 или если бы Netcom не предоставила исходный код в свободном доступе, это не повлияло бы на его способность привлекать ответчиков к ответственности за нарушение авторских прав.

Суд постановил, что Yimou и Qimou нарушили авторские права Netcom, копируя, изменяя и распространяя программное обеспечение. При расчете убытков суд сосредоточился на доле оригинального выражения Netcom в общей работе над программным обеспечением, разумно отделив ранее открытые части OpenWRT. Учитывая высокое сходство между нарушающим программным обеспечением и OfficeTen1800, их прямую конкуренцию на рынке и доступ ответчиков к исходному коду через бывших сотрудников, суд постановил, что ответчики должны прекратить нарушение и совместно выплатить Netcom 500 тыс. юаней.

Суд отметил, что это решение не означает, что Netcom освобождается от ответственности, которую она может понести в случае потенциального нарушения контракта и/или исков о нарушении прав. Это дело разъясняет правила определения правообладания на программное обеспечение, разработанное на основе открытого исходного кода, сферу действия соглашений GPL и то, как определяются ответственность за нарушение и убытки за использование вторичных разработок.

Дело было впервые рассмотрено Народным судом промежуточной инстанции Сучжоу в 2018 г., затем оно было передано в Верховный народный суд, который вынес свое решение в 2021 г. Тот факт, что Верховный народный суд назвал его одним из показательных дел в области интеллектуальной собственности в пятую годовщину его принятия, подчеркивает значимость и прецедентную ценность этого решения, хотя правила рассмотрения дел, связанных с открытым исходным кодом, всё еще изучаются и разрабатываются.

Таким образом, точное понимание обязательной силы соглашений о лицензировании с открытым исходным кодом и адекватное определение правовых границ между владельцами открытого исходного кода и разработчиками вторичного программного обеспечения имеет решающее значение для стимулирования инноваций и содействия здоровому развитию индустрии программного обеспечения⁷. Это постановление ясно дает понять, что разработчики владеют авторскими правами на оригинальные новые работы, созданные путем простого использования продуктов с открытым исходным кодом или вторичной разработки на основе продуктов с открытым исходным кодом. Решение вопроса о том, нарушает ли вторичный разработчик соглашение с открытым исходным кодом, не зависит от того, владеет ли он авторскими правами и может ли требовать возмещения ущерба от других.

Принцип, установленный в рассмотренном Верховным народным судом КНР деле, согласно которому программное обеспечение для вторичной разработки является относительно независимым и не обязательно или не полностью подчиняется обязательным правилам открытого исходного кода, предполагает уважение и охрану оригинального результата интеллектуальной деятельности «вторичных разработчиков», он придаст разработчикам программного обеспечения большую правовую определенность в фокусе китайской юрисдикции.

Отдельно стоит отметить развитие законодательства Китая в контексте членства во Всемирной торговой организации (ВТО). Так, Китай получил одобрение на вступление во Всемирную торговую организацию в 2001 г. Как член ВТО, Китай обязан соблюдать положения Соглашения по торговым аспектам прав интеллектуальной собственности (ТРИПС) как наиболее всеобъемлющего международного соглашения по интеллектуальной собственности.

В случае с авторскими правами на программное обеспечение ТРИПС предусматривает, что участники должны соблюдать ст. 1–21 Бернской конвенции (1971 г.). Китай привел свой Закон об авторском праве в соответствие с Бернской конвенцией в 1992 г., и он в значительной степени соответствует принципам соглашения ТРИПС. Национальное управление по авторским правам Китая (NCA) — администра-

⁶ См.: *Sosna J. Op. cit.*

⁷ См.: *Sosna J. Op. cit.*

тивный орган по авторским правам Государственного совета, который имеет полномочия рассматривать случаи нарушения авторских прав, затрагивающие всю страну, но исполнение на местном уровне отведено местным управлениям по авторским правам и муниципалитетам. Важные изменения в сфере правовой охраны программ для ЭВМ произошли в 1995 г., когда программному обеспечению была предоставлена традиционная защита авторских прав вместо простой регистрации в административном органе по электротехнической промышленности. В качестве прямого ответа на положения Соглашения ТРИПС в Закон об авторском праве были дополнительно внесены изменения — включены 13 конкретных прав для авторов. Область «добросовестного использования» также была сужена для соответствия Соглашению ТРИПС, а срок защиты программного обеспечения увеличен с 25 лет до 50 с предоставлением автору конкретных прав.

Из заметных проблем стоит отметить, что имело место почти полное отсутствие обеспечения соблюдения соответствующего законодательства. Запуск полномасштабных мер по обеспечению соблюдения авторских прав практически в отношении каждого пользователя персональных компьютеров в стране был бы и непопулярным, и громоздким решением. Вместо этого в сотрудничестве с независимыми группами мониторинга прав интеллектуальной собственности местные бюро по авторским правам приняли на себя рассмотрение особых случаев нарушения прав на программное обеспечение.

Кроме того, в Законе об авторском праве Китая отсутствуют положения, требующие, чтобы средства правовой защиты от нарушения авторских прав были пропорциональны вреду, причиненному нарушением. Это означает, что суды могут определять средства правовой защиты по своему усмотрению, но китайские суды не создают норм прецедентного права.

К тому же существует ряд оговорок в ТРИПС, которые позволяют ограниченно реализовывать положения Соглашения в определенных случаях.

Положения Соглашения ТРИПС направлены на содействие продвижению технологических инноваций, передаче и распространению технологий для взаимной выгоды производителей и пользователей технологических знаний и в порядке, благоприятствующем социальному и

экономическому благосостоянию. Сверх того, Соглашение прямо признает особые потребности наименее развитых стран-членов в отношении максимальной гибкости во внутренней реализации законов и правил, чтобы позволить им создать надежную и жизнеспособную технологическую базу. Наименее развитые страны-члены составляют группу с неоднозначным членством, потому что Китай квалифицируется как развивающаяся страна по определению Организации Объединенных Наций, но будет считаться «менее развитой страной» по таксономии Всемирного банка. При этом Китай имел право на 10-летний льготный период до начала реализации положений Соглашения ТРИПС.

В соответствии с положениями ст. 65 Соглашения ТРИПС, которые допускают еще большую отсрочку для страны-члена, находящейся в процессе перехода от управляемой экономики к системе рыночной экономики, проводящей структурную реформу своей системы интеллектуальной собственности и сталкивающейся с особыми проблемами в подготовке и внедрении законов и положений об интеллектуальной собственности, Китай имеет возможность откладывать на неопределенный срок применение положений Соглашения, поскольку он может не завершать свой переход к свободной рыночной экономике. Положение об отсрочке следует рассматривать в сочетании со статьей 8, которая предусматривает, что государства-члены могут при разработке или изменении своего законодательства принимать меры, необходимые для содействия общественным интересам в секторах, имеющих жизненно важное значение для их социально-экономического и технологического развития, при условии что такие меры соответствуют положениям Соглашения ТРИПС.

Необходимо понимать, что в свете идеологической позиции китайского правительства обеспечение соблюдения авторских прав является проблемой в равной степени политической и социальной. Китайское правительство контролирует прессу, печать и электронные СМИ. Вместе с тем Конституция КНР предусматривает, что государство содействует развитию литературы и искусства, прессы, вещательных и телевизионных предприятий, издательских и распределительных служб, библиотек, музеев, культурных центров и других культурных предприятий, которые служат людям и социализму.

Современные реалии в развитии информационных технологий характеризуются в Китае

прорывом в области использования искусственного интеллекта. DeepSeek, ранее малоизвестная китайская компания, осуществляющая деятельность в сфере технологий искусственного интеллекта, создала «большую языковую модель», которая обещает изменить ландшафт искусственного интеллекта за небольшой промежуток времени.

Прорыв DeepSeek также имеет более серьезные последствия для технологической гонки между США и Китаем: по-видимому, он застиг врасплох даже самые известные американские технологические компании. Его запуск, как предсказывалось, может положить начало развитию иного подхода к искусственному интеллекту на Западе, на фоне новой эры соперничества в сфере эффективных решений на основе искусственного интеллекта.

Очевидны стремительные достижения Китая в области искусственного интеллекта. В то время как США часто отдавали приоритет проприетарным моделям, Китай построил процветающую экосистему искусственного интеллекта, используя технологии с открытым исходным кодом, способствуя сотрудничеству между поддерживаемыми правительством исследовательскими институтами и крупными технологическими фирмами.

Эта стратегия позволила Китаю быстро масштабировать свои инновации в области искусственного интеллекта, в то время как США, несмотря на положительное позиционирование решений, возникающих в Кремниевой долине, остаются ограниченными в обозначенном контексте⁸. Американские компании, несмотря на продвижение инициатив с открытым исходным кодом, по-прежнему в значительной степени полагаются на стратегии с закрытым исходным кодом, которые ограничивают более широкий доступ и сотрудничество.

DeepSeek делает особенно революционным его способность достигать высочайшей производительности при одновременном снижении затрат на вычисления — область, в которой американские компании испытывают трудности из-за своей зависимости от моделей обучения,

требующих очень дорогого вычислительного оборудования.

Там, где когда-то Кремниевая долина была эпицентром глобальных цифровых инноваций, ее корпоративные гиганты теперь кажутся уязвимыми для более инновационных, «неаккуратных» стартап-конкурентов — хотя и тех, которые поддерживаются крупными государственными инвестициями в инфраструктуру искусственного интеллекта. Используя промышленный подход Китая к системам искусственного интеллекта, DeepSeek кристаллизовал реальность, которую многие в Кремниевой долине долгое время игнорировали. Это указывает и на неэффективность попыток США сохранить свою технологическую гегемонию посредством жесткого контроля за экспортом новейших чипов для систем искусственного интеллекта в Китай⁹.

Стремительный рост DeepSeek подчеркивает прогрессирующее понимание того, что в глобальном масштабе мир вступает в потенциально новую парадигму использования искусственного интеллекта, в которой китайская модель инноваций с открытым исходным кодом и поддерживаемыми государством разработками оказывается более эффективной, чем иные корпоративные подходы.

При этом отмечается, что такой формат развития технологий генеративного искусственного интеллекта на основе открытого исходного кода позитивен для мира¹⁰. Например, это предполагает, что Европейский Союз, до сих пор последовательно развивающийся в области генеративного искусственного интеллекта, потенциально может получить собственную платформу искусственного интеллекта. До сих пор это казалось невозможным из-за огромного объема инвестиций, необходимых для разработки его моделей.

Однако есть и менее позитивные стороны рассматриваемого подхода. Так, с технической точки зрения DeepSeek вряд ли можно сравнить с американскими платформами искусственного интеллекта, поскольку он в основном оптимизирует существующие модели, а не разрабаты-

⁸ См.: Bloom P. DeepSeek: how China's embrace of open-source AI caused a geopolitical earthquake. February 12, 2025. URL: <https://theconversation.com/deepseek-how-chinas-embrace-of-open-source-ai-caused-a-geopolitical-earthquake-249563> (дата обращения: 05.03.2024).

⁹ См.: Bloom P. Op. cit.

¹⁰ См.: García-Herrero A., Krystianczuk M. The geopolitics of artificial intelligence after DeepSeek. 4 February 2025. URL: <https://www.bruegel.org/first-glance/geopolitics-artificial-intelligence-after-deepseek> (дата обращения: 18.03.2024).

вают новые, которые могли бы конкурировать с моделями из США¹¹. Оптимизация моделей важна и приветствуется, но не устраняет необходимости создания новых моделей. Таким образом, несмотря на то что DeepSeek удалось значительно сократить затраты на вычисления и использовать эффективные архитектуры для сокращения разрывов в производительности между меньшими и большими моделями, он принципиально не нарушает «закон масштабирования», согласно которому большие модели дают лучшие результаты. Огромные финансовые затраты сохраняют свое значение в выборе модели искусственного интеллекта.

Кроме того, важно подчеркнуть, что DeepSeek не является полностью открытым программным обеспечением. Его данные обучения, методики тонкой настройки и части его архитектуры остаются нераскрытыми, хотя он более открытый, чем американские системы искусственного интеллекта. Это важно, учитывая, что DeepSeek, как и любая китайская компания с системой искусственного интеллекта, должен соблюдать правила национальной безопасности Китая. Китайские правила требуют, чтобы любое использование искусственного интеллекта на основе китайской платформы искусственного интеллекта было лишено критики китайского политического режима и соответствовало китайским ценностям.

Вопрос о том, примут ли правительства других стран такую цензуру в пределах своих юрисдикций, остается открытым для DeepSeek. Одной из существенных проблем здесь является защита данных, и в частности соблюдение требований законодательства о персональных данных. Например, в ЕС действует Общий регламент защиты персональных данных (GDPR), Италия заблокировала DeepSeek 30 января 2025 г. по причине трансграничной передачи данных (DeepSeek признает, что хранит большую часть данных в Китае), в некоторых странах были запущены соответствующие процедуры определения фактов нарушения законодательства о персональных данных. Обозначенное действительно вызывает определенные опасения в части обеспечения суверенитета данных и потенциального доступа правительств к данным, генерируемым на основе DeepSeek, что может ограничить возможность использования

DeepSeek в разных странах, например в ЕС на основе рассмотренного примера.

Геополитический фактор также приобретает в свете развития тех или иных моделей генеративного искусственного интеллекта особое значение. Усиление конкуренции между странами за технологическое лидерство в области решений на основе искусственного интеллекта связано не только с его коммерческим использованием, но и с возможным военным применением — от кибератак до использования для целей беспилотного оружия.

Отмечается¹², что и США, и Китай, судя по всему, намерены вложить еще больше финансовых ресурсов в развитие систем искусственного интеллекта, а также, возможно, в большей степени ограничить доступ к этой технологии: со стороны США наиболее вероятным результатом станет удвоение контроля за экспортом, связанным с технологиями искусственного интеллекта, и прекращение оставшегося сотрудничества в этой области между США и Китаем.

Признавая положительные аспекты коммерциализации систем искусственного интеллекта после успеха DeepSeek, остальные заинтересованные в технологии государства должны понимать, что еще большая технологическая конкуренция между США и Китаем за доминирование в области искусственного интеллекта будет иметь последствия для остальных, к которым может относиться ужесточение экспортного контроля, резкое сокращение научного сотрудничества и др.

Усиление конкуренции на мировом уровне в сфере технологий генеративного искусственного интеллекта, как представляется, демонстрирует возможности, которыми может воспользоваться Россия как государство с активно развивающимся рынком искусственного интеллекта; определенными Указом Президента РФ от 07.05.2024 № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года»¹³ национальными целями, среди которых две из семи — это достижение технологического лидерства, а также цифровая трансформация государственного и муниципального управления, экономики и социальной сферы; национальной стратегией развития искусственного интеллекта на период до 2030 года, утверж-

¹¹ См.: *García-Herrero A., Krystianczuk M. Op. cit.*

¹² См.: *García-Herrero A., Krystianczuk M. Op. cit.*

¹³ СЗ РФ. 2024. № 20. Ст. 2584.

денной Указом Президента РФ от 10.10.2019 № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации»¹⁴; в целом гибким законодательством в сфере развития технологий, в том числе технологий искусственного интеллекта; наличием нормативной основы для введения экспериментальных правовых режимов, стремительным развитием промышленности в условиях экономических ограничений. Возможности здесь открываются прежде всего с учетом собственного опыта развития технологий искусственного интеллекта (Яндекс, Сбер, КамАЗ и др.) и уже существующих подходов к его регулированию, интеграции в экономику и выбора оптимальной модели (опыт КНР, США, ЕС).

Акцентируя внимание на рассмотрении опыта КНР, стоит отметить, что даже в первые дни цифровой трансформации Китая аналитики предсказывали, что фокус страны на открытом исходном коде может привести к крупному прорыву в области искусственного интеллекта. В 2018 г. Китай интегрировал сотрудничество в сфере открытого исходного кода в свою обширную стратегию цифровизации, осознавая, что содействие общим усилиям по разработке продуктов может ускорить его возможности в области развития искусственного интеллекта. В отличие от США, где доминировали собственные модели искусственного интеллекта, в Китае были разработаны экосистемы с открытым исходным кодом с тем, чтобы обойти западный контроль, быстрее масштабировать инновации и встроиться в глобальное сотрудничество в области искусственного интеллекта. Активность Китая в сфере открытого исходного кода резко возросла в 2020 г., была заложена основа для того типа инноваций, который можно констатировать сегодня. Активно поощряя культуру открытого исходного кода, Китай обеспечил широкий круг разработчиков доступом к инструментам искусственного интеллекта, а не ограничил их несколькими доминирующими компаниями.

Эта тенденция сохранилась в последние годы, и в 2023 г. Китай даже запустил собственные поддерживаемые государством операционные системы и платформы с открытым исходным кодом, чтобы еще больше снизить свою зависимость от западных технологий. Такой шаг рассматривался как попытка закрепить лидерство в области искусственного интеллекта и

создать независимую, самодостаточную цифровую экосистему.

Поддерживаемые правительством Китая инициативы рассматривали решения на основе искусственного интеллекта с открытым исходным кодом как национальный ресурс, а не как корпоративный актив. Это привело к тому, что Китай стал одним из крупнейших в мире поставщиков систем искусственного интеллекта с открытым исходным кодом, превзойдя многие западные компании в совместных проектах. Китайские технологические гиганты (Huawei, Alibaba и Tencent) продвигают системы искусственного интеллекта с открытым исходным кодом с помощью таких фреймворков, как PaddlePaddle, X-Deep Learning (X-DL) и MindSpore — все они теперь являются ядром экосистемы машинного обучения Китая. Но они также вносят значительный вклад в глобальные проекты искусственного интеллекта, от Dragonfly от Alibaba, который оптимизирует крупномасштабное распределение данных, до Apollo от Baidu — платформы с открытым исходным кодом, ускоряющей разработку автономных транспортных средств. Эти усилия не просто развивают индустрию искусственного интеллекта в Китае, они глубже интегрируют ее в глобальный мировой ландшафт искусственного интеллекта.

У Китая, столкнувшегося с ограничениями на передовые западные чипы, применяемые в системах искусственного интеллекта, и отстающего в собственной инфраструктуре искусственного интеллекта, не было иного выбора, кроме как внедрять инновации по-другому. Открытый исходный код в системах искусственного интеллекта стал идеальным средством: способом оперативно масштабировать инновации, сократить затраты и подключаться к глобальным исследованиям, обходя ресурсоемкую модель Кремниевой долины с закрытым исходным кодом.

С точки зрения западных и традиционных прав человека принятие Китаем открытого исходного кода применительно к системам искусственного интеллекта может показаться парадоксальным, учитывая строгий контроль за информацией в стране. Его стратегия развития искусственного интеллекта отдает приоритет как технологическому прогрессу, так и строгому соответствию идеологическим принципам Коммунистической партии Китая, гарантируя,

¹⁴ СЗ РФ. 2019. № 41. Ст. 5700.

что модели искусственного интеллекта соответствуют «основным социалистическим ценностям» и одобренным государством нарративам. Исследования искусственного интеллекта в Китае процветали не только вопреки этим ограничениям, но и во многом благодаря им.

Правительство КНР стратегически поощряло разработку открытого исходного кода, сохраняя при этом жесткий контроль над внутренними приложениями, функционирующими на основе искусственного интеллекта, особенно в области наблюдения и цензуры. Действительно, централизованные правовые режимы могут иметь значительное преимущество в некоторых направлениях, например при разработке технологии распознавания лиц, благодаря широко распространенным системам наблюдения. Огромные объемы данных, собираемые через эти системы, позволяют частным компаниям, работающим с системами искусственного интеллекта, создавать передовые алгоритмы, которые затем можно адаптировать для коммерческого использования, что потенциально ускоряет экономический рост.

Стратегия Китая в области искусственного интеллекта сформирована на двойной основе: государственных инициативах и инновациях частного сектора. Дорожная карта Китая в области искусственного интеллекта нового поколения 2017 г., следует трехэтапной временной шкале: достижение глобальной конкурентоспособности к 2020 г., осуществление крупных прорывов в области искусственного интеллекта к 2025 г. и обеспечение мирового лидерства в области искусственного интеллекта к 2030 г. Параллельно правительство делает акцент на управлении данными, нормативно-правовой базе и контроле этических аспектов с тем, чтобы реализовать ответственную разработку решений на основе искусственного интеллекта.

Отдельной тенденцией в рассматриваемых отношениях представляется государственное субсидирование процессов развития систем искусственного интеллекта. По сравнению с частным венчурным капиталом компании, поддерживаемые государством, нередко отстают в разработке программного обеспечения, но демонстрируют быстрый рост после мер государственной поддержки. Более того, государственное финансирование часто служит сиг-

налом для последующих частных инвестиций, укрепляя экосистему искусственного интеллекта в стране.

Стратегия Китая в области искусственного интеллекта представляет собой отход от его традиционной промышленной политики, которая исторически подчеркивала самодостаточность, поддержку нескольких национальных лидеров и военные исследования. Вместо этого правительство приняло более гибкий и кооперационный подход, который поощряет внедрение программного обеспечения с открытым исходным кодом, разнообразную сеть организаций, использующих системы искусственного интеллекта и государственно-частное партнерство для ускорения инноваций. В этой модели приоритет отдается финансированию исследований, поддерживаемым государством лабораториям и интеграции систем искусственного интеллекта в ключевые отрасли, включая безопасность, здравоохранение и инфраструктуру.

Несмотря на сильное государственное участие, стремительное развитие искусственного интеллекта в Китае в равной степени обусловлено инновациями частного сектора. В Китае на февраль 2025 г. насчитывается около 4 500 компаний, предлагающих решения на основе искусственного интеллекта, что составляет 15 % от общего числа компаний в мире¹⁵.

Китайские технологические гиганты, включая Baidu, Alibaba, Tencent и SenseTime, извлекли выгоду из существенной государственной поддержки, оставаясь конкурентоспособными на мировой арене. Важно подчеркнуть, что экосистема искусственного интеллекта Китая процветает за счет сложного соединения мер государственной поддержки, корпоративных инвестиций и академического потенциала.

Например, оценив потенциал открытого исходного кода в системах искусственного интеллекта на раннем этапе, Университет Цинхуа в Пекине стал ключевым инновационным центром, создав передовые стартапы в области искусственного интеллекта, такие как Zhipu AI, Baichuan AI, Moonshot AI и MiniMax. Все эти решения были основаны преподавателями и выпускниками Университета. Китайская академия наук также сыграла решающую роль в продвижении исследований в области глубокого обучения и языковых моделей.

Китай рассматривает модели с открытым исходным кодом как средство национальной

¹⁵ См.: Bloom P. Op. cit.

технологической независимости. Национальное объединение организаций в сфере искусственного интеллекта, состоящее из 23 ведущих частных предприятий, разработало Национальную платформу открытых инноваций в сфере искусственного интеллекта, которая предоставляет открытый доступ к наборам данных искусственного интеллекта, инструментам, библиотекам и другим вычислительным ресурсам.

Если говорить о системе правового регулирования рассматриваемых отношений, то в первую очередь стоит отметить нормативные акты КНР в сфере искусственного интеллекта.

Так, еще в 2017 г. Китай опубликовал комплексную трехэтапную стратегию «План развития искусственного интеллекта нового поколения», призванную вывести Китай на передовые позиции в области инноваций в сфере искусственного интеллекта. С тех пор Китай принял ряд нормативных актов, связанных с функционированием искусственного интеллекта, в том числе: Административные положения по рекомендательным алгоритмам в информационных интернет-услугах (w.e.f. 2022), которые содержат несколько обязательных требований для поставщиков услуг по рекомендациям алгоритмов; Административные положения о глубоком синтезе в информационных интернет-услугах (с 2023 г.), направленные на укрепление интегрированного управления информационными интернет-услугами; Временные меры по управлению услугами генеративного искусственного интеллекта (GAI Measures) (вступили в силу в 2023 г.), где излагаются правила регулирования деятельности лиц, которые предоставляют возможности генеративного искусственного интеллекта населению в пределах материкового Китая; Регламент по рассмотрению этических норм в научной и технологической сфере 2023 г., который требует от организаций, занимающихся научными исследованиями, касающимися наук о жизни, медицины или искусственного интеллекта, создать этический комитет.

Однако эти правила в сфере искусственного интеллекта сами по себе не налагают штрафов.

Вместо этого штрафы могут быть наложены в соответствии с действующими законами, такими как Закон о кибербезопасности, Закон о безопасности данных, Закон о защите личной информации, Гражданский кодекс Китая и уголовное законодательство.

На первый взгляд, Китай придерживается жесткого законодательного подхода, внедряя правила, которые определяют содержательные положения, правила об ответственности за нарушения и несоблюдение требований (включая гражданскую и уголовную ответственность), вплоть до возможного прекращения бизнеса в соответствии с существующими нормативными предписаниями.

Отмечается, что соответствующие правила расплывчаты (и совершенно не похожи на подход, воспринятый в Регламенте ЕС 2024/1689 «Об искусственном интеллекте» 2024 г.), так как в них нет четкого определения искусственного интеллекта или генеративного искусственного интеллекта¹⁶. Это может затруднить реализацию и обеспечение соблюдения нормативных требований как для правительства, так и для всех заинтересованных сторон.

В развитие рассмотренных усилий Китайская академия общественных наук возглавила разработку экспертного проекта модельного закона об искусственном интеллекте, известного как Модельный закон Китая об искусственном интеллекте, который предлагает научно обоснованные положения об управлении искусственным интеллектом и служит ценным справочным материалом для законодательных усилий¹⁷. Последняя итерация, версия 2.0 Модельного закона Китая об искусственном интеллекте, была представлена 16 апреля 2024 г.¹⁸

Модельный закон Китая состоит из шести глав, которые охватывают основные принципы функционирования искусственного интеллекта, стратегии продвижения, системы управления рисками, распределение основных обязанностей, разработку механизмов управления и правовую ответственность. Он воплощает китайский подход к управлению, который поощряет

¹⁶ См.: *Tan A., Wright B.* The evolution of AI regulation in Asia: A comparative analysis. 2024. December 18 // URL: <https://www.elastic.co/blog/artificial-intelligence-regulation-asia-comparative-analysis> (дата обращения: 07.03.2025).

¹⁷ См.: *Lingfeng Z.* Navigating AI's uncharted waters: Insights from China's Model AI Law, EU AI Act // URL: <https://iapp.org/news/a/navigating-ai-s-uncharted-waters-insights-from-china-s-model-ai-law-eu-ai-act> (дата обращения: 07.03.2025).

¹⁸ The Model Artificial Intelligence Law (MAIL) v.2.0 — Multilingual Version // URL: <https://zenodo.org/records/10974163> (дата обращения: 07.03.2025).

технологический прогресс, предусматривая при этом меры безопасности.

Сопоставление Модельного закона Китая об искусственном интеллекте с законодательством ЕС в данной области в каком-то смысле подчеркивает международный консенсус в отношении управления искусственным интеллектом, демонстрирует уникальные особенности Закона и охватывает его функциональную совместимость и отличительную законодательную структуру с учетом китайской специфики.

Серьезной проблемой в развитии искусственного интеллекта, безусловно, является соотношение между защитой авторских прав и обучением основополагающих моделей. Действительно, при обучении искусственного интеллекта, формировании и использовании языковых моделей возникает риск бесконтрольного использования обучающего контента и, как следствие, нарушения авторских прав. Здесь можно отметить и проблему баланса интересов правообладателей обучающего и используемого контента, владельцев системы искусственного интеллекта и пользователей. Практически невозможно допустить, чтобы масштабное обучение системы искусственного интеллекта на основе защищенных авторским правом произведений возможно было оправдать свободным использованием в учебных целях, поскольку как минимум невозможно обосновать допустимые и разумные объемы такого использования в учебных целях с учетом «субъектной специфики обучающегося» и в большинстве случаев коммерческого характера использования системы искусственного интеллекта. В обозначенной сфере уже есть громкие судебные иски¹⁹. И Европейский Союз, и Китай стремятся решить эту проблему с помощью конкретных мер, направленных на соблюдение баланса между интересами правообладателей авторских прав и интересами владельцев инноваций в сфере искусственного интеллекта, что свидетельствует об эволюционирующем правовом ландшафте в ответ на технологические достижения.

Регламент ЕС об искусственном интеллекте требует от поставщиков сервисов, основанных на моделях искусственного интеллекта общего назначения (GPAI), соблюдать законодательство об авторском праве, защищать авторские и смежные права, соблюдать иные права, выра-

женные правообладателями в соответствии со ст. 4 (3) Директивы ЕС об авторском праве.

Поставщики обязаны публиковать подробное резюме с описанием контента, используемого для обучения моделей GPAI, что позволит правообладателям авторских прав и заинтересованным сторонам отслеживать и защищать свои права.

Заключение

В Модельном законе Китая об искусственном интеллекте предлагается создать систему лицензирования прав интеллектуальной собственности, адаптированную к разработке систем искусственного интеллекта, прояснить механизмы защиты и распределения доходов от работ, созданных с помощью искусственного интеллекта, а также восстановить баланс между заинтересованными сторонами.

Модельный закон вводит правило «безопасной гавани» для нарушений прав интеллектуальной собственности на работы, созданные с помощью искусственного интеллекта, освобождая поставщиков решений на основе искусственного интеллекта от ответственности за нарушение прав интеллектуальной собственности при определенных условиях, таких как маркировка работ, созданных с помощью искусственного интеллекта, и формируя механизм приема жалоб, системы оповещения и механизмы устранения нарушений.

Модельный закон Китая (в целом соответствуя подходу Регламента ЕС об искусственном интеллекте) предусматривает смягчение или исключение ответственности за использование системы искусственного интеллекта с открытым исходным кодом, поощряя прозрачность и контроль за соблюдением требований для содействия работоспособности экосистемы открытого исходного кода.

Пользователь открытого исходного кода системы искусственного интеллекта, предоставляемого бесплатно на основе принципа прозрачности, может быть освобожден от правовой ответственности. Если поставщик может продемонстрировать приверженность национальной системе управления соответствием в сфере искусственного интеллекта и внедрил соответствующие меры безопасности, он полу-

¹⁹ См.: *Lingfeng Z. Op. cit.*

чает право на снижение или исключение правовой ответственности.

Такого рода решения представляются интересными, но спорными, ввиду того что сохраняются международные обязательства КНР (вытекающие из положений международных договоров) и действие национального законодательства КНР в сфере охраны авторских прав, предполагающих незыблемую охрану исключительного права автора (правообладателя). Здесь возможно усмотреть нарушение баланса интересов правообладателей и общества со смещением в сторону глобального общественного интереса к развитию технологий искусственного интеллекта с открытым исходным кодом. Невозможно не учитывать то обстоятельство, что использование открытого исходного кода и реализация с учетом этого различных решений и сервисов на основе искусственного интеллекта также зачастую подразумевает творческую деятельность, сопряженную, соответственно, с созданием результатов интеллектуальной деятельности. В обозначенном контексте целесообразно всё же развитие систем искусственного интеллекта с использованием открытого исходного кода на основе принципов незыблемости интеллектуальных прав, должной осмотрительности разработчика и пользователя системы искусственного интеллекта, а также разумного, справедливого распределения ответственности за нарушение интеллектуальных прав между разработчиками и пользователями. При этом развитие автоматизированных систем учета и охраны авторских прав, мониторинга нарушений (в том числе на международном уровне) могло бы стать процессом, сопряженным с развитием генеративных систем искусственного интеллекта на основе открытого исходного кода.

Кроме того, Модельный закон Китая решительно поощряет искусственный интеллект с открытым исходным кодом с точки зрения промышленной политики, предлагая существенную поддержку развитию отрасли. В нем продвигаются идеи создания фонда систем искусственного интеллекта с открытым исходным кодом, конкретных налоговых льгот для систем искусственного интеллекта с открытым исходным кодом, создания платформ, сообществ и

проектов разработок с открытым исходным кодом.

Модельный закон поощряет правительство и государственные предприятия на всех уровнях приобретать продукты и услуги, реализуемые на основе искусственного интеллекта с открытым исходным кодом, соответствующие национальным стандартам.

В целом в Модельном законе воспринята сходная с ЕС логика, основанная на градации систем искусственного интеллекта в зависимости от рисков, но упрощена градация самих рисков путем создания негативного списка для типов систем искусственного интеллекта. Вид деятельности, связанный с искусственным интеллектом, включенный в этот список, требует предварительного разрешения, в то время как для тех видов деятельности, которые не входят в этот список, необходимо только выполнить обязательства по регистрации.

Учитывая широкое применение систем искусственного интеллекта общего назначения и потенциальные риски, которые они могут представлять в дальнейшем, Модельный закон Китая об искусственном интеллекте четко определяет обязательства разработчиков таких систем, а именно: создание системы управления рисками безопасности; улучшение управления моделями и данными; соблюдение принципов открытости, справедливости и беспристрастности; обеспечение инвестиций в ресурсы управления рисками безопасности; помощь другим разработчикам и поставщикам в выполнении их обязанностей; установление внешнего социального надзора; выпуск отчетов о социальной ответственности.

Такая оптимизированная модель распределения рисков обеспечивает динамичное управление рисками, снижая нагрузку по обеспечению соответствия на ранних этапах технологических достижений.

Таким образом, китайский подход предполагает разрешение ключевых возможных правовых проблем, связанных с широким использованием систем искусственного интеллекта, и ввиду его модельного характера может быть использован при развитии законодательства в сфере искусственного интеллекта в Российской Федерации и в рамках БРИКС в целом.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Bloom P. DeepSeek: how China's embrace of open-source AI caused a geopolitical earthquake. 2025. February 12 // URL: <https://theconversation.com/deepseek-how-chinas-embrace-of-open-source-ai-caused-a-geopolitical-earthquake-249563> (дата обращения: 05.03.2024).

García-Herrero A., Krystyanczuk M. The geopolitics of artificial intelligence after DeepSeek. 2025. February 4 // URL: <https://www.bruegel.org/first-glance/geopolitics-artificial-intelligence-after-deepseek> (дата обращения: 18.03.2024).

Lingfeng Z. Navigating AI's uncharted waters: Insights from China's Model AI Law, EU AI Act // URL: <https://iapp.org/news/a/navigating-ai-s-uncharted-waters-insights-from-china-s-model-ai-law-eu-ai-act> (дата обращения: 07.03.2024).

Patel N. Open source and china: inverting copyright? // URL: <https://api.law.wisc.edu/repository-pdf/uwlaw-library-repository-omekav3/original/c87a5fdf9e9c4085f6dda91e88c697fc269c206e.pdf> (дата обращения: 25.02.2024).

Sosna J. The Boundaries of Open Source: China's Supreme People's Court Upholds Copyright for Software Built on Open Source Code // URL: <https://www.lexology.com/library/detail.aspx?g=3c86ade6-854b-4657-bfeb-deb923125b6a> (дата обращения: 03.03.2024).

Tan A., Wright B. The evolution of AI regulation in Asia: A comparative analysis. 2024. December 18 // URL: <https://www.elastic.co/blog/artificial-intelligence-regulation-asia-comparative-analysis> (дата обращения: 07.03.2024).

REFERENCES

Bloom P. DeepSeek: How China's embrace of open-source AI caused a geopolitical earthquake. February 12, 2025. Available at: <https://theconversation.com/deepseek-how-chinas-embrace-of-open-source-ai-caused-a-geopolitical-earthquake-249563> [cited 2024 March 05].

García-Herrero A, Krystyanczuk M. The geopolitics of artificial intelligence after DeepSeek. February 4, 2025. Available at: <https://www.bruegel.org/first-glance/geopolitics-artificial-intelligence-after-deepseek> [cited 2024 March 18].

Lingfeng Z. Navigating AI's uncharted waters: Insights from China's Model AI Law, EU AI Act Available at: <https://iapp.org/news/a/navigating-ai-s-uncharted-waters-insights-from-china-s-model-ai-law-eu-ai-act> [cited 2024 March 07].

Patel N. Open source and china: Inverting copyright? Available at: <https://api.law.wisc.edu/repository-pdf/uwlaw-library-repository-omekav3/original/c87a5fdf9e9c4085f6dda91e88c697fc269c206e.pdf> [cited 2024 February 25].

Sosna J. The boundaries of open source: China's supreme People's Court upholds copyright for software built on open source code. Available at: <https://www.lexology.com/library/detail.aspx?g=3c86ade6-854b-4657-bfeb-deb923125b6a> [cited 2024 March 03].

Tan A, Wright B. The evolution of AI regulation in Asia: A comparative analysis. December 18, 2024. Available at: <https://www.elastic.co/blog/artificial-intelligence-regulation-asia-comparative-analysis> [cited 2024 March 07].

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Шахназаров Бениамин Александрович, доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры международного частного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
д. 9, Садовая-Кудринская ул., г. Москва 125993, Российская Федерация
bashahnazarov@msal.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Benjamin A. Shakhnazarov, Dr. Sci. (Law), Associate Professor, Professor, Department of Private International Law, Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russian Federation
bashahnazarov@msal.ru

*Материал поступил в редакцию 18 ноября 2024 г.
Статья получена после рецензирования 19 марта 2025 г.
Принята к печати 15 июля 2025 г.*

*Received 18.11.2024.
Revised 19.03.2025.
Accepted 15.07.2025.*

DOI: 10.17803/1729-5920.2025.225.8.127-142

В. И. Павлов
Л. В. ПавловаНациональный центр законодательства
и правовой информации Республики Беларусь
г. Минск, Республика Беларусь

Правосубъектность «дизайнерских детей» в контексте современной антропологии права

Резюме. Ввиду развития генетической инженерии наука получила возможность вторгаться в естественный природный процесс зарождения и развития человека, формирования его личностной идентичности. Наблюдаются фундаментальные изменения в антрополого-правовых понятиях, в частности в понимании человеческой жизни как абсолютной правовой ценности. Применение традиционных конституционно-правовых норм, закрепляющих первые (классические) поколения прав человека, к отношениям, касающимся конвергентных технологий, не всегда релевантно и носит противоречивый характер. Например, в связи с разработкой технологии CRISPR/Cas9 актуализирована проблема определения правосубъектности так называемых дизайнерских детей. Данная технология позволяет генетикам редактировать части генома зародышевой линии человека путем удаления, добавления или изменения в нем последовательности участков ДНК. Вместе с тем в родительском «заказе» определенных соматических свойств ребенка имеется риск удовлетворения родительских притязаний, содержащих потенциальный вред разнопланового характера для самого ребенка, его личностной идентичности. Авторы поддерживают развитие подхода, согласно которому общим принципом защиты правовой личности ребенка, который появляется на свет с использованием репродуктивных технологий, должно выступать признание его в качестве слабой стороны в правоотношениях, осложненных генетически-инженерным элементом. Исследование позволяет в целом подчеркнуть в антрополого-правовой методологии взаимосвязь и одновременно различие субъектно-правового и личностно-правового уровней человеческого присутствия в праве. Попытка модифицировать природу человека, повлиять на личностно-правовой уровень человеческого существования указывает на насущную необходимость применения базовых культурных, биоэтических и иных оснований и ценностно-нормативных регуляторов для адекватного и эффективного правового регулирования.

Ключевые слова: антропология права; личность; новые конституционно-правовые формулы; технологии редактирования генома человека; правосубъектность «дизайнерских детей»

Для цитирования: Павлов В. И., Павлова Л. В. Правосубъектность «дизайнерских детей» в контексте современной антропологии права. *Lex russica*. 2025. Т. 78. № 8. С. 127–142. DOI: 10.17803/1729-5920.2025.225.8.127-142

Legal Personality of «Designer Babies» in the Context of Modern Legal Anthropology

Vadim I. Pavlov

Lyudmila V. Pavlova

National Center for Legislation and Legal Information
of the Republic of Belarus
Minsk, Republic of Belarus

Abstract. Advances in genetic engineering have enabled science to intervene in the natural processes of human conception, development, and the formation of personal identity. These developments are driving fundamental shifts in legal anthropology, particularly in the understanding of human life as an absolute legal value. The application of traditional constitutional and legal norms that enshrine the first (classical) generations of human rights to relationships involving convergent technologies is often inadequate and fraught with contradictions. For instance, the emergence of CRISPR/Cas9 technology has brought to the forefront the issue of defining the legal personality of so-called «designer babies». This technology allows geneticists to edit parts of the human germline genome by deleting, adding, or altering DNA sequences. However, parental «customization» of a child's somatic traits raises concerns about fulfilling parental demands that may carry potential harm of various kinds to the child and their personal identity. The authors advocate for an approach where the overarching principle in protecting the legal personality of children born via reproductive technologies should be the recognition of their status as the vulnerable party in legal relations complicated by genetic engineering. The study highlights, within legal anthropological methodology, both the interconnection and the distinction between the subject-level and personhood-level dimensions of human presence in law. Attempts to modify human nature and influence the personhood-level of existence underscore the urgent need for foundational cultural, bioethical, and normative frameworks to ensure adequate and effective legal regulation.

Keywords: legal anthropology; personality; new constitutional and legal formulas; human genome editing technologies; legal personality of «designer children»

Cite as: Pavlov VI, Pavlova LV. Legal Personality of «Designer Babies» in the Context of Modern Legal Anthropology. *Lex russica*. 2025;78(8):127-142. (In Russ.). DOI: 10.17803/1729-5920.2025.225.8.127-142

Введение. На современном этапе развития юридической науки и практики одной из ключевых проблем является эффективная правовая защита человека. Всё бóльшую актуальность приобретают не столько традиционные механизмы защиты личности в контексте либерально ориентированной методологии, но и защита природы человека в свете интенсивного развития современных конвергентных технологий и связанных с ними идей трансгуманизма. Конвергентные (НБИКС) технологии представляют собой новый уровень воздействия нано-, био-, информационно-коммуникационных и когни-

тивных технологий на человеческий организм, следствием чего становится принципиальная трансформация природы человека¹. Развитие конвергентных технологий приводит к возникновению в юриспруденции множества новых проблем, касающихся правовых аспектов генной инженерии, клонирования, трансплантации органов и тканей, чип-имплантации, формирования четвертого, пятого и последующих поколений прав человека, развития нейронаук, биоэтики и т.д.² В целом в изменениях, которые происходят под влиянием современных технологий в социальном и общественно-поли-

¹ Алексеева И. Ю., Аршинов В. И. Информационное общество и НБИКС-революция. М. : ИФ РАН, 2016 ; Хабриева Т. Я. Технологические сюжеты глобального развития в фокусе правовой доктрины // Мировое развитие: проблемы предсказуемости и управляемости : XIX Международные Лихачевские научные чтения, 22–24 мая 2019 г. СПб. : СПбГУП, 2019. С. 229.

² Лапаева В. В. Концепция совершенствования российского законодательства, регулирующего развитие исследований в области генома человека // Труды Института государства и права РАН. 2020. № 2. С. 111–134 ; Савина С. В. Процесс изменения психики человечества в процессе эволюции техногенной цивилизации: вопросы психолого-этических дилемм, созданных рядом имплантатов информационно-коммуникационных технологий // Право и практика. 2015. № 1. С. 125–134 ; Кутейников Д. Л., Ижаев О. А., Лебедев В. А., Зенин С. С. Регулирование взаимодействия человека с автономными техническими средствами: дискуссия о правовых режимах // Lex russica. 2019. № 9 (154). С. 85–95.

тическом сознании относительно понимания «нормы» в человеческой сущности (природе) и поведении, не последнюю роль играет и сама модель «человека юридического». Из относительно недавних ярких примеров коренных изменений — одобрение (легализация) однополых браков в Греции, стране с древнейшей православной культурой. Допустимость произошедшего соответствует модели «человека юридического», что основывается на постулатах новоевропейской рационалистической методологии, отождествляющей сущность человека с его разумом и защищаемым притязанием, обеспечиваемыми доктриной верховенства права, приоритетом прав и свобод человека.

1. Право и трансгуманизм. Традиционно право ориентируется на предметную область, которая связана не с телесным, а с сознательно-волевым уровнем существования человека, при котором тело рассматривается не автономно, а в единстве с сознанием и волей либо же выступает объектом правовой охраны. Однако современные взгляды на человека, формирующиеся в западном дискурсе нередко под влиянием трансгуманистических идей, направлены на дальнейшее развитие и радикализацию методологических положений новоевропейского гуманизма в различных сферах жизнедеятельности социума. В отличие от классического гуманизма, который признавал за человеком как рациональной субстанцией гносеологическое и онтологическое совершенство, трансгуманизм, напротив, основывается на утверждении несовершенства и ограниченности человеческой природы, физиологических и интеллектуальных свойств человека (символ трансгуманизма — «Н+», означающий устремленность к постчеловеку)³. Преодоление этого несовершенства путем использования достижений конвергентных технологий и составляет программу трансгуманизма. Ориентация на «доработку» именно материальной субстанции человека, то есть его тела, обусловлена идеей возможного преодоления несовершен-

ства человеческой природы с помощью НБИК-технологий вплоть до достижения человеческого бессмертия. Как отмечают исследователи, новый трансчеловек (или постчеловек) «будет обладать сверхразумом, сверхспособностями, в нем будут преобладать всякого рода импланты, существо будет бесполом, размножаться будет искусственным путем и будет существовать в нескольких образах — биологическом, техническом, информационном, цифровом. Человек, по сути, должен будет преодолеть свою человеческую природу»⁴.

Совершенствование человека только на уровне телесности без учета развития его личностных свойств — свободы, воли, ценностей, совести, смысловой среды и т.д., которые традиционного идентифицировались с человеком как личностью, — позволяет рассматривать предметную область трансгуманизма в качестве усеченной: под человеком в данной концепции понимается прежде всего его телесный состав, который выдвигается на первое место. Как подчеркивает Н. Н. Ростова, «трансгуманизм своим предметом имеет не человека, а его организм, то есть нечеловеческое в человеке»⁵. Идея усовершенствования человека в обход его личностных свойств объединяет трансгуманизм с более широким направлением мысли — постгуманизмом, обосновывающим завершение эпохи человеческой исключительности и отказ от признания центрального положения человека в мире, утверждающим равнозначность существования любого элемента мира, что нивелирует саму идею человека⁶. Д. А. Юмартов полагает, что «постгуманизм использует внеантропоцентрическую риторику для описания картины мира, в которой человек не имеет генерализирующей или направляющей роли в различных системах отношений. Постгуманизм расширяет поле субъективности, снимая уникальность человека и включая животных, иную органику, технику, искусственный интеллект в познание, культуру, право»⁷. К линии постгуманистических концепций наряду

³ Курцвейл Р., Гроссман Т. Transcend: девять шагов на пути к вечной жизни / пер. с англ. А. Сусяковой. 6-е изд. М. : Манн, Иванов и Фербер, 2020.

⁴ Гречкина Е. Н. Трансгуманизм — мировоззрение XXI века или цивилизационная угроза человечеству // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2015. № 8. С. 35.

⁵ Ростова Н. Н. Мягкая сила постгуманизма. Что нам мешает мыслить по-русски? : монография. М. : Проспект, 2022. С. 22–23.

⁶ Ростова Н. Н. Мягкая сила постгуманизма... С. 18.

⁷ Юмартов Д. А. Инклюзивность как основной принцип постгуманизма // Гуманитарные ведомости ТГПУ имени Л.Н. Толстого. 2021. № 4 (40). С. 118.

с трансгуманизмом относятся метагуманизм, ингуманизм, нечеловеческие антропологии, новый материализм и др.⁸ В трансгуманизме нередко проявляются и мотивы «новой», «либеральной» евгеники⁹, предполагающей использование НБИК-технологий, особенно генетической инженерии, для конструирования человеческого организма с целью его нетерапевтического «улучшения» и следующей из этого селекции человеческого общества. Как отмечают И. Ю. Алексеева и В. И. Аршинов, особенно активно идея «улучшения» человека, «человеческой функциональности» (improving human performance), или «расширения человека» (human enhancement), стала развиваться после 2001 г., когда она была признана одной из целей развития NBIC-инициатив, сформулированных Национальным научным фондом США в том же году¹⁰. О. В. Попова в свете этого констатирует, что современный подход к репрезентации человеческой телесности в дискурсе о биополитике как биотехнологическом конструировании человека, находящемся под влиянием либерализма как господствующего типа мышления, определяет человека в качестве объекта биотехнологического преобразования¹¹.

2. Правосубъектность «дизайнерских детей»: суть проблемы. В последние годы одной из обсуждаемых правоведами проблем, связанных с развитием генной инженерии и имеющих трансгуманистические мотивы, стала проблема определения *правосубъектности*

так называемых дизайнерских детей. Данная проблема возникла ввиду разработки технологии CRISPR/Cas9, которая позволяет генетикам редактировать части генома зародышевой линии человека путем удаления, добавления или изменения в нем последовательности участков ДНК¹². Редактирование генома стало возможным благодаря развитию генетической инженерии и молекулярной биологии, а также накоплению большого объема генетической информации, включая создание банков образцов ДНК. Нетерапевтическое редактирование генома имеет явные евгенические коннотации и нередко используется для обоснования трансгуманистических идей, вызывая медицинские, биоэтические и множество других проблем¹³. Юридические проблемы в этом отношении также разнообразны, однако центральным является антрополого-правовой вопрос о том, что происходит с личностью человека как правовым деятелем в процессе генно-инженерного вмешательства. Например, как верно замечает Е. Е. Богданова, «представляется, что практика по отбору эмбрионов в значительной мере приводит к объективизации человека, восприятию его в качестве объекта, что, по мнению большинства авторов, несовместимо с достоинством, которым обладает каждый человек, с самой его природой»¹⁴.

Насколько известно, практика редактирования генома началась с эксперимента в университете имени Сунь Ятсена в Гуанчжоу (Китай) в 2015 г.¹⁵ Исследователи, используя технологию

⁸ Ростова Н. Н. Антигуманизм: преодоление гуманизма или его новая версия? // Вестник Томского государственного университета. 2021. № 463. С. 55.

⁹ Rembis M. (Re)Defining disability in the “genetic age”: behavioral genetics, “new” eugenics and the future of impairment // Disability & Society. 2009. Vol. 24. No. 5. P. 586–588 ; Хабермас Ю. Будущее человеческой природы: На пути к либеральной евгенике? / пер. с нем. М. Л. Хорькова. М. : Весь мир, 2002. С. 93.

¹⁰ Алексеева И. Ю., Аршинов В. И. Указ. соч. С. 118.

¹¹ Попова О. В. Биотехнологическое конструирование человека: этико-философские проблемы : дис. ... д-ра филос. наук : 09.00.08. М., 2018. С. 29.

¹² Склеина М. А., Бирюкова Н. В. Наиболее используемые методы редактирования генома человека и различные аспекты их применения в современной медицине // The Scientific Heritage. 2021. № 66. P. 45–50 ; Пестрикова А. А. Преимущества и риски редактирования генома человека — правовой аспект // Социальные новации и социальные науки. 2022. № 4. С. 65–75.

¹³ Лапаева В. В. Преимплантационная и пренатальная генетическая диагностика в Российской Федерации: этико-правовые проблемы // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия «Юридические науки». 2021. Т. 25. № 1. С. 188.

¹⁴ Богданова Е. Е. Соотношение частных и публичных начал в правовом регулировании сферы использования геномных и вспомогательных репродуктивных технологий // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2021. № 11 (87). С. 42.

¹⁵ CRISPR/Cas9-mediated gene editing in human triploid zygotes / Puping Liang, Yanwen Xu, Xiya Zhang [et al.] // Protein Cell. 2015. № 6. P. 363–372.

CRISPR/Cas9, произвели модификацию гена человеческого эмбриона, ответственного за такое наследственное заболевание, как бета-талассемия. В 2018 г. мировую известность получил случай редактирования генома китайским биофизиком Хэ Цзянькуем, модифицировавшим геном зачатых с помощью ЭКО девочек-близнецов Лулу и Нана с целью развития иммунитета к ВИЧ (третий ребенок — Эми, геном которого также был отредактирован Хэ Цзянькуем, родился в Китае в 2019 г.)¹⁶. Этот случай вызвал негативную редакцию мирового научного сообщества генетиков, а также привлек внимание правоохранительных органов Китая. В уголовном законодательстве был выявлен пробел, после чего законодатель дополнил Уголовный кодекс КНР статьей 336-1, предусматривающей уголовную ответственность за «внедрение генетически модифицированных или клонированных эмбрионов человека в организм человека или животных либо имплантацию генетически измененных или клонированных эмбрионов животных в организм человека при отягчающих обстоятельствах» (вступил в силу с 1 марта 2021 г.)¹⁷. Сам Хэ Цзянькуй был привлечен к уголовной ответственности по ст. 336 Уголовного кодекса КНР и приговорен к трем годам лишения свободы и штрафу в размере 3 млн юаней (422 500 долл. США) за осуществление незаконной медицинской практики¹⁸. В апреле 2022 г. Хэ Цзянькуй освобожден из мест лишения свободы и продолжил заниматься научной деятельностью в сфере генной инженерии.

Вместе с тем ученые утверждают, что с сугубо научной точки зрения эксперимент Хэ Цзянькуя не соответствовал заявленным целям. В частности, генетикам не удалось избежать мозаицизма (сосуществование в одном теле клеток с разным геномом) — у одной из сестер были удалены 15 нуклеотидов в одной копии гена, но другая копия изменена не была, часть клеток оказалась неотредактированной, что может в последующем привести к случайным нецелевым мутациям и отразиться на здоровье целых поколений¹⁹.

Резонанс в сообществе генетиков вызывают и случаи генно-инженерного биохакинга (bio — относящееся к биологии, жизнь; hacking — взлом)²⁰ — любительского применения технологии редактирования генома CRISPR/Cas9 соматической клетки для улучшения человеческого организма. Движение биохакинга получило наименование DIY biology (англ. Do-It-Yourself biology) в связи с особой этикой научного творчества биохакеров (биопанков, гриндеров, от англ. grinder — шлифовщик), направленной на открытость и доступность научной деятельности для исследователей неинституционализированной науки в рамках биотехнологий²¹. Биохакинг также нередко развивается в контексте смыслового поля трансгуманизма и евгеники. В 2016 г. американский биолог Дж. Зайнер с использованием технологии CRISPR/Cas9 изменил свой ДНК путем введения в организм флуоресцентного гена²². Впоследствии исследователь на базе созданной им корпорации Odin раз-

¹⁶ *Сергеев Д. Н.* Ответственность за манипуляции с геномом человека (дело Хэ Цзянькуя) // Российский юридический журнал. Электронное приложение. 2019. № 5. С. 5–13.

¹⁷ P. R. C. Criminal Law: Eleventh Amendment of 26.12.2020 // China Law Translate. URL: <https://www.chinalawtranslate.com/en/criminal-law-amendment-11> (дата обращения: 11.05.2024).

¹⁸ *Song L., Joly Y.* After He Jianku: China's biotechnology regulation reforms // Medical Law International. 2021. Vol. 21. Iss. 2. P. 174–192.

¹⁹ Что изменил эксперимент с «генно-редактированными» детьми? (21 декабря 2021 г.) // Научно-просветительская интернет-платформа «Homo Science». URL: <https://homo-science.ru/post/chto-izmenil-eksperiment-s-genno-redaktirovannymi-detmi-obyasnyаем-v-chetyreh-kartochkah> (дата обращения: 16.03.2023) ; *Пестрикова А. А., Холопова Е. Н.* Риски генетического редактирования генома человека с учетом рекомендаций Всемирной организации здравоохранения // Правовое государство: теория и практика. 2022. № 4. С. 51.

²⁰ *Петров К. А.* Феномен биохакинга в контексте эссенциалистских и конструктивистских концепций науки // Logos et Praxis. 2019. № 4. С. 13.

²¹ *Филатова А. А.* DIY biology: переустанавливая границы науки // Гуманитарные и социальные науки. 2020. № 1. С. 56 ; *Schmeink L.* Biopunk Dystopias: Genetic Engineering, Society and Science Fiction. Liverpool : Liverpool University Press, 2016.

²² *Мельнов С. Б., Мишаткина Т. В., Айзберг О. Р.* «Улучшение человека» и нейротика: редактирование генома: опасность стигматизации и расслоения общества // Философия. Журнал Высшей школы экономики. 2020. Т. 4. № 1. С. 119.

работал набор для генного редактирования «Измени свои гены сам», предполагающий пошаговое руководство по самостоятельному домашнему генетическому изменению своего организма с помощью технологии CRISPR/Cas9. Как реакция на это — Управление по контролю за качеством пищевых продуктов и лекарственных препаратов США запретило продажу этого изделия²³. На постсоветском пространстве наибольшую известность приобрели эксперименты российского биохакера С. Фаге, однако его деятельность на настоящем этапе осуществляется в рамках концепции продления жизни без редактирования генома²⁴. Как отмечают исследователи, несмотря на то что генно-инженерный биохакинг связан только с модификацией соматических клеток, тем не менее он может распространиться и на генеративные клетки и вызвать передачу модифицированных генов следующим поколениям²⁵.

3. Правовое регулирование нетерапевтического редактирования генома. На современном этапе правовое регулирование нетерапевтического редактирования генома на международном и национальном уровнях осуществляется посредством международных договоров, разработки рекомендательных актов международных организаций, в том числе использования инструментов «мягкого» права — резолюций, директив, рекомендаций и т.д. Общая тенденция — запрет на вмешательство в зародышевую линию человека, а также запрет на клонирование человека. Между тем вопрос о развитии генетической инженерии связан с технологическим развитием государств, которые опасаются технологического отставания в мировой экономической системе. Неслучайно лидерами в части инвестирования научно-исследовательской деятельности во всей сфере НБИК-технологий и достаточно либерального законодательства в части их проведения явля-

ются США, Китай и другие технологически развитые страны.

Внимание к правовой регламентации редактирования генома человека усилилось после эксперимента Хэ Цзянькуя, хотя и до этого эксперимента был принят ряд важнейших актов в сфере генетической инженерии. В 1997 г. на Генеральной конференции ЮНЕСКО принята Всеобщая декларация о геноме человека и правах человека²⁶. В статье 1 Декларации закреплено положение о геноме как достоянии человечества. Личность человека, согласно ст. 2, «не может сводиться к его генетическим характеристикам и требует уважения его уникальности и неповторимости». Статья 4 вводит запрет на стоимостной подход к геному, но только в его «естественном состоянии», статья 11 — запрет на клонирование человека, которое рассматривается как противоречащая человеческому достоинству практика. Вместе с тем в данной Декларации содержится положение о необходимости развития науки в области биологии, генетики и медицины, касающееся генома человека, утверждается принцип «свободы проведения научных исследований» при обеспечении «должного уважения и достоинства прав каждого человека» (ст. 12). Положение о том, что цели прикладных исследований в области генетической инженерии «заключаются в уменьшении страданий людей и в улучшении состояния здоровья каждого человека и всего человечества» (п. «b» ст. 12), имеет биоэтические и евгенические коннотации и, по сути, предоставляет неограниченные возможности для научных исследований в области редактирования генома человека. В России по этому поводу принят Федеральный закон от 20.05.2002 № 54-ФЗ «О временном запрете на клонирование человека»²⁷.

Важное значение для международной практики правового регулирования в сфере редак-

²³ Зотов А. В., Филипенко В. А. Биохакинг: преимущества, проблемы, перспективы // Наука молодых — будущее России : сборник научных статей 4-й Международной научной конференции перспективных разработок молодых ученых : в 8 т. Т. 4. Курск : Юго-Западный государственный университет, 2019. С. 392.

²⁴ Здоровый образ жизни и биохакинг: анализ понятий, составляющих и основных принципов / Е. А. Поздеева, А. Н. Мелентьев, О. Н. Руссу [и др.] // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 477. С. 191–200.

²⁵ Мельнов С. Б., Мишаткина Т. В., Айзберг О. Р. Указ. соч. С. 120.

²⁶ Всеобщая декларация о геноме человека и правах человека (принята 11 ноября 1997 г. на 29-й сессии Генеральной конференции ЮНЕСКО) // СПС «КонсультантПлюс».

²⁷ Федеральный закон от 20.05.2002 № 54-ФЗ «О временном запрете на клонирование человека» (ред. от 29.03.2010) // СПС «КонсультантПлюс».

тирования генома человека имеет Директива Европейского парламента и Совета Европейского Союза от 06.07.1998 № 98 «О правовой защите биотехнологических изобретений»²⁸, регламентирующая вопросы патентного права применительно к человеческому геному:

— в ч. 1 ст. 5 провозглашается, что тело человека, а также простое открытие одного из его элементов, включая последовательность или частичную последовательность генов, не может представлять собой патентоспособное изобретение;

— в ч. 2 ст. 5 допускается патентоспособность, то есть юридическая объективация искусственно полученного генома, даже в том случае, если его структура «идентична структуре естественного элемента»;

— частью 2 ст. 6 предусмотрено признание непатентоспособными процессов клонирования человека, модификации зародышевой линии генетической идентичности человека, а также использования человеческих эмбрионов в промышленных или коммерческих целях.

С 1 декабря 1999 г. в ряде государств Совета Европы и некоторых других присоединившихся государствах действует Конвенция о правах человека и биомедицине (Республика Беларусь и Российская Федерация не участвуют)²⁹. Статья 13 указанной Конвенции устанавливает запрет на «вмешательство в геном человека, направленное на его модификацию, кроме профилактических, диагностических или терапевтических целей и только при условии, что оно не направлено на изменение генома наследников данного человека», то есть это положение устанавливает запрет на вмешательство в зародышевую линию человека; статья 14 запрещает выбор пола при использовании вспомогательных репродуктивных технологий, статья 18 — создание эмбрионов человека *in vitro* в исследовательских целях.

В 2021 г. Всемирная организация здравоохранения опубликовала первые международные рекомендации по редактированию генома

человека³⁰. Рекомендации имеют целью создание организационно-правовой структуры по безопасному, эффективному и этически приемлемому использованию технологии CRISPR/Cas9 для разработки способов лечения человека в системе общественного здравоохранения. Определены риски неконтрольного использования практики редактирования генома, предложено создание единого реестра экспериментов по геномному редактированию (the global human genome editing registry), уделено внимание системе анонимного информирования о незаконных экспериментах и иным вопросам.

Несмотря на предпринимаемые усилия по правовому регулированию отношений в сфере редактирования генома и введение ограничений, направленных на недопустимость нарушения биоэтических и иных норм, практики «улучшения» человека в контексте «дизайна» человека с помощью технологии CRISPR/Cas9 всё же не имеют однозначной оценки. Один из дискуссионных вопросов в контексте появления «дизайнерских детей» — выбор пола будущего ребенка, что с позиции права связано с проблемой определения его правосубъектности. Как отмечено выше, международные акты и некоторые национальные правовые акты запрещают выбор пола ребенка. В частности, такой запрет установлен статьей 15 Закона Республики Беларусь от 07.01.2012 № 341-3 «О вспомогательных репродуктивных технологиях». Однако существует и другой подход к этой проблеме. В. В. Лапаева, сопоставляя законодательство США, где разрешена селекция эмбрионов по полу с целью обеспечения гендерного баланса, с аналогичным запретом в законодательстве России, считает последний необоснованным. Со ссылкой на ч. 3 ст. 55 Конституции РФ утверждает, что, «проектируя» пол ребенка, родители не нарушают его конституционную свободу — «достоинство и самоидентификацию личности ребенка», при этом соблюдаются гендерный баланс и «репродуктивная свобода семьи»³¹. Полагаем такую позицию недоста-

²⁸ Директива Европейского парламента и Совета Европейского Союза № 98/44/ЕС от 06.07.1998 «О правовой защите биотехнологических изобретений» // СПС «КонсультантПлюс».

²⁹ Конвенция о защите прав человека и человеческого достоинства в связи с применением достижений биологии и медицины: Конвенция о правах человека и биомедицине (ETS № 164), заключена в г. Овьедо 4 апреля 1997 г. (с изм. от 27.11.2008) // СПС «КонсультантПлюс».

³⁰ WHO Expert Advisory Committee on Developing Global Standards for Governance and Oversight of Human Genome Editing. Human Genome Editing: recommendations // World Health Organization. URL: <https://www.who.int/publications/i/item/9789240030381> (дата обращения: 20.03.2023).

³¹ Лапаева В. В. Преимплантационная и пренатальная генетическая диагностика... С. 189.

точно обоснованной, поскольку ни сама личность будущего ребенка, ни свобода как личностно-правовое свойство еще не проявлены и не актуализированы.

Ввиду развития генетической инженерии наука получила возможность вторгаться в естественный природный процесс зарождения и развития человека, вследствие чего *применение традиционных конституционно-правовых норм, закрепляющих первые (классические) поколения прав человека, к отношениям редактирования генома носит противоречивый характер*. Фактически использование приведенной конституционно-правовой аргументации в контексте генетического дизайна нерелевантно. Предоставление права либо установление запрета на модификацию какой-либо составляющей человеческой природы, касающейся правосубъектности будущего ребенка и его правовой личности (пола, сконструированного иммунитета к определенным заболеваниям при применении технологии CRISPR/Cas9 и т.д.), затрагивает ряд значимых аспектов — антрополого-правовых, биоэтических, моральных, иных, — которые и должны в современных условиях определять развитие права и *новые конституционно-правовые формулы*.

В данном направлении проводятся исследования, например предлагается разработка юридического биоконституционализма³², обосновывается особый статус репродуктивных прав как новой группы субъективных прав³³, ставится вопрос о пределах вмешательства государства в права родителей по использованию ими репродуктивных технологий для рождения «дизайнерских детей» и т.д.³⁴ Вместе с тем в силу формально-юридической невозможности достижения правового равенства между эмбрионом и родившимся ребенком как субъек-

том права полномочия родителей в отношении «дизайнерского эмбриона» на настоящем этапе шире, чем их подобные полномочия по отношению к родившемуся ребенку, что содержит потенциальные риски для правосубъектности личности «дизайнерского ребенка». Важно и то, что неполнота правового регулирования технологии CRISPR/Cas9 на современном этапе обусловлена и относительной степенью научной разработанности этой технологии.

Всё большее распространение получает подход, согласно которому *общим принципом защиты правовой личности ребенка, который появляется на свет с использованием репродуктивных технологий, является признание его в качестве слабой стороны в правоотношениях, осложненных генетически-инженерным элементом*. Представляется аргументированной позиция Е. Е. Богдановой, констатирующей, что в настоящее время семейное законодательство не определяет правовой режим эмбриона и не рассматривает его в качестве субъекта права³⁵, и отмечающей необходимость предусмотрения в законодательстве повышенной правовой защиты и приоритетности интересов ребенка, родившегося с помощью вспомогательных репродуктивных технологий, с признанием его слабой стороной в правоотношениях по редактированию генома³⁶. Обеспечение указанного подхода возможно при уделении с позиции права должного внимания эмбриону человека, планируемому к рождению. В рамках общетеоретического подхода высказано предложение о рассмотрении эмбрионов *in vitro* в качестве особой модели правовой субъектности — «потенциального лица в праве»³⁷. Рекомендуются к использованию и такая категория, как «потенциальная автономия ребенка» (Д. Дэвис), которой должен быть отдан приоритет при конфликте с фактической

³² Кравец И. А. Антропологический биоконституционализм и конституционная биоэтика: перспективы конституционализации биоразнообразия и конституционная реформа 2020 года // Конституционное и муниципальное право. 2022. № 5. С. 11–15.

³³ Посадкова М. В. Будущее уже здесь: о конституционной природе репродуктивного права на рождение ребенка с использованием вспомогательных технологий // Сравнительное конституционное обозрение. 2022. № 6. С. 72–94.

³⁴ Богданова Е. Е. Соотношение частных и публичных начал... С. 32–46.

³⁵ Богданова Е. Е. О правах на биоматериал человека // Гражданское право. 2019. № 4. С. 28–32.

³⁶ Богданова Е. Е. Соотношение частных и публичных начал... С. 34–35, 44–45.

³⁷ Павлов В. И., Павлова Л. В. Модификация правосубъектности человека под влиянием конвергентных технологий: проблема правовой идентификации эмбрионов *in vitro* // Право.ру. 2023. № 3. С. 99–108. С. 102.

родительской автономией в целях обеспечения в дальнейшем права ребенка на благополучное развитие³⁸.

Позиция недостаточной правовой защищенности «дизайнерского ребенка» связана не только с тем, что он не может непосредственно проявить свои личностно-правовые свойства физически (наподобие лица, признанного недееспособным вследствие психического расстройства (заболевания), пребывания в бессознательном состоянии по причине заболевания), но и с тем, что в родительском «заказе» определенных соматических свойств ребенка имеется *риск удовлетворения родительских притязаний, содержащих потенциальный вред разнопланового характера для самого ребенка*. Такие притязания могут, во-первых, противоречить природной направленности зарождения жизни их ребенка, во-вторых, нарушать личностную идентичность будущего человека, в-третьих, нарушать права поколений данного рода, конкретного народа и человечества в целом, в-четвертых, создавать проблему антропологической селекции, дискриминации и человеческого неравенства. Как отмечает С. Барух, притязание родителей на «заказ» определенной половой идентичности может привести к ошибке родительских ожиданий, из-за которой возникнет непонимание между родителями и ребенком (например, родители, планируя мальчика, представляли, что он будет любить мальчишеские игры, но он вполне может предпочесть игры для девочек и т.д.)³⁹. Соответственно, рассматриваемый экзистенциальный вред для личности «дизайнерского ребенка» может наступить на почве субъективных желаний родителей, что также подтверждает необходимость закрепления сбалансированных правовых ограничений для правоотношений, осложненных генетически-инженерным элементом. В ином случае может произойти трансформация сути самих детско-родительских отношений, а в дальнейшем — и общества в целом. При этом в ситуации причинения родителями вреда ребенку редактиро-

ванием его генома суду будет сложно доказать и сам факт противоправности избрания тех или иных характеристик.

Редактирование генома зародышевой линии человека приводит к фундаментальным сдвигам в базовых правовых принципах человеческой автономии и равенства людей. Как отмечает Ю. Хабермас, генетический дизайн умаляет статус будущей правовой личности, которая, узнав о своем генно-инженерном проектировании, «станет испытывать трудности с тем, чтобы понимать себя в качестве автономного и равного по происхождению члена ассоциации свободных и равных личностей»⁴⁰. Верно подчеркивается, что вред в данном случае состоит не в лишении прав, а в дестабилизации статусного сознания носителя прав: «взрослеющего человека преследует опасность вместе с осознанием контингенции своего природного происхождения лишиться ментального условия для допуска к статусу, благодаря которому он как наделенная правами личность только и может получить действительное наслаждение от равноправия»⁴¹. Иными словами, редактирование генома вторгается в формирование личностной идентичности человека.

4. Исковая защита в рамках «репродуктивных деликтов». Использование родителями технологии рождения «дизайнерских детей» может привести к тому, что совершеннолетний ребенок в случае причинения ему вреда по разным причинам (неудачное применение репродуктивной технологии, непредвиденная мутация генов и пр.) потребует от отца и матери возмещения вреда в судебном порядке. В зарубежной практике такие дела получили название *репродуктивных деликтов*, предполагающих предъявление особых видов исков: о неправомерном зачатии / неправомерной беременности (англ. *wrongful conception / wrongful pregnancy*), неправомерном рождении (англ. *wrongful birth*), неправомерной жизни (англ. *wrongful life*)⁴². Иски первой группы обусловлены нарушением учреждением здравоохранения права родителей на отказ от

³⁸ Привод. по: Богданова Е. Е. Соотношение частных и публичных начал... С. 36.

³⁹ Baruch S. Preimplantation genetic diagnosis and parental preferences: beyond deadly disease // Houston Journal of Health Law & Policy. 2008. Vol. 8. P. 257.

⁴⁰ Хабермас Ю. Указ. соч. С. 95.

⁴¹ Хабермас Ю. Указ. соч. С. 95.

⁴² Дженовезе У., Ломбардо К., Акулин И. М., Чеснокова Е. А. Нежеланное рождение ребенка в правовой системе Италии: между правом и общественным сознанием // Журнал акушерства и женских болезней. 2016. № 1. С. 87–94 ; Preimplantation and prenatal diagnosis, wrongful birth and wrongful life: a global

рождения ребенка ввиду различных медицинских ошибок по ведению и прерыванию беременности, не связанных с генно-инженерной деятельностью; вторая разновидность исков — требования родителей к учреждениям здравоохранения в связи с ошибками предимплантационной генетической диагностики и другими ошибками генно-инженерного характера; последняя — предъявление ребенком с генетическими особенностями (дефектами) требования о компенсации вреда к своим родителям.

В то время как иски к учреждениям здравоохранения в судебной практике нередко подлежат удовлетворению, третий вид исков достаточно редко удовлетворяется судами, которые исходят из того, что «жизнь, отягощенная недостатками, всё же лучше, чем ее отсутствие»⁴³. Тем не менее аргументация некоторых судебных решений по репродуктивным деликтам выявляет явный внеюрисдикционный характер данной сферы отношений и необходимость решения базовых антрополого-правовых и биоэтических вопросов в правовом порядке. Для дальнейшего рассмотрения обозначенных в настоящей статье проблем приведем примеры из зарубежной судебной практики. Так, Кассационный суд Италии в 2012 г. вынес решение по делу о непрофессионально проведенной пренатальной диагностике, вследствие которой врач не сообщил родителям о риске рождения ребенка с синдромом Дауна⁴⁴. Иск родителей к учреждению здравоохранения о неправомерном рождении и выплате денежной компенсации был удовлетворен. Получили компенсацию также братья и сестры родившегося ребенка — ввиду того что присутствие в семье ребенка с инвалидностью лишает их права на нормальную семейную жизнь; и указанный ребенок с синдромом Дауна — по формуле иска о неправомерной жизни на основании того, что при взвешивании двух ценностей — жизни с инвалидностью и права на здоровье, связан-

ное «с отсутствием боли и страданий», — суд, очевидно, отдал приоритет последней ценности, имплицитно включающей в себя «право не быть рожденным». Итальянские исследователи в целом склоняются к использованию «позитивной (терапевтической) евгеники» в части расширения доступа родителей к редактированию генома и «дизайну» детей на основании желания родителей «избежать генетически обусловленных заболеваний», исключая, однако, «негативную евгенику», предполагающую родительский отбор по желаемым фенотипическим признакам с целью «улучшения» ребенка⁴⁵.

Полагаем, что попытка дифференциации «негативной» и «позитивной» евгеники является проблематичной, поскольку в большинстве случаев наличие генетической предрасположенности к наследственному заболеванию имеет прогностический, вероятностный, а не абсолютно детерминистский характер. Решение ЕСПЧ от 28.08.2012 по делу № 54270/10 «Коста и Паван против Италии» (Costa and Pavan v. Italy) показывает, что при выявлении в геноме родителей определенного заболевания (например, в данном деле — муковисцидоза), независимо от достоверности диагностического прогноза, родители в большинстве случаев предпочитают отказ от беременности и, следовательно, уничтожение эмбриона на стадии генетического скрининга в силу рисков заболевания ребенка⁴⁶. Поэтому следует констатировать противоречивый характер признания исков о неправомерной жизни, а также отсутствие единства в правовой доктрине относительно теории и практики взвешивания судами таких конкурирующих, интерпретируемых в качестве правовых ценностей состояний, как нерождение и рождение с инвалидностью; достойная жизнь и жизнь с инвалидностью; интересы родителей, включающие комфортную жизнь, и право ребенка на рождение и т.д. Как верно отме-

view of bioethical and legal controversies / P. Frati, V. Fineschi, M. Di Sanzo [et al.] // Human Reproduction Update. 2017. № 23 (3). P. 338–357 ; Богданова Е. Е. Соотношение частных и публичных начал... С. 39.

⁴³ Богданова Е. Е. Соотношение частных и публичных начал... С. 39.

⁴⁴ The physician's breach of the duty to inform the parent of deformities and abnormalities in the foetus: "wrongful life" actions, a new frontier of medical responsibility / P. Frati, M. Gulino, E. Turillazzi [et al.] // The Journal of Maternal-Fetal Neonatal Medicine. 2014. № 27 (11). P. 1113–1117.

⁴⁵ The European Court legitimates access of Italian couples to assisted reproductive techniques and to pre-implantation genetic diagnosis / E. Turillazzi, P. Frati, F. P. Busardò [et al.] // Medicine, Science and the Law. 2015. № 55 (3). P. 199.

⁴⁶ Дело «Коста и Паван (Costa and Pavan) против Италии» (жалоба № 54270/10): постановление ЕСПЧ от 28.08.2012 // СПС «КонсультантПлюс».

чает Б. ван Беерс (B. van Beers), использование только формально-юридической аргументации на основе разработки искусственных юридических конструкций в случае «исков о неправомерном рождении и жизни» превращает право «в головокружительный юридический зеркальный зал: чем больше мы вглядываемся в него, тем больше теряем представление о том, где заканчивается наше природное и искусственно-технологическое “я” и где начинается наше правовое “я”... правовая личность в ее радикально искусственной версии, по-видимому, становится копией без оригинала, симулякром»⁴⁷.

5. Изменения (сдвиги) в фундаментальных правовых понятиях. В связи с появившейся возможностью редактирования генома наблюдаются фундаментальные сдвиги и в антрополого-правовых понятиях, в частности в самом понимании человеческой жизни как абсолютной правовой ценности, что влечет и трансформацию конституционного права на жизнь. Исследователи утверждают, что современной тенденцией практического понимания права на жизнь является именно «право на достойную жизнь без чрезмерной боли и страданий и при наличии минимальной степени автономности»⁴⁸. На первый план выходит не сама жизнь человека как ценность, а качество жизни, в результате чего допущение идеи о нецелесообразности человеческой жизни в определенных случаях приводит к выводу о приоритетности не быть рожденным, чем быть живым, что и с правовой, и с этической точки зрения недопустимо. Парадоксально, но указанной идеей также умаляются возможности и мотивация позитивного научно-технического (включая медицинское, реабилитационное и др.) развития. Вслед за трансформацией понимания права на жизнь изменяются и традиционные представления о здоровье, болезни, инвалидности и т.д.⁴⁹, влекущие и смещение в понимании социальной нормальности как таковой путем распространения новой концепции социальной инклюзии,

направленной на исправление якобы «неправильной организации общества»⁵⁰. Для национального права данные тенденции представляют угрозу антрополого-правового характера.

Заключение. Анализ возможностей генно-инженерных технологий в их влиянии на становление новых форм правовой субъектности позволяет выявить неразрывную связь антрополого-правовых, формально-юридических и технологических факторов при конструировании любых моделей правовой персональности. Воздействие на человеческую телесность в рамках технологии редактирования генома приводит к тому, что традиционные юридические механизмы защиты человека на уровне охраны его конституционных прав и свобод как природных притязаний носят противоречивый характер. По сути, применение традиционной конституционно-правовой аргументации в контексте генетического дизайна становится нерелевантным либо по крайней мере затрудненным.

Предоставление права либо установление запрета на модификацию какой-либо составляющей человеческой природы, касающейся правосубъектности будущего ребенка и его личности (пол, цвет глаз, цвет волос, сконструированный иммунитет к определенным заболеваниям вследствие применения технологии CRISPR/Cas9 и т.д.), затрагивает антрополого-правовые, биоэтические и моральные аспекты, которые и должны определять новые конституционно-правовые формулы. Нужно учитывать, что риск технологии редактирования генома связан с вторжением в формирование личностной идентичности человека. Как показано выше, с учетом появившейся возможности редактирования генома наблюдаются и фундаментальные изменения (сдвиги) в антрополого-правовых понятиях, в частности в самом понимании человеческой жизни как абсолютной правовой ценности, что влечет и трансформацию конституционного права на жизнь. Для восточнославянских правовых систем эти

⁴⁷ Beers B. van. The Changing nature of law's natural person: the impact of emerging technologies on the legal concept of the person // German Law Journal. 2017. Vol. 16. No. 3. P. 592.

⁴⁸ Богданова Е. Е. Соотношение частных и публичных начал... С. 42.

⁴⁹ Павлов В. И. Идея социальной инклюзии в юридическом дискурсе: методологический статус и вариативность понимания // Динамика правоустановления и правореализации в сфере публично-правовых отношений : сборник науч. трудов / Национальный центр законодательства и правовых исследований Республики Беларусь ; редкол.: О. И. Чуприс (гл. ред.) [и др.]. Минск : Колорград, 2023. Вып. 5. С. 67–78.

⁵⁰ Руководство по инклюзивной коммуникации на тему инвалидности // Интернет-сайт Организации Объединенных Наций. URL: https://www.un.org/sites/un2.un.org/files/2204195_r_undis_communication_guidelines.pdf (дата обращения: 06.06.2023).

тенденции представляют явную угрозу антрополого-правового характера, то есть требуется надлежащая правовая защита как в методологическом аспекте, так и в практическом.

В антрополого-правовой методологии подчеркиваются необходимая взаимосвязь и одновременно различие субъектно-правового и личностно-правового уровней человеческого присутствия в праве. Попытка модифицировать природу человека, в особенности его телесность, и, следовательно, повлиять на личностно-правовой уровень человеческого существования требует от правопорядка поиска базовых

биоэтических оснований, дающих ориентиры для ограничения рисков и установления пределов технологического вмешательства в природу человека. Стоит согласиться с В. В. Лапаевой, указывающей, что для предотвращения рисков неконтролируемого применения конвергентных технологий, ведущего к расколу общества и деградации человечества как биосоциального сообщества, могут быть использованы «духовный потенциал, заложенный в разные типы христианского мировоззрения, а также те проверенные веками ценностно-нормативные регуляторы, которыми располагает церковь»⁵¹.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Алексеева И. Ю., Аршинов В. И. Информационное общество и НБИКС-революция. М. : ИФ РАН, 2016. 196 с.

Богданова Е. Е. О правах на биоматериал человека // Гражданское право. 2019. № 4. С. 28–32.

Богданова Е. Е. Соотношение частных и публичных начал в правовом регулировании сферы использования геномных и вспомогательных репродуктивных технологий // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2021. № 1 (11). С. 32–46. DOI: 10.17803/2311-5998.2021.87.11.032-046.

Гречкина Е. Н. Трансгуманизм — мировоззрение XXI века или цивилизационная угроза человечеству // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2015. № 8. С. 34–37.

Дженовезе У., Ломбардо К., Акулин И. М., Чеснокова Е. А. Нежеланное рождение ребенка в правовой системе Италии: между правом и общественным сознанием // Журнал акушерства и женских болезней. 2016. № 1. С. 87–94.

Здоровый образ жизни и биохакинг: анализ понятий, составляющих и основных принципов / Е. А. Поздеева, А. Н. Мелентьев, О. Н. Руссу [и др.] // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 477. С. 191–200.

Зотов А. В., Филипенко В. А. Биохакинг: преимущества, проблемы, перспективы // Наука молодых — будущее России : сборник научных статей 4-й Международной научной конференции перспективных разработок молодых ученых : в 8 т. Т. 4. Курск : Юго-Западный государственный университет, 2019. С. 389–393.

Кравец И. А. Антропологический биоконституционализм и конституционная биоэтика: перспективы конституционализации биоразнообразия и конституционная реформа 2020 года // Конституционное и муниципальное право. 2022. № 5. С. 11–15.

Курцвейл Р., Гроссман Т. Transcend: девять шагов на пути к вечной жизни / пер. с англ. А. Суляковой. 6-е изд. М. : Манн, Иванов и Фербер, 2020. 383 с.

Кутейников Д. Л., Ижаев О. А., Лебедев В. А., Зенин С. С. Регулирование взаимодействия человека с автономными техническими средствами: дискуссия о правовых режимах // Lex russica. 2019. № 9 (154). С. 85–95.

Лапаева В. В. Концепция совершенствования российского законодательства, регулирующего развитие исследований в области генома человека // Труды Института государства и права РАН. 2020. № 2. С. 111–134.

Лапаева В. В. Право и религия в «эру геномики»: перспективы взаимодействия // Журнал российского права. 2020. № 8. С. 14–26.

Лапаева В. В. Преимплантационная и пренатальная генетическая диагностика в Российской Федерации: этико-правовые проблемы // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия «Юридические науки». 2021. Т. 25. № 1. С. 179–197.

⁵¹ Лапаева В. В. Право и религия в «эру геномики»: перспективы взаимодействия // Журнал российского права. 2020. № 8. С. 24.

Мельнов С. Б., Мишаткина Т. В., Айзберг О. Р. «Улучшение человека» и нейроэтика: редактирование генома: опасность стигматизации и расслоения общества // *Философия. Журнал Высшей школы экономики*. 2020. Т. 4. № 1. С. 111–134.

Павлов В. И. Идея социальной инклюзии в юридическом дискурсе: методологический статус и вариативность понимания // *Динамика правоустановления и правореализации в сфере публично-правовых отношений* : сборник науч. трудов / Национальный центр законодательства и правовых исследований Республики Беларусь ; редкол.: О. И. Чуприс (гл. ред.) [и др.]. Минск : Колорград, 2023. Вып. 5. С. 67–78.

Павлов В. И., Павлова Л. В. Модификация правосубъектности человека под влиянием конвергентных технологий: проблема правовой идентификации эмбрионов *in vitro* // *Право.ру*. 2023. № 3. С. 99–108.

Пестрикова А. А. Преимущества и риски редактирования генома человека: правовой аспект // *Социальные новации и социальные науки*. 2022. № 4. С. 65–75.

Пестрикова А. А., Холопова Е. Н. Риски генетического редактирования генома человека с учетом рекомендаций Всемирной организации здравоохранения // *Правовое государство: теория и практика*. 2022. № 4. С. 47–53.

Петров К. А. Феномен биохакинга в контексте эссенциалистских и конструктивистских концепций науки // *Logos et Praxis*. 2019. № 4. С. 6–15.

Попова О. В. Биотехнологическое конструирование человека: этико-философские проблемы : дис. ... д-ра филос. наук : 09.00.08. М., 2018. 423 с.

Посадкова М. В. Будущее уже здесь: о конституционной природе репродуктивного права на рождение ребенка с использованием вспомогательных технологий // *Сравнительное конституционное обозрение*. 2022. № 6. С. 72–94.

Ростова Н. Н. Антигуманизм: преодоление гуманизма или его новая версия? // *Вестник Томского государственного университета*. 2021. № 463. С. 55–62.

Ростова Н. Н. Мягкая сила постгуманизма. Что нам мешает мыслить по-русски? : монография. М. : Проспект, 2022. 184 с.

Савина С. В. Процесс изменения психики человечества в процессе эволюции техногенной цивилизации: вопросы психолого-этических дилемм, созданных рядом имплантатов информационно-коммуникационных технологий // *Право и практика*. 2015. № 1. С. 125–134.

Сергеев Д. Н. Ответственность за манипуляции с геномом человека (дело Хэ Цзянькуя) // *Российский юридический журнал. Электронное приложение*. 2019. № 5. С. 5–13.

Склеинова М. А., Бирюкова Н. В. Наиболее используемые методы редактирования генома человека и различные аспекты их применения в современной медицине // *The Scientific Heritage*. 2021. № 66. Р. 45–50.

Филатова А. А. DIY biology: переустанавливая границы науки // *Гуманитарные и социальные науки*. 2020. № 1. С. 56–77.

Хабермас Ю. Будущее человеческой природы: На пути к либеральной евгенике? / пер. с нем. М. Л. Хорькова. М. : Весь мир, 2002. 143 с.

Хабриева Т. Я. Технологические сюжеты глобального развития в фокусе правовой доктрины // *Мировое развитие: проблемы предсказуемости и управляемости* : XIX Международные Лихачевские научные чтения, 22–24 мая 2019 г. СПб. : СПбГУП, 2019. С. 227–231.

Юмартов Д. А. Инклюзивность как основной принцип постгуманизма // *Гуманитарные ведомости ТГПУ имени Л.Н. Толстого*. 2021. № 4 (40). С. 109–122.

Baruch S. Preimplantation genetic diagnosis and parental preferences: beyond deadly disease // *Houston Journal of Health Law & Policy*. 2008. Vol. 8. P. 245–280.

Beers B. van. The Changing nature of law's natural person: the impact of emerging technologies on the legal concept of the person // *German Law Journal*. 2017. Vol. 16. No. 3. P. 559–594.

CRISPR/Cas9-mediated gene editing in human trippronuclear zygotes / Puping Liang, Yanwen Xu, Xiya Zhang [et al.] // *Protein Cell*. 2015. № 6. P. 363–372.

Rembis M. (Re)Defining disability in the «genetic age»: behavioral genetics, «new» eugenics and the future of impairment // *Disability & Society*. 2009. Vol. 24. No. 5. P. 585–597.

Preimplantation and prenatal diagnosis, wrongful birth and wrongful life: a global view of bioethical and legal controversies / P. Frati, V. Fineschi, M. Di Sanzo [et al.] // *Human Reproduction Update*. 2017. № 23 (3). P. 338–357.

Schmeink L. *Biopunk Dystopias: Genetic Engineering, Society and Science Fiction*. Liverpool : Liverpool University Press, 2016. 272 p.

Song L., Joly Y. After He Jianku: China's biotechnology regulation reforms // *Medical Law International*. 2021. Vol. 21. Iss. 2. P. 174–192.

The European Court legitimates access of Italian couples to assisted reproductive techniques and to pre-implantation genetic diagnosis / E. Turillazzi, P. Frati, F. P. Busardò [et al.] // *Medicine, Science and the Law*. 2015. № 55 (3). P. 194–200.

The physician's breach of the duty to inform the parent of deformities and abnormalities in the foetus: «wrongful life» actions, a new frontier of medical responsibility / P. Frati, M. Gulino, E. Turillazzi [et al.] // *The Journal of Maternal-Fetal Neonatal Medicine*. 2014. № 27 (11). P. 1113–1117.

REFERENCES

Alekseeva IY, Arshinov VI. The Information Society and the NBICS revolution. Moscow: IF RAS Publ.; 2016. (In Russ.).

Baruch S. Preimplantation genetic diagnosis and parental preferences: beyond deadly disease. *Houston journal of health law & policy*. 2008;8:245-280.

Beers B van. The Chinese nature of law's natural pT impact of emerging technologies on the legal concept of the person. *German law Journal*. 2017;16(3):559-594.

Bogdanova EE. About the rights to human biomaterial. *Grazhdanskoe pravo*. 2019;4:28-32. (In Russ.).

Bogdanova EE. Correlation of private and public principles in the legal regulation of the use of genomic and assisted reproductive technologies. *Vestnik Universiteta imeni O.E. Kutafina (MGYuA) [Courier of Kutafin Moscow State Law University (MSAL)]*. 2021;1(11):32-46. (In Russ.). DOI: 10.17803/2311-5998.2021.87.11.032-046.

Filatova AA. DIY biology: Re-setting the Boundaries of science. *Gumanitarnye i sotsialnye nauki*. 2020;1:56-77. (In Russ.).

Frati P, Fineschi V, Di Sanzo M, La Russa R, Scopetti M, Severi FM, Turillazzi E. Preimplantation and prenatal diagnosis, wrongful birth and wrongful life: a global view of bioethical and legal controversies. *Human Reproduction Update*. 2017;23(3):338-357.

Frati P, Gulino M, Turillazzi E, Zaami S, Fineschi V. The physician's breach of the duty to inform the parent of deformities and abnormalities in the foetus: «wrongful life» actions, a new frontier of medical responsibility. *The Journal of Maternal-Fetal Neonatal Medicine*. 2014;27(11):1113-1117.

Genovese U, Lombardo K, Akulin IM, Chesnokova EA. Unwanted birth of a child in the Italian legal system: Between law and public consciousness. *Journal of Obstetrics and Women's Diseases [Zhurnal akusherstva i zhenskikh bolezney]*. 2016;1:87-94. (In Russ.).

Grechkina EN. Transhumanism — the worldview of the 21st century or a civilizational threat to humanity. *Gumanitarnye, sotsialno-ekonomicheskie i obshchestvennye nauki*. 2015;8:34-37. (In Russ.).

Habermas J. The future of human nature: Towards a liberal eugenics? Translated from German by Khorkov ML. Moscow: Ves mir Publ.; 2002. (In Russ.).

Khabrieva TYa. Technological plots of global development in the focus of legal doctrine. Global development: Problems of predictability and manageability. 19th International Likhachev Scientific Readings, May 22–24, 2019. St. Petersburg: SPbGUP; 2019. Pp. 227–231. (In Russ.).

Kravets IA. Anthropological bioconstitutionalism and constitutional bioethics: Prospects for the constitutionalization of biodiversity and Constitutional reform in 2020. *Konstitutsionnoe i munitsipalnoe pravo [Constitutional and Municipal Law]*. 2022;5:11-15. (In Russ.).

Kurzweil R, Grossman T. Transcend: Nine steps towards eternal life. Translated from English by Suslyakova A. 6th ed. Moscow: Mann, Ivanov and Ferber; 2020. (In Russ.).

Kuteynikov DL, Izhaev OA, Lebedev VA, Zenin SS. Regulation of interaction of an individual with autonomous technical devices: Legal regimes discussion. *Lex russica*. 2019;9(154):85-95. (In Russ.).

Lapaeva VV. Law and religion in the «Era of genomics»: Prospects for interaction. *Zhurnal Rossiyskogo Prava [Journal of Russian Law]*. 2020;8:14-26. (In Russ.).

Lapaeva VV. Preimplantation and prenatal genetic diagnostics in the Russian Federation: Ethical and legal issues. *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya «Yuridicheskie nauki» [RUDN Journal of Law. Legal Sciences Series]*. 2021;25(1):179-197. (In Russ.).

Lapaeva VV. The concept of improving Russian legislation regulating the development of research in the field of the human genome. Proceedings of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences. 2020;2:111-134. (In Russ.).

Liang P et al. CRISPR/Cas9-mediated gene editing in human tripronuclear zygotes. *Protein Cell*. 2015;6:363-372.

Melnov SB, Mishatkina TV, Aizberg OR. «Human improvement» and neuroethics: Genome editing: The danger of stigmatization and stratification of society. *Filosofiya. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki [Philosophy. Journal of the Higher School of Economics]*. 2020;4(1):111-134. (In Russ.).

Pavlov VI, Pavlova LV. Modification of human legal personality under the influence of convergent technologies: The problem of legal identification of embryos in vitro. *Pravo.by*. 2023;3:99-108. (In Russ.).

Pavlov VI. The idea of social inclusion in legal discourse: Methodological status and variability of understanding. In: Chupris OI, editor. Dynamics of legal establishment and legal realization in the field of public law relations: Collection of scientific papers. National Center for Legislation and Legal Research. Republic of Belarus. Minsk: Kolorgrad Publ.; 2023. Issue 5. Pp. 67–78. (In Russ.).

Pestrikova AA, Kholopova EN. The risks of genetic editing of the human genome, taking into account the recommendations of the World Health Organization. *Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika*. 2022;4:47-53. (In Russ.).

Pestrikova AA. Advantages and risks of human genome editing: Legal aspect. *Sotsialnye novatsii i sotsialnye nauki*. 2022;4:65-75. (In Russ.).

Petrov KA. The phenomenon of biohacking in the context of essentialist and constructivist concepts of science. *Logos et Praxis*. 2019;4:6-15. (In Russ.).

Popova OV. Biotechnological human engineering: Ethical and philosophical problems. Dr. Diss. (Philosophy). Moscow; 2018. (In Russ.).

Posadkova MV. The future is already here: On the constitutional nature of the reproductive right to have a child using assistive technologies. *Sravnitelnoe konstitutsionnoe obozrenie*. 2022;6:72-94. (In Russ.).

Pozdeeva EA, Melentyev AN, Russu ON, Korichko YuV, Davydova SA. Healthy lifestyle and biohacking: An analysis of concepts, components and basic principles. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta [Tomsk State University Journal]*. 2022;477:191-200. (In Russ.).

Rembis M (Re)Defining disability in the «genetic age»: behavioral genetics, «new» eugenics and the future of impairment. *Disability & society*. 2009;24(5):585-597.

Rostova NN. Antihumanism: Overcoming humanism or its new version? *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta [Tomsk State University Journal]*. 2021;463:55-62. (In Russ.).

Rostova NN. The soft power of posthumanism. What prevents us from thinking in Russian: A monograph. Moscow: Prospekt Publ.; 2022. (In Russ.).

Savina SV. The process of changing the human psyche in the process of the evolution of man-made civilization: Issues of psychological and ethical dilemmas created by a number of implants of information and communication technologies. *Pravo i praktika*. 2015;1:125-134. (In Russ.).

Schmeink L. Biopunk dystopias: Genetic engineering, society and science fiction. Liverpool: Liverpool University Press; 2016.

Sergeev DN. Responsibility for manipulating the human genome (He Jiankui case). *Rossiyskiy yuridicheskiy zhurnal [Russian Juridical Journal]*. [electronic]. 2019;5:5-13. (In Russ.).

Skleinova MA, Biryukova NV. The most widely used methods of editing the human genome and various aspects of their application in modern medicine. *The Scientific Heritage*. 2021;66:45-50. (In Russ.).

Song L, Joly Y. After He Jianku: China's biotechnology regulation reforms. *Medical Law International*. 2021;21(2):174-192.

Turillazzi E, Frati P, Busardò FP, Gulino M, Fineschi V. The European Court legitimates access of Italian couples to assisted reproductive techniques and to pre-implantation genetic diagnosis. *Medicine, Science and the Law*. 2015;55(3):194-200.

Yumartov DA. Inclusivity as the basic principle of posthumanism. *Gumanitarnye vedomosti TGPU imeni L.N. Tolstogo*. 2021;4(40):109-122. (In Russ.).

Zotov AV, Filipenko VA. Biohacking: Advantages, problems, prospects. Collection of scientific articles of the 4th International Scientific Conference of promising developments of young scientists: in 8 volumes. Vol. 4. Kursk: South-West State University Publ.; 2019. Pp. 389–393. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Павлов Вадим Иванович, кандидат юридических наук, профессор, ведущий научный сотрудник отдела исследований в области государственного строительства и информационного права Института правовых исследований Национального центра законодательства и правовой информации Республики Беларусь д. 1а, Берсона ул., г. Минск 220030, Республика Беларусь
vadim.i.pavlov@mail.ru

Павлова Людмила Владимировна, кандидат юридических наук, доцент, ученый секретарь Национального центра законодательства и правовой информации Республики Беларусь д. 1а, Берсона ул., г. Минск 220030, Республика Беларусь
paulava_lv@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Vadim I. Pavlov, Cand. Sci. (Law), Professor, Leading Researcher, Department of Research in the field of State Construction and Information Law, Institute of Legal Studies, National Center for Legislation and Legal Information of the Republic of Belarus, Minsk, Republic of Belarus
vadim.i.pavlov@mail.ru

Lyudmila V. Pavlova, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Scientific Secretary, National Center for Legislation and Legal Information of the Republic of Belarus, Minsk, Republic of Belarus
paulava_lv@mail.ru

Материал поступил в редакцию 18 ноября 2024 г.

Статья получена после рецензирования 14 января 2025 г.

Принята к печати 15 июля 2025 г.

Received 18.11.2024.

Revised 14.01.2025.

Accepted 15.07.2025.

DOI: 10.17803/1729-5920.2025.225.8.143-156

С. А. Грипич

Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации
Коллегия адвокатов города Москвы «Грифон»
г. Москва, Российская Федерация

Состояние и перспективы развития российского законодательства в сфере устойчивого развития в эпоху цифровизации

Резюме. В последние десятилетия концепция устойчивого развития находит всё большее отражение в зарубежном и российском публичном праве. Возрастает уровень готовности отечественной правовой системы к разработке и воплощению в документах собственных принципов реализации данной концепции, а также имплементации положений международных документов. Предтечей движения в данном направлении является природоохранное законодательство Советского Союза — активного участника первых этапов международного процесса по формированию и широкому внедрению концепции устойчивого развития. Примечательно, что, несмотря на сложнейшую внутривнутриполитическую и экономическую ситуацию, именно в 1990-х гг. в России президентским указом была утверждена Концепция перехода к устойчивому развитию. В статье освещены ключевые этапы развития законодательства, рассмотрены факторы, влияющие на его формирование и эффективность. Устойчивая модель развития требует обработки большого объема информации, учета множества факторов и может быть запланирована и реализована на основе цифровизации инструментов управления страной. Новый взгляд на устойчивое развитие, который позволит расширить представление о нем и активизировать внедрение концепции в российском праве, связан с рассмотрением возможности сопоставления — вплоть до тождественности — понятий «национальная безопасность» и «устойчивое развитие». Безопасность невозможна без движения вперед, стагнация несет значительные угрозы государственности, а устойчивость включает и защищенность от различных угроз. Развитие данных представлений поможет активизировать научно-правовую и практическую деятельность в сфере расширения и углубления законодательства в области устойчивого развития.

Ключевые слова: устойчивое развитие; экологическая безопасность; социально-экологическое развитие; законодательство в области устойчивого развития

Для цитирования: Грипич С. А. Состояние и перспективы развития российского законодательства в сфере устойчивого развития в эпоху цифровизации. *Lex russica*. 2025. Т. 78. № 8. С. 143–156. DOI: 10.17803/1729-5920.2025.225.8.143-156

Current State and Development Prospects of Russian Legislation on Sustainable Development in the Digital Era

Sergey A. Gripich

Associate Professor, Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration
Moscow City Bar Association «Gryphon»
Moscow, Russian Federation

Abstract. In recent decades, the concept of sustainable development has increasingly been reflected in both foreign and Russian public law. The readiness of the domestic legal system to develop and implement its own principles for applying this concept as well as to incorporate provisions from international instruments has grown significantly. A precursor to this work was the environmental legislation of the Soviet Union, which played an active role in the early stages of the global process to establish and widely adopt the sustainable development framework. Notably, despite the extremely challenging domestic political and economic situation in the 1990s, Russia adopted a presidential decree approving the Concept of Transition to Sustainable Development. This paper highlights key stages in the evolution of relevant legislation and examines the factors shaping its formation and effectiveness. A sustainable development model requires processing vast amounts of data and accounting for numerous variables that can only be planned and executed effectively through the digitalization of governance tools. A fresh perspective on sustainable development that broadens its interpretation and accelerates its integration into Russian law involves exploring the potential alignment, even equivalence, between the concepts of «national security» and «sustainable development». Security cannot exist without progress; stagnation poses significant threats to statehood, while sustainability inherently includes protection against diverse risks. Advancing these ideas could stimulate legal scholarship and practical efforts to expand and deepen sustainable development legislation.

Keywords: sustainable development; environmental safety; socio-ecological development; legislation in the field of sustainable development

Cite as: Gripich SA. Current State and Development Prospects of Russian Legislation on Sustainable Development in the Digital Era. *Lex russica*. 2025;78(8):143-156. (In Russ.). DOI: 10.17803/1729-5920.2025.225.8.143-156

Современный этап развития общества характеризуется стремительной цифровизацией, пронизывающей все сферы общественной жизни, включая экономику, социальную сферу и государственное управление. Этот процесс представляет собой не просто технологическую модернизацию, но и глубокую трансформацию социальных отношений, экономических моделей и способов взаимодействия между государством, бизнесом и гражданами. Цифровые технологии создают новые возможности для решения глобальных вызовов, включая задачи устойчивого развития, такие как повышение эффективности использования ресурсов, развитие возобновляемых источников энергии, снижение негативного воздействия на окружающую среду и обеспечение социальной инклюзивности. Вместе с тем цифровизация порождает и новые риски, связанные с цифровым неравенством, кибербезопасностью,

защитой персональных данных и этическими дилеммами, обусловленными использованием искусственного интеллекта. Поэтому формирование адекватного правового регулирования, способного учесть как потенциал, так и вызовы цифровизации, является необходимым условием для достижения целей устойчивого развития.

Согласно определению, выработанному в 1987 г. Всемирной комиссией по окружающей среде и развитию в докладе «Наше общее будущее», устойчивое развитие понимается как «развитие, обеспечивающее удовлетворение потребностей нынешнего поколения и не подрывающее при этом возможности удовлетворения потребностей будущих поколений»¹. Это определение впоследствии не единожды подвергалось разносторонней критике, но именно оно наиболее часто служило и служит отправной точкой и для исследователей, и для пред-

¹ Доклад Всемирной комиссии по вопросам окружающей среды и развития «Наше общее будущее» (доклад Г. Х. Брундтланда) // Официальный сайт ООН. URL: <http://www.un.org/ru/ga/documents/gakey.shtml> (дата обращения: 04.09.2024).

ставителей научно-практических кругов и лиц, принимающих решения.

После распада Советского Союза переход России к рыночным отношениям привел к драматическим изменениям в государственном и общественном устройстве страны. Законодательство страны претерпело значительные изменения, в силу чего нормативно-правовая основа устойчивого развития обрела свою специфику. Реализация ключевых принципов правового регулирования устойчивого развития (постулированы в Декларации ООН по окружающей среде и развитию 1992 г.², неоднократно дополнялись и корректировались) в России предусматривалась Указом Президента РФ от 01.04.1996 № 440 «О Концепции перехода Российской Федерации к устойчивому развитию»³. Концепция содержит определение понятия «устойчивое развитие», под которым понимается «сбалансированное решение социально-экономических задач и проблем сохранения благоприятной окружающей среды и природно-ресурсного потенциала в целях удовлетворения потребностей нынешнего и будущих поколений людей». Документ выделяет и основные направления перехода к устойчивому развитию:

- формирование правовой основы;
- разработка системы стимулирования экономической активности и пределов ответственности за ее экологический след;
- анализ хозяйственной емкости экосистем страны;
- ведение эффективной пропаганды основных идей концепции устойчивого развития.

Ключевых задач в этом документе насчитывалось всего три: наиболее общая из них была сформулирована как стабилизация экологической ситуации, две более конкретные задачи — «широкое распространение экологически ориентированных методов управления» и массовое внедрение энерго- и ресурсосберегающих технологий. Однако достижимость эффективного решения этих задач уже на уровне данного документа вызывала некоторые сомнения. Так, распространение экологически ориентированных методов управления должно

было бы по логике вещей опираться на провозглашенную в документе «разработку системы программных и прогнозных документов: государственной стратегии действий долгосрочного характера; долгосрочных и среднесрочных прогнозов, включающих в качестве составного компонента прогнозы изменений окружающей среды и отдельных экосистем в результате хозяйственной деятельности; краткосрочные прогнозы и программы отраслевого, регионального (территориального) и федерального уровней».

Однако никакой сколько-нибудь систематической научной, научно-практической и тем более законодательной инициативы в данном направлении в те годы предпринято не было. В самом же документе отсутствовали конкретные целевые показатели, связанные с внедрением экологически ориентированных методов управления как на федеральном, так и на региональном уровне, хотя достаточно много внимания уделялось роли регионов в переходе России к устойчивому развитию. Действительно, согласно Указу, ключевые показатели — это «уровни удельного (на душу населения и единицу валового внутреннего продукта) потребления энергии и других ресурсов, а также производства отходов»; «производство и использование всех опасных веществ, применяемых в экономике». Говорилось в общем о необходимости отслеживания и других показателей качества различных экологических систем, однако они не конкретизировались и тем более для них не предусматривались целевые значения. В целом в 1990-х и на протяжении значительной части 2000-х гг. в рамках российского законодательства в сфере устойчивого развития наблюдается отсутствие систематичности и последовательности. Тем не менее в Конституции РФ отражен ряд принципов устойчивого развития, отвечающих экологическим интересам: закрепляется охрана государством природных и земельных ресурсов (ч. 1 ст. 9), экологических прав граждан (ст. 42).

В 2002 г. была принята Экологическая доктрина Российской Федерации⁴. В общих положениях данного документа постулируется, что

² Декларация по окружающей среде и развитию Рио-де-Жанейро // Официальный сайт ООН. 1992 г. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/riodecl.shtml (дата обращения: 22.02.2024).

³ Официальный сайт Президента России. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/9120> (дата обращения: 16.09.2024).

⁴ Распоряжение Правительства РФ от 31.08.2002 № 1225-р «Об одобрении Экологической доктрины Российской Федерации» // СЗ РФ. 2002. № 36. Ст. 3510.

«устойчивое развитие Российской Федерации, высокое качество жизни и здоровья ее населения, а также национальная безопасность могут быть обеспечены только при условии сохранения природных систем и поддержания соответствующего качества окружающей среды». Отметим, что такая постановка проблемы обеспечения устойчивого развития — в одном ряду с проблемой повышения качества жизни и особенно проблемой обеспечения национальной безопасности — закрепится в нормотворческой традиции и будет представлена также в Стратегии национальной безопасности России 2009 г.⁵ (см. ниже). Необходимым условием достижения устойчивого развития ставится разработка и реализация государственной политики в области экологии. Выделяются как общие, глобальные вызовы устойчивому развитию, так и специфические для России, например «высокая доля теневой экономики в использовании природных ресурсов»⁶. Формулировка задач оказывается значительно ближе к международному пониманию устойчивого развития; при этом задачи сгруппированы по трем основным направлениям действия. В том, что касается устойчивого природопользования, выделяются две главные задачи, а именно «неистощительное использование возобновляемых и рациональное использование невозобновляемых природных ресурсов»⁷. В контексте снижения загрязнения окружающей среды и ресурсосбережения, помимо непосредственного сокращения объемов загрязнения, критически важной задачей является снижение энерго- и ресурсоемкости всех видов производства. Это подразумевает внедрение инновационных технологий, повышение эффективности использования ресурсов и энергии, а также переход к более экологичным моделям производства и потребления. Только комплексный подход, нацеленный на снижение негативного воздействия на всех этапах производственного цикла, поможет добиться значимого прогресса в области охраны окружающей среды.

Третье направление, ориентированное на сохранение и восстановление природной среды, органично вытекающее из самой сути концепции устойчивого развития, предполагает реализацию комплекса мер по предотвращению дальнейшей деградации окружающей среды, сохранению биоразнообразия и природных ландшафтов, а также восстановлению уже поврежденных экосистем.

Важное достоинство этого документа — то, что устойчивое развитие и экологическая политика рассматриваются не изолированно, а в тесной взаимосвязи с другими ключевыми направлениями развития страны и общества, такими как здравоохранение и национальная безопасность. В документе используется понятие «экологическая безопасность», что подчеркивает важность охраны окружающей среды для обеспечения благополучия и безопасности граждан. Такой интегрированный подход позволяет учитывать взаимосвязь между различными сферами и разрабатывать более эффективные и сбалансированные стратегии развития.

Несмотря на формальное принятие Плана действий по реализации Экологической доктрины РФ в 2003 году⁸, оба документа, по сути, носили декларативный характер, не оказывая существенного влияния на практическое решение экологических проблем. Одним из ключевых факторов, препятствовавших эффективной реализации экологической политики и принципов устойчивого развития, стала ликвидация в 2000 г. Госкомэкологии — федерального органа исполнительной власти, специализировавшегося на вопросах охраны окружающей среды. Отсутствие специализированного ведомства привело к ослаблению механизмов контроля и управления в сфере экологии и снижению эффективности реализации государственной экологической политики.

Лесной⁹ и Водный¹⁰ кодексы РФ, принятые в 2006 г., также не способствовали продвижению идей устойчивого развития. В них отсутствовало рассмотрение лесных и водных ресурсов с

⁵ Указ Президента РФ от 12.05.2009 № 537 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года» // СЗ РФ. 2009. № 20. Ст. 2444.

⁶ Указ Президента РФ «О Концепции перехода РФ к устойчивому развитию».

⁷ Указ Президента РФ «О Концепции перехода РФ к устойчивому развитию».

⁸ План действий по реализации Экологической доктрины Российской Федерации на 2003–2005 годы, утв. приказом Министерства природных ресурсов РФ от 28.10.2003 № 961 // Природно-ресурсные ведомости. 2004. № 15–16.

⁹ СЗ РФ. 2006. № 50. Ст. 5278.

¹⁰ СЗ РФ. 2006. № 23. Ст. 2381.

позиции долгосрочной перспективы и межпоколенческой ответственности. Кодексы не предусматривали эффективных механизмов защиты этих важнейших природных ресурсов от чрезмерной эксплуатации и деградации.

Несмотря на имеющиеся недостатки, Лесной кодекс РФ содержал важное с точки зрения концепции устойчивого развития положение. В частности, пункт 1 ст. 85 подчеркивал значимость планирования в области использования, охраны, защиты и воспроизводства лесов как инструмента достижения устойчивого развития страны. Хотя данное положение и не было подкреплено конкретными механизмами реализации, оно демонстрировало признание принципов устойчивого развития на федеральном законодательном уровне, что создавало определенный фундамент для их дальнейшего внедрения в практику лесного хозяйства.

Затрудняла практическую реализацию принципов устойчивого развития и частичная отмена государственной экологической экспертизы в 2006 г. Это решение привело к тому, что для значительного числа объектов вместо комплексной оценки потенциального воздействия на окружающую среду стала проводиться лишь проверка соответствия заданным техническим требованиям.

Подобный подход существенно ограничил возможности учета экологических факторов при принятии решений о реализации проектов. Более того, отмена экологической экспертизы фактически исключила общественность из процесса обсуждения и оценки проектов, потенциально влияющих на состояние окружающей среды. Это противоречило самой идее устойчивого развития, предполагающей широкое участие гражданского общества в принятии экологически значимых решений. Осознавая негативные последствия данного решения, руководство страны предприняло шаги по корректировке экологического законодательства и практики его применения. На государственном уровне были инициированы обсуждения, посвященные проблемам охраны окружающей среды и необходимости интеграции экологических принципов в экономическое развитие. В результате этих обсуждений, проходивших в формате совещаний и заседаний высших органов государственной власти, были сформулированы приоритеты развития эконо-

мики России с учетом высоких экологических стандартов. Глава государства дал органам исполнительной власти ряд поручений, направленных на совершенствование механизмов экологического регулирования. Эти поручения охватывали различные аспекты, включая расширение перечня объектов, подлежащих государственной экспертизе, совершенствование процедуры проведения экспертизы, развитие методов оценки воздействия на окружающую среду, а также дополнение и уточнение соответствующего законодательства¹¹.

Стратегия национальной безопасности РФ, принятая в 2009 г., заслуживает отдельного рассмотрения в контексте концепции устойчивого развития. Этот документ не просто упоминает устойчивое развитие, но и предлагает его трактовку, заметно отличающуюся от общепринятых, канонических определений, включая формулировку, данную ООН. В Стратегии устойчивое развитие упоминается в одном ряду с такими фундаментальными понятиями, как национальная оборона, государственная и общественная безопасность, что свидетельствует о высокой значимости, придаваемой этому концепту. Однако подобное соседство также размывает специфику понятия устойчивого развития, представляя его как одну из многих сторон национальной безопасности.

Одним из недостатков документа является отсутствие четкого и однозначного определения устойчивого развития. Стратегия интерпретирует это понятие довольно широко, вводя такие дополнительные категории, как «устойчивое развитие личности» и «устойчивое социально-экономическое развитие». Данный подход, с одной стороны, позволяет учесть различные аспекты устойчивого развития, но, с другой стороны, создает риск размывания самой сути этой концепции.

В Стратегии перечисляется целый спектр приоритетов устойчивого развития, включая повышение качества жизни, экономический рост, развитие науки и образования, а также стратегическую стабильность. Забота об окружающей среде и сохранение природных ресурсов для будущих поколений представлены лишь в одном из приоритетов и обозначены весьма кратко и обобщенно как «рациональное природопользование». Лаконичная формулировка не отражает в полной мере важно-

¹¹ Хмелева Е. Н. Правовые аспекты: состояние правового поля и правовой практики // Устойчивое развитие в России. Берлин ; СПб., 2013. С. 19–22.

сти экологической составляющей устойчивого развития и может привести к недостаточному вниманию к ней на практике. Стратегия 2009 г., интерпретируя концепцию устойчивого развития, демонстрирует явный крен в сторону социально-экономических и даже политических вопросов, отходя от традиционного акцента на приоритетности экологических проблем. Такая трактовка отличается от классического понимания устойчивого развития, предполагающего достижение баланса между экономическим ростом, социальной справедливостью и охраной окружающей среды.

В 2012 г. Президентом Д. А. Медведевым были утверждены Основы государственной политики в области экологического развития Российской Федерации на период до 2030 года¹². Стратегическая цель этого документа сформулирована в русле определения устойчивого развития, данного ООН: «сохранение благоприятной окружающей среды, биологического разнообразия и природных ресурсов для удовлетворения потребностей нынешнего и будущих поколений», однако эта цель дополнена несколькими акцентами, в том числе на экономический рост (который должен быть экологически ориентирован) и на права человека (в частности, право на благоприятную окружающую среду).

Основные положения данного документа направлены на модернизацию механизмов управления охраной окружающей среды с учетом мировых стандартов. В отличие от Экологической доктрины 2002 г., здесь говорится о необходимости определения целевых показателей воздействия на экологию, наряду с утверждением ответственности за природопользование. План действий, принятый в развитие Основ государственной политики в области экологического развития РФ на период до 2030 года, содержит перечень предусмотренных мероприятий. Однако отсутствие конкретных качественных целевых показателей, которые позволили бы оценить эффективность их реализации в долгосрочной перспективе, снижает практическую ценность документа. Несмотря на последующую законодательную поддержку в виде новых нормативных актов и поправок к действующему законодательству, концептуальным недостатком Основ остается терминологическая неточность, проявляющая-

ся в смешении понятий «охрана окружающей среды» и «экологическая безопасность», что может приводить к размыванию целей и задач государственной политики в этой сфере.

Вопреки декларации о приверженности принципам устойчивого развития, законодательный процесс в сфере внедрения высоких технологий для формирования «устойчивой» экономики и модернизации системы экологического нормирования характеризуется крайней медлительностью. Такая задержка в принятии необходимых законодательных актов существенно тормозит практическую реализацию концепции устойчивого развития и снижает эффективность природоохранных мероприятий. Создается разрыв между декларируемыми целями и реальными действиями, что подрывает доверие к государственной политике в области устойчивого развития.

Примечательно, что среди национальных целей развития России до 2030 г., определенных Президентом, достижение устойчивого развития даже не упоминается. Это свидетельствует о недостаточном внимании к данной концепции на высшем уровне государственного управления. Улучшение экологии также не выделено в качестве самостоятельной национальной цели. Хотя некоторые связанные с экологией задачи включены в раздел «Комфортная и безопасная среда для жизни», формулировки соответствующих целевых показателей часто носят общий характер, например «улучшение качества городской среды в полтора раза» или «ликвидация наиболее опасных объектов накопленного вреда окружающей среде». Такие общие формулировки затрудняют конкретизацию мер и оценку их эффективности.

Для продвижения принципов устойчивого развития необходимо активно стимулировать развитие и повышать эффективность деятельности неправительственных экологических организаций. Важно повышать уровень экологической грамотности населения, привлекая внимание граждан к существующим экологическим проблемам и формируя осознанное понимание их роли, а также роли государственных, частных и общественных структур в решении этих проблем. Только совместными усилиями всех заинтересованных сторон можно добиться реального прогресса в области устойчивого развития.

¹² Официальный сайт Президента России. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/15177> (дата обращения: 22.02.2024).

Опыт зарубежных стран в области экологического регулирования представляет значительный интерес для России. Многие государства успешно внедряют экологические требования в систему государственных закупок, что стимулирует производителей к снижению негативного воздействия на окружающую среду. В США действуют специальные поправки, запрещающие государственные закупки леса нелегального происхождения из России. Это наглядный пример того, как экономические механизмы могут быть использованы для борьбы с незаконными лесозаготовками и содействия устойчивому лесопользованию. Европейский Союз принял аналогичные меры по удалению с рынка древесины нелегального происхождения, хотя и без конкретной привязки к странам-экспортерам. Тем не менее такие меры создают дополнительные стимулы для всех поставщиков древесины, включая российских, к соблюдению экологических норм и правил лесопользования. Изучение и адаптация передового зарубежного опыта могут способствовать повышению эффективности экологической политики в России и ускорению перехода к устойчивому развитию.

В данной ситуации в качестве мер по развитию процесса перехода к устойчивому развитию для России актуальна ратификация Орхусской конвенции «О доступе к информации, участии общественности в процессе принятия решений и доступе к правосудию по вопросам, касающимся окружающей среды», а также Конвенции Эспо «Об оценке воздействия на окружающую среду в трансграничном контексте». Наряду с этим важно формирование координированных действий между центром и регионами.

Рассмотрение судебного дела по иску Министерства сельского хозяйства и продовольствия Республики Мордовия к гражданке С. выявляет системные недостатки в правоприменительной практике, касающейся государственных социальных программ, направленных на развитие сельских территорий. Гражданка С., участвуя в Федеральной целевой программе «Устойчивое развитие сельских территорий на 2014–2017 годы и на период до 2020 года»¹³, получи-

ла социальную выплату в размере 814 851 руб., предназначенную для строительства или приобретения жилья в сельской местности¹⁴. Суд обязал гражданку С. вернуть полученные средства, обосновав решение нецелевым использованием выплаты, а именно приобретением и ремонтом существующего жилого дома вместо строительства нового. Этот случай поднимает вопросы о гибкости и адекватности толкования условий государственных программ в судебной практике.

Данное решение вызывает серьезные вопросы с точки зрения соответствия фундаментальным принципам правовой определенности и социальной справедливости. Судебная интерпретация целевого назначения выплаты представляется излишне жесткой и формальной, не учитывающей социально-экономический контекст. Приобретение и последующий ремонт жилья фактически способствуют достижению тех же целей программы — улучшению жилищных условий в сельской местности и закреплению населения на селе, — что и строительство нового дома. Более того, ремонт приобретенного жилья может оказаться более эффективным решением с точки зрения затрат и сроков реализации, нежели строительство с нуля, особенно в условиях ограниченного доступа к строительным ресурсам в сельской местности.

С правовой точки зрения ссылка на п. 3 ст. 1109 Гражданского кодекса РФ¹⁵ требует доказательства злонамеренности или ошибки в учете со стороны получателя социальной выплаты для обоснования возврата средств. В рассматриваемом случае такие доказательства представлены не были, что ставит под сомнение законность и обоснованность судебного решения. Создается опасный прецедент, подрывающий доверие граждан к государственным программам поддержки и снижающий их эффективность.

Этот кейс иллюстрирует более широкую проблему — недостаточную гибкость и адаптивность механизмов реализации государственных программ, а также потенциальный конфликт между формальным соблюдением процедур и достижением фактических целей социаль-

¹³ Постановление Правительства РФ от 15.07.2013 № 598 «О федеральной целевой программе “Устойчивое развитие сельских территорий на 2014–2017 годы и на период до 2020 года”» // СЗ РФ. 2013. № 30 (ч. II). Ст. 4110.

¹⁴ Обзор судебной практики Верховного Суда РФ № 2 (2022) (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 12 октября 2022 г.) // URL: <https://vsrf.ru/documents/practice/31604/> (дата обращения: 04.09.2023).

¹⁵ СЗ РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.

но-экономического развития. Аналогичная бюрократизация наблюдаются и в сфере экологической политики. Стратегия экологической безопасности Российской Федерации на период до 2025 года¹⁶, несмотря на декларируемые амбициозные цели по сохранению окружающей среды и переходу к устойчивому развитию, сталкивается с существенными препятствиями в виде несовершенства нормативно-правовой базы, недостаточной актуализации статистических данных и недостаточной адаптивности планирования к изменяющимся условиям.

Необходим более прагматичный и ориентированный на результат подход к разработке и реализации государственной политики. Он должен быть основан на долгосрочном прогнозировании, использовании актуальной и достоверной статистики, формировании гибких экономических механизмов регулирования, способных адаптироваться к изменяющимся социально-экономическим и экологическим условиям. Долгосрочная перспектива развития до 2030 года требует не просто формального следования заранее запланированным этапам, но и способности адекватно реагировать на новые вызовы и корректировать инструменты государственной политики, включая социальные программы и механизмы охраны окружающей среды. Это позволит достичь реального устойчивого развития и обеспечить благоприятные условия жизни для настоящего и будущих поколений¹⁷.

В доктринальных документах в других сферах также появляются упоминания о необходимости перехода к устойчивому развитию: в Стратегии национальной безопасности Российской Федерации 2015 г.¹⁸ закреплено данное понятие среди основных направлений (стратегия перехода к устойчивому развитию на долгосрочную перспективу, п. 1), а также в определении понятий «национальная безопасность» и «национальные интересы РФ».

Развитие цифровых технологий оказывает существенное влияние на все сферы общественной жизни, включая законодательство в области устойчивого развития. С одной стороны, цифровизация предоставляет новые

инструменты для решения задач устойчивого развития: системы мониторинга окружающей среды, «умные» города, платформы для участия граждан в принятии решений и многое другое. С другой стороны, возникают новые вызовы, требующие правового регулирования: защита данных в экологической сфере, кибербезопасность критически важной инфраструктуры, правовой статус искусственного интеллекта в контексте устойчивого развития, регулирование цифрового неравенства в доступе к экологической информации. Цифровизация влияет и на традиционные отрасли права, связанные с устойчивым развитием, например земельное, водное, лесное право, требуя адаптации существующих норм к новым реалиям цифровой экономики.

В России наблюдается законодательный разрыв в области регулирования влияния цифровых технологий на устойчивое развитие. Отсутствуют четкие правовые механизмы, регулирующие сбор, обработку и использование экологических данных, а также обеспечивающие кибербезопасность в этой сфере. Недостаточно развито законодательство, регулирующее применение искусственного интеллекта в контексте устойчивого развития. Это создает риски для эффективной реализации принципов устойчивого развития и требует принятия необходимых законодательных мер. В частности, необходимо разработать законы, регламентирующие использование цифровых технологий в мониторинге окружающей среды, управлении отходами, энергоэффективности и других сферах, связанных с устойчивым развитием. Следует уделить внимание вопросам кибербезопасности, защиты данных и этическим аспектам применения искусственного интеллекта в контексте устойчивого развития. Важное направление работы — гармонизация российского законодательства с международным опытом в этой области.

В 2018 г. в рамках общей системы национальных проектов России в период с 2019 по 2024 г. принят национальный проект «Экология»¹⁹, ставящий целью обеспечить эффективную обработку отходов производства и потреб-

¹⁶ Указ Президента РФ от 19.04.2017 № 176 «О Стратегии экологической безопасности Российской Федерации на период до 2025 года» // СЗ РФ. 2017. № 17. Ст. 2546.

¹⁷ Боголюбов С. А. Законы природы и законы общества // Государство и право. 2016. № 11. С. 21–31.

¹⁸ Указ Президента РФ от 31.12.2015 № 683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // СЗ РФ. 2016. № 1 (ч. II). Ст. 212.

¹⁹ URL: https://mnr.gov.ru/activity/np_ecology.

ления, сведение к минимуму мусорных свалок, а также объема выбросов в атмосферный воздух в наиболее загрязненных городах (более чем на 20 %), улучшение качества питьевой воды, очищение водных объектов и оздоровление их флоры и фауны, сохранение биологического разнообразия.

Независимые эксперты высказывают серьезные опасения относительно эффективности национального проекта «Экология». Так, специалисты Фонда дикой природы считают, что заявленная в проекте цель по переработке твердых отходов не приведет к желаемым результатам, поскольку приоритет должен быть отдан не переработке, а предотвращению образования отходов. Фокус на предотвращении, по их мнению, более эффективно решит проблему загрязнения окружающей среды отходами.

Другие эксперты подвергают проект более резкой критике, называя его поспешно подготовленным и непродуманным. Они указывают на то, что целевые показатели, механизмы реализации целей и задач либо недостижимы в существующих условиях, либо сформулированы некорректно. Это ставит под сомнение реализуемость проекта в целом и его способность достичь заявленных результатов.

Председатель ассоциации «Экологический комитет» С. Костарев критикует заложенный в нацпроекте подход к снижению загрязнения атмосферы на 20 %. Он утверждает, что данный подход не в полной мере учитывает реальную опасность различных загрязняющих веществ. По его мнению, необходимо не только сокращать общие выбросы, но и уделять особое внимание снижению концентрации наиболее опасных веществ, даже если их объемы невелики. Костарев предупреждает, что даже при формальном снижении совокупных выбросов на 20 % экологическая ситуация может ухудшиться из-за роста концентрации высокотоксичных загрязнителей. Он призывает к разработке более детальных и дифференцированных мер по снижению загрязнения атмосферы с акцентом на наиболее опасные вещества.

Проверка Счетной палаты, проведенная в 2018 г., выявила серьезные проблемы в ре-

лизации Федеральной целевой программы «Охрана озера Байкал и социально-экономическое развитие Байкальской природной территории на 2012–2020 годы»²⁰. Согласно отчету, значительные финансовые ресурсы — 8 млрд руб., выделенные на программу в период с 2015 по 2018 г., были использованы неэффективно. Несмотря на существенные затраты, программа не привела к заметному улучшению экологической обстановки в регионе.

В результате этого, как отмечается в отчете, около 40 % населения продолжает использовать воду, не соответствующую гигиеническим нормам. Кроме того, нарастает проблема с обращением с отходами: вместо переработки они направляются на статичное хранение в условиях, не соответствующих экологическим стандартам. Это свидетельствует о неэффективности предпринятых в рамках программы мер по решению данных проблем.

Проблема отходов остается актуальной для России с 1990-х гг. За это время было принято множество законов и программ, направленных на ее решение. Однако, как показывает проверка Счетной палаты, результаты их реализации незначительны, а ситуация с отходами продолжает ухудшаться. Это подтверждает необходимость пересмотра существующих подходов к управлению отходами, разработки более эффективных мер по их переработке и утилизации.

Экологические проблемы, помимо ухудшения здоровья и качества жизни населения, негативно влияют на экономическое развитие страны, ежегодные экономические потери составляют 4–6 % ВВП. Помимо недостаточного финансирования, эксперты называют в качестве причин такого положения дел непрофессионализм и некомпетентность российских властей в данном вопросе, а также отсутствие возможности и способностей обработки большого объема информации и статистических данных²¹.

В сложившихся обстоятельствах цифровые технологии могут сыграть решающую роль в преодолении существующих трудностей. Они предоставляют органам государственной власти инструменты для оптимизации процессов

²⁰ Постановление Правительства РФ от 21.08.2012 № 847 «О федеральной целевой программе “Охрана озера Байкал и социально-экономическое развитие Байкальской природной территории на 2012–2020 годы”» // СЗ РФ. 2012. № 36. Ст. 4899.

²¹ Векленко В. И., Солошенко Р. В., Телегина О. В., Шатохин М. В. Сущность и направления устойчивого развития экономики // Вестник Курской государственной сельскохозяйственной академии. 2019. № 2. С. 34–41. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu3.2018.3.4>.

комплексного изучения экологических проблем, осуществления мониторинга в режиме реального времени и разработки эффективных решений. Цифровизация позволяет собирать, анализировать и интерпретировать большие объемы данных об экологической ситуации, что создает основу для принятия обоснованных и своевременных решений.

Особенно важна роль цифровых технологий в контексте совершенствования законодательства в сфере устойчивого развития. Действующее законодательство по ряду причин отстает от современных реалий и не всегда способно адекватно реагировать на изменяющуюся экологическую обстановку. Цифровые технологии могут существенно ускорить процесс актуализации законодательства, обеспечив его соответствие текущим вызовам и потребностям в области устойчивого развития. Они также могут способствовать повышению прозрачности и доступности экологической информации для широкой общественности, что важно для формирования общественного консенсуса и поддержки мер по обеспечению устойчивого развития.

Для эффективного перехода на путь устойчивого развития важно использовать все возможности цифровизации при активном цифровом сотрудничестве и взаимодействии между экспертами и представителями власти²². Проблемы, связанные с национальным проектом и иными законодательными инициативами властей, наглядно это демонстрируют. Традиционные подходы к решению глобальных проблем должны совершенствоваться.

Цифровизация сегодня играет ключевую роль в поддержании чистоты и здоровья окружающей среды в городах. Такие приложения, как BreezoMeter и Luftdaten, становятся незаменимым инструментом для мониторинга городского климата, шумового загрязнения и качества воздуха. Они предоставляют обширные данные о загрязнении воздуха, что помогает жителям городов принимать информированные решения о своем здоровье и повседневных действиях.

Концепция Open City Toolkit²³ (ОСТ) — инновационный подход к управлению городской средой, основанный на использовании открытых данных и разработке соответствующих ин-

струментов и процессов. Определенный набор инструментов и принципов предназначен для создания доступных и эффективных сервисов, которые могут быть использованы исследователями, частными организациями, гражданами и городскими властями. Открытые данные о городской инфраструктуре, транспорте, экологических показателях и других аспектах позволяют генерировать инновационные сервисы, направленные на повышение качества жизни и устойчивое развитие городов.

В отчете комиссии Генерального секретаря ООН по цифровому сотрудничеству рекомендуется создание многостороннего альянса и платформ для обмена цифровыми решениями и услугами для достижения целей устойчивого развития. Предлагается объединить различные голоса всех групп людей, включая граждан и маргинализированные группы, а не только цифровой индустрии.

Развитие практики использования технологий открытых данных (ОТД) играет ключевую роль в стратегическом планировании, способствуя достижению консенсуса и более эффективному использованию разнообразных видов данных. ОТД создают благоприятную среду для цифрового сотрудничества и повышения прозрачности процессов принятия решений. Они предоставляют возможности для тестирования новых идей, обеспечивают равенство и широкое участие заинтересованных сторон, что в конечном итоге способствует достижению различных целей устойчивого развития. Открытый доступ к данным позволяет гражданам, бизнесу и общественным организациям активно вовлекаться в процесс разработки и реализации политики устойчивого развития.

Города, как доминирующая форма населенных пунктов в современном мире, сталкиваются с наиболее острыми проблемами устойчивого развития. Более половины населения планеты уже проживает в городах, и к 2050 г. эта доля значительно возрастет. Такая концентрация населения делает города наиболее уязвимыми к глобальным угрозам, таким как загрязнение воздуха, шумовое загрязнение, неравномерное распределение ресурсов и воздействие городских тепловых островов. Рост населения усугубляет эти проблемы, требуя незамедлительных и эффективных решений.

²² Валиев Р. Г. Правотворческая систематизация норм права // Журнал российского права. 2020. № 7. С. 27–39.

²³ The Open City Toolkit (ОСТ) // URL: <http://geo-c.uji.es/opencitytoolkit> (дата обращения: 04.09.2020).

Поэтому поиск решений на городском уровне представляется более целесообразным, чем сосредоточение исключительно на национальных стратегиях устойчивого развития. Городские власти нуждаются в доступе к данным на местном уровне, а не к агрегированным национальным показателям. Устойчивая оценка городов с использованием ОТД может рассматриваться как новая цифровая архитектура, адаптированная к конкретным целям и задачам. Данные и инструменты, генерируемые на местном уровне (например, мобильные приложения и городские сервисы), могут служить ценным источником информации для исследователей и политиков. Такие подходы способствуют установлению тесной связи между научными исследованиями, городским сообществом и политическими решениями, учитывая уникальные характеристики каждого города, его демографические особенности и потребности уязвимых групп населения.

Так, проблема загрязнения воздуха актуальна не для всех городов, и причины загрязнения могут варьироваться в зависимости от специфики конкретного города. Поэтому разработка решений на основе локальных данных позволяет выявить препятствия для улучшения экологической ситуации и формировать более эффективные планы действий для устойчивого развития, включая устойчивое потребление.

Концепция ОТД может служить платформой для взаимодействия с городским сообществом. Благодаря открытости данных ОТД действует как платформа, объединяющая сбор и поиск данных для всех заинтересованных сторон. Платформа поддерживает гражданское сотрудничество, предоставляя не только площадку для диалога, но и доступ к достоверной информации о целях устойчивого развития.

Цифровое сотрудничество на платформах ОТД способствует созданию общих баз данных, которые могут быть использованы для принятия решений на основе анализа больших данных в целях поддержки городского планирования и оптимизации городских процессов. Обмен данными снижает нагрузку на отдельные организации, освобождая их от необходимости обрабатывать многочисленные запросы.

Однако объединение разрозненных источников данных порождает новые вызовы, связанные с необходимостью обеспечения достаточных ресурсов и инфраструктуры для устойчивого развития. Например, для моделирования загрязнения воздуха требуется обра-

ботка больших объемов данных из различных источников. Возникает вопрос: как эффективно управлять этими ресурсами и обеспечить устойчивость таких систем?

Проведенный в статье анализ наглядно демонстрирует, что текущее состояние законодательного обеспечения устойчивого развития в России остается на начальном, преимущественно декларативном уровне. Законодательные нормы в этой области чаще носят рекомендательный характер, лишены четких правовых определений и лишь частично соотносены с другими законодательными актами. Фрагментарность и отсутствие целостной четко артикулированной правовой базы — существенный барьер на пути практической реализации принципов устойчивого развития и их интеграции в различные сферы общественной жизни. Необходима комплексная модернизация законодательства, обеспечивающая не только декларативную фиксацию принципов устойчивого развития, но и разработку конкретных норм, механизмов их применения и инструментов контроля.

В условиях ускоряющейся технологической трансформации, определяющей контуры современного мира, достижение целей устойчивого развития неразрывно связано с активным внедрением цифровых технологий в систему государственного управления. Цифровизация открывает беспрецедентные возможности для сбора, анализа и интерпретации больших объемов данных, характеризующих состояние управляемых объектов, включая экологические системы, социально-экономические процессы и другие аспекты устойчивого развития. Это открывает перспективу для формирования полноценного, многомерного представления о динамике развития указанных объектов в контексте их взаимодействия. Более того, цифровые технологии предоставляют инструментальный для создания динамических цифровых моделей, обеспечивающих мониторинг в режиме реального времени и своевременное реагирование на изменения.

Оптимизация процессов государственного управления посредством цифровизации позволяет преодолеть разрыв между декларативными заявлениями и конкретными действиями в области устойчивого развития. Цифровые платформы и инструменты способствуют более обоснованному планированию и реализации мер по переходу к устойчивой модели развития, а также разработке эффективной и адаптивной

нормативно-правовой базы. Повышение прозрачности и эффективности государственного управления, обеспечиваемое цифровизацией, критически важно для успешной реализации стратегии устойчивого развития.

Устойчивое развитие — сложный, многоаспектный процесс, развертывающийся на различных уровнях, от локального до глобального. Он требует анализа и обработки колоссальных объемов информации, учета множества взаимосвязанных факторов, таких как экономический рост, социальная справедливость, охрана окружающей среды и др. Эффективное управление таким комплексным процессом в современных условиях немыслимо без использования цифровых технологий, обеспечивающих необходимую скорость обработки данных, точность анализа и гибкость реагирования.

В цифровую эпоху право не только регулирует внедрение новых технологий, но и само подвергается их трансформирующему влиянию. Цифровые технологии изменяют форму права, механизмы его применения, способы взаимодействия государства с гражданами и организациями. Последствия этих трансформаций до конца не изучены, однако очевидно, что они требуют адаптации существующих правовых институтов и разработки новых подходов к правовому регулированию в условиях цифровой экономики. Модернизация правовых систем для эффективного ответа на вызовы современности и обеспечения устойчивого развития является неотложной задачей для всех стран мира.

Новый взгляд на устойчивое развитие в российском правовом поле предполагает рассмотрение взаимосвязи между понятиями «национальная безопасность» и «устойчивое развитие», вплоть до их отождествления. Национальная безопасность в широком смысле подразумевает не только защиту от внешних и внутренних угроз, но и создание условий для устойчивого социально-экономического развития, повышения качества жизни граждан и сохранения благоприятной окружающей среды.

Стагнация представляет угрозу национальной безопасности, подрывая экономический потенциал страны, нагнетая социальную напряженность и ухудшая экологическую ситуацию. Устойчивое развитие включает в себя обеспечение защищенности от различных угроз, как традиционных, так и новых, порожденных глобальными изменениями климата, деградацией окружающей среды и другими факторами. Укрепление этой концептуальной связи между национальной безопасностью и устойчивым развитием может дать новый импульс научно-правовым исследованиям и практической деятельности по совершенствованию законодательства в области устойчивого развития в России, создать более эффективные механизмы реализации принципов устойчивого развития и интегрировать их в стратегию национальной безопасности.

В заключение следует подчеркнуть необходимость дальнейшего развития и совершенствования законодательства в сфере устойчивого развития в России. Для достижения этой цели требуется комплексный подход, предусматривающий активное взаимодействие различных государственных ведомств, научных организаций и представителей гражданского общества. Привлечение мультидисциплинарных специалистов — юристов, экономистов, экологов, социологов, IT-специалистов и других — позволит разработать результативные и сбалансированные правовые механизмы, способствующие достижению целей устойчивого развития с учетом особенностей цифровой трансформации общества. Особое внимание необходимо уделить вопросам гармонизации российского законодательства с международными стандартами в области устойчивого развития, а также обеспечению его эффективной реализации на практике. Только совместными усилиями, базирующимися на научно обоснованных подходах и широком общественном консенсусе, можно обеспечить переход России к устойчивой модели развития, гарантирующей благополучие настоящего и будущих поколений.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Боголюбов С. А. Законы природы и законы общества // Государство и право. 2016. № 11. С. 21–31.
- Валиев Р. Г. Правотворческая систематизация норм права // Журнал российского права. 2020. № 7. С. 27–39.
- Векленко В. И., Солошенко Р. В., Телегина О. В., Шатохин М. В. Сущность и направления устойчивого развития экономики // Вестник Курской государственной сельскохозяйственной академии. 2019. № 2. С. 34–41. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu3.2018.3.4>.
- Вершило Н. Д. Эколого-правовые основы устойчивого развития : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2008.
- Выпханова Г. В. Понятие и правовое обеспечение концепции устойчивого развития // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2019. № 1 (17). С. 64–93.
- Мусина А. Россия: экологические проблемы не находят решения // Eurasianet. 2019. URL: <https://clck.ru/39CNcS> (дата обращения: 22.02.2024).
- Петрунин Н. В. Цифровизация права и цифровизация законодательства: проблемы и перспективы // Вопросы российского и международного права. 2023. Т. 13. № 8А. С. 128–136. DOI: 10.34670/AR.2023.68.25.017.
- Хмелева Е. Н. Основные тенденции развития экологического законодательства // Экологические проблемы регионов России и способы их решения : сборник материалов всероссийской конференции. СПб., 2012. С. 6.
- Хмелева Е. Н. Правовые аспекты: состояние правового поля и правовой практики // Устойчивое развитие в России. Берлин ; СПб., 2013. С. 19–22.

REFERENCES

- Bogolyubov SA. Laws of nature and laws of society. *Gosudarstvo i pravo [State and law]*. 2016;11:21-31. (In Russ.).
- Khmeleva EN. Legal aspects: The state of the legal field and legal practice. Sustainable development in Russia. Berlin; St. Petersburg; 2013. P. 19–22. (In Russ.).
- Khmeleva EN. The main trends in the development of environmental legislation. Environmental problems of Russia's regions and ways to solve them: A collection of materials from the All-Russian conference. St. Petersburg; 2012. (In Russ.). P. 6.
- Musina A. Russia: Environmental problems do not find solutions. Eurasianet. 2019. Available at: <https://clck.ru/39CNcS> [cited 2024 February 22]. (In Russ.).
- Petrinin NV. Digitalization of law and digitalization of legislation: Problems and prospects. *Voprosy rossiyskogo i mezhdunarodnogo prava [Matters of Russian and International Law]*. 2023;13(8A):128-136. (In Russ.). DOI: 10.34670/AR.2023.68.25.017.
- Valiev RG. Law-making systematization of the norms of law. *Zhurnal Rossiyskogo Prava [Journal of Russian Law]*. 2020;7:27-39. (In Russ.).
- Veklenko VI, Soloshenko RV, Telegina OV, Shatokhin MV. The essence and directions of sustainable economic development. *Vestnik Kurskoy gosudarstvennoy selskokhozyaystvennoy akademii*. 2019;2:34-41. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu3.2018.3.4>.
- Vershilo ND. Ecological and legal foundations of sustainable development. The author's abstract of the Dr. Diss. (Law). Moscow; 2008. (In Russ.).
- Vyphkhanova GV. The concept and legal support for the concept of sustainable development. *Vestnik Universiteta imeni O.E. Kutafina (MGYuA) [Courier of Kutafin Moscow State Law University (MSAL)]*. 2016;1(17):64-93. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Грипич Сергей Анатольевич, кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры экономики и финансов общественного сектора Института государственной службы и управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, адвокат, руководитель отдела уголовной практики ассоциации коллегии адвокатов города Москвы «Грифон» д. 82, Вернадского пр., г. Москва 119571, Российская Федерация

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Sergey A. Gripich, Cand. Sci. (Law), Senior Lecturer, Department of Economics and Finance of the Public Sector, Institute of Public Administration and Management, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Lawyer, Head of the Criminal Practice Department, Moscow Bar Association «Gryphon», Moscow, Russian Federation

Материал поступил в редакцию 6 ноября 2024 г.

Статья получена после рецензирования 1 декабря 2024 г.

Принята к печати 15 июля 2025 г.

Received 06.11.2024.

Revised 01.12.2024.

Accepted 15.07.2025.

ПРАВО И ЦИФРОВАЯ ЭКОНОМИКА

- ✓ Свидетельство о регистрации СМИ — ПИ № ФС77-72703 от 23 апреля 2018 г., ISSN 2618-8198;
- ✓ издается с 2018 г., выходит 4 раза в год;
- ✓ основные языки журнала: русский, английский;
- ✓ входит в перечень ВАК России;
- ✓ включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ);
- ✓ каждой статье присваивается индивидуальный международный индекс DOI;
- ✓ материалы размещаются в СПС «КонсультантПлюс» и «ГАРАНТ».

«Право и цифровая экономика» — международное научное и научно-практическое издание. Журнал посвящен рассмотрению проблем правового регулирования цифровой экономики России и иностранных государств.

Круг читателей журнала: государственные служащие, практикующие юристы в сфере правового регулирования цифровой экономики, предпринимательского и конкурентного права, малого и среднего бизнеса, предприниматели, научные работники, преподаватели, аспиранты, магистранты и студенты юридических факультетов вузов, а также читатели, интересующиеся проблемами и актуальными вопросами развития правового регулирования цифровой экономики России и иностранных государств.

Основные рубрики журнала:

- ✓ Государственное регулирование цифровой экономики.
- ✓ Правовое регулирование криптовалюты и майнинга.
- ✓ Краудфандинг (проблемы и перспективы).
- ✓ Правовое регулирование больших данных.
- ✓ Технология блокчейн и криптовалют (bitcoin, Copernicus, Ethereum и т.д.).
- ✓ Интересы и противоречия, связанные с применением блокчейна в финансовой сфере.
- ✓ Финансовые технологии в действующем российском и международном правовом поле.
- ✓ Цифровые технологии в сфере интеллектуальной собственности и инноваций.
- ✓ Правовой статус смарт-контрактов.
- ✓ Защита прав и законных интересов участников цифровых рынков.
- ✓ Информационная безопасность.
- ✓ Консорциумы промышленного Интернета: правовая природа и особенности регулирования.

KUTAFIN LAW REVIEW

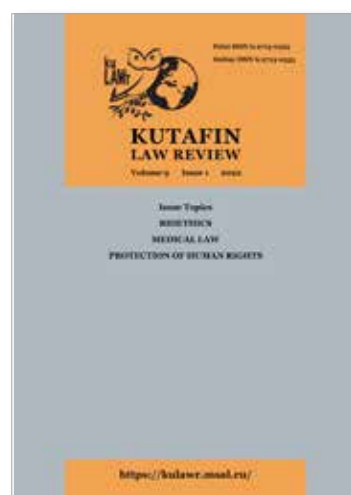
Мультиотраслевой научный юридический журнал, который издается на английском языке с сентября 2014 г. и выходит четыре раза в год. Журнал нацелен на интеграцию российской правовой науки в мировое юридическое сообщество, организацию диалога правоведов по актуальным проблемам теоретической и практической юриспруденции, расширение кругозора и интеллектуальных горизонтов представителей российского правоведения, повышение узнаваемости и авторитета наших ученых-юристов.

Журнал публикует статьи известных и начинающих ученых, юристов-практиков. Главный критерий отбора публикаций — это качество содержания, которое отражает талант автора, его эрудицию и профессионализм в исследуемой сфере, добросовестность и глубину проведенного анализа, использование богатого арсенала научной методологии, актуальность проблематики и новизну результатов проведенного исследования.

Данное издание создает уникальную возможность писать и публиковать научные статьи на английском языке в целях существенного расширения профессиональной читательской аудитории, повышения индекса цитирования, выхода на международный научный уровень.

В качестве авторов, членов редакционного совета и редакционной коллегии с журналом Kutafin Law Review сотрудничают выдающиеся российские и зарубежные специалисты в различных областях юриспруденции.

The best ideas are always welcomed!

Редакционная подписка на журналы Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
Журналы Университета распространяются через объединенный каталог «Пресса России» и интернет-каталог агентства «Книга-Сервис».
Подписаться на журнал можно с любого месяца. Подписные индексы журналов:
«Актуальные проблемы российского права» – 11178, Lex russica – 11198,
«Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)» – 40650, «Право и цифровая экономика» – 39492.
Будем рады видеть Вас в числе подписчиков!

ISSN 1729-5920

9 771729 592008